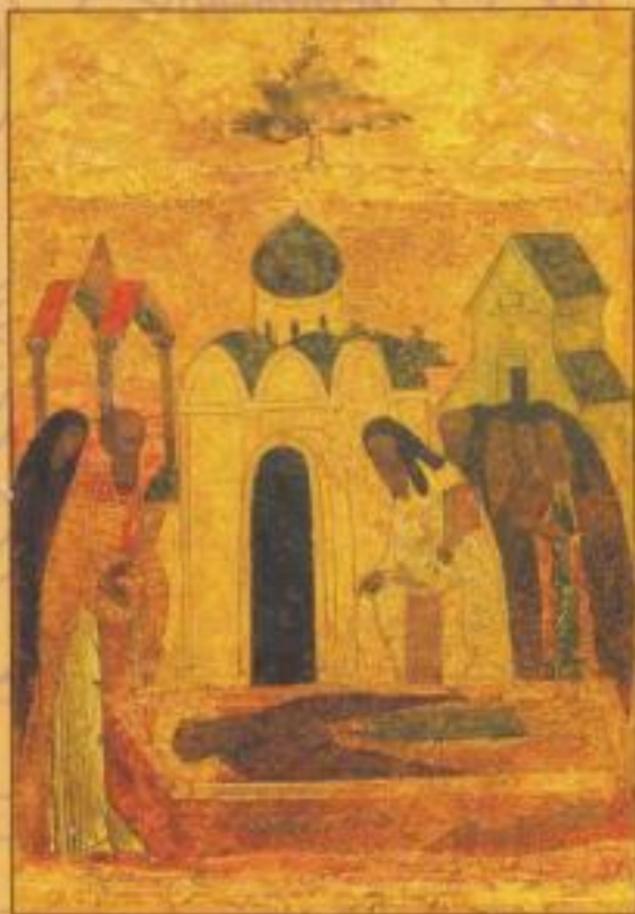

Т. Д. ПАНОВА

ЦАРСТВО СМЕРТИ.
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ XI-XVI ВЕКОВ

Т.Д. ПАНОВА. ЦАРСТВО СМЕРТИ. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ XI-XVI ВЕКОВ

Опул.: Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М.: «Радуница», 2004.

Содержание. От автора. Введение

[3]

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Введение	7
Глава 1. Принятие христианства на Руси и городской погребальный обряд	21
Характеристика городского погребального обряда в первые века христианизации Руси	21
Городские группы курганных захоронений древнерусского времени	22
Формирование городских грунтовых кладбищ и храмов-усыпальниц	25
Письменные источники и лицевые рукописи о городском погребальном обряде	26
Топография городских средневековых захоронений, ориентация могил по археологическим данным	44
Глава 2. Типология погребальных сооружений и надгробных памятников.	65
Погребальные сооружения	65
Могильные ямы	65
Деревянные гробы	70
Каменные саркофаги	76
Кирпичные гробницы	94
Аркосолии — погребальные ниши	98
Раки и сени	106
Крипты	107
Пещерные комплексы	107
Надгробные плиты	112
Эпитафии и христианская символика на погребальных сооружениях и надгробных памятниках	125
Надгробные памятники в интерьере храмов-усыпальниц	129
Памятные знаки, кресты	130
Глава 3. Погребальный инвентарь средневековых захоронений	147
Детали языческого обряда захоронения в инвентаре погребений христианских некрополей.	147
Инвентарь христианских захоронений	153
Погребения священнослужителей и монахов	163
Заключение	175
Список публикаций автора по теме исследования	182
Список сокращений	183

[5]

ОТ АВТОРА

Книга написана на основе кандидатской диссертации, защищенной автором в 1990 г. на историческом факультете МГУ. В переломные для истории России 1990-е гг. не представлялось возможности опубликовать это исследование. Но прошедшее с тех пор время показало, что внимание к данной теме у историков, антропологов, сотрудников музеев не ослабевает. Между тем до сих пор в отечественной историографии нет обобщающего труда, посвященного истории городского погребального обряда средневековой Руси. К настоящему времени число археологических источников и объем информации по теме, несомненно, возросли. Однако разработанная в исследовании типология и общие выводы остаются для современного уровня знаний верными и вполне корректными. Это и подвигло автора предложить свой труд к публикации. Автор признателен руководству Музеев Московского Кремля за возможность издания этой книгой, интерес к теме которой в рядах исследователей прошлого России очень велик.

[7]

ВВЕДЕНИЕ

Развитие ритуала погребения в разных регионах христианского мира на протяжении более полутора тысячи лет было сложным процессом, в котором влияние древних верований, предшествовавших христианству, особенно на начальном этапе формирования новой религиозной системы, играло немаловажную роль.

Принятие христианства на Руси не было единовременным и повсеместным актом. Точкой отсчета здесь является время обращения в христианскую веру в 988 г. жителей только одного города — Киева, совершенного при князе Владимире. Процесс христианизации, продолжительный и неоднозначный, затянулся на несколько столетий. Свидетельством этому служат сегодня не только данные письменных источников, но и материалы археологических исследований.

Одним из основных изменений в погребальном обряде рубежа I — II тыс. н. э. на обширной территории, занимаемой западными и восточными славянами, был отказ от кремации покойников. Это произошло почти повсеместно задолго до официального крещения языческого славянского населения, что отмечают в своих публикациях многие исследователи, обращая внимание на сохранение древних языческих традиций в ритуале похорон вплоть до XII в.^[1] Такое положение, а пережиточных черт язычества много даже в захоронениях представителей верхушки феодального общества, не дает возможности некоторым авторам связать новый обряд — труположение — с христианством.^[2] Некоторые историки вообще отвергали идею смены обрядности (отказа от кремации покойников) под влиянием новой религиозной системы,^[3] и считали, что решить вопрос о причинах изменения ритуала пока не представляется возможным. В одной из работ высказывалось предположение о том, что изменение погребального обряда было обусловлено глубоким проникновением в славянскую жизнь иранских мифологических представлений.^[4]

Современные исследователи считают, что христианская религия не была единственной причиной смены погребального обряда на рубеже I — II тыс. н. э. Население на территориях Руси, в силу географической близости к ранее христианизированным регионам, столкнулось с новой религией задолго до ее официального утверждения на собственной земле. Напомним, что в Киеве уже в середине X в. существовала христианская община и стоял храм Св. Ильи. Здесь христиане вместе с язычниками участвовали в разработке русско-византийского договора 944 г. Поэтому появление христианских деталей в погребальном обряде населения таких центров или целых регионов неудивительно и отмечено задолго до введения новой религиозной системы на Руси.

[8]

Подобные тесные контакты с христианским миром приводили к зарождению двоеверия, к проникновению новых черт обряда в старые ритуалы, к их сосуществованию, что у восточных славян наблюдается в отдельных деталях бытия даже в наши дни.

Следует также иметь в виду, что изменение обряда захоронения у восточных славян проходило в период возникновения древнерусского государства и разрушения первобытнообщинных отношений. Развитие феодальных отношений приводило к распаду кровнородственных связей и делало малую семью основой хозяйственной деятельности общества. Уходили в прошлое времена, когда все члены первобытной общины участвовали в сложном погребальном обряде, требующем значительных материальных, физических и временных затрат. Ритуал похорон становился заботой небольшого числа родственников, что также могло стать причиной его упрощения. Условия общественного развития славян в конце I тыс. н. э., несомненно, сыграли свою роль в изменении и их мировоззрения.^[5] Видимо, этим комплексом обстоятельств и объясняется смена обряда погребения (на труположение) у западных и восточных славян в конце I — начале II тыс. н. э., произошедшая до официального их крещения, что не помешало, впрочем, сохранению многих черт языческого ритуала похорон.

Идея связи между мертвыми и живыми, не прерывающейся никогда, выражалась не только в простой заботе о посмертном благополучии сородичей древнего человека в стране мертвых, но и в более глубокой мысли о непереносимом их возвращении в страну живых. Эти представления на протяжении многовековой истории человечества получили дальнейшее развитие, что привело к появлению различных систем погребального обряда, порой очень сложных. Поэтому изучение ритуала захоронения имеет большое значение наряду с исследованием целого ряда других проблем из области религиозных верований.

Предлагаемая работа посвящена истории развития городского погребального обряда средневековой Руси XI-XVI вв. В настоящее время реконструкции жизни русского средневекового города базируются в значительной степени на анализе археологического материала. Но данным о погребениях, которые привлекаются только в качестве дополнительного источника, уделяется, как правило, мало внимания. До сих пор проблемы истории развития городского ритуала захоронения не были предметом специального исследования. Чаще всего материалы средневековых погребений составляют лишь весьма незначительную часть (или отсутствуют вовсе) в разделах, посвященных вопросам религиозных представлений городского населения этого периода.

История изучения средневекового погребального обряда насчитывает сегодня немного страниц, хотя материалы древних городских некрополей кладбищ привлекали внимание многих исследователей, начиная с XIX в. о для российской историографии XIX -начала XX в. по этому вопросу

[9]

характерна, как правило, только констатация факта находки отдельных или групп захоронений, погребальных сооружений или надгробных памятников. Это был период накопления материалов средневековых погребений,

отрывочные сведения о которых еще не сводились воедино для широкого анализа и классификации как погребальных и надгробных сооружений, так и инвентаря захоронений[6].

Из деталей, составляющих погребальный обряд, внимание российских дореволюционных историков привлекала в основном одна — использование саней в ритуале захоронения на территории Древней Руси. Имеется ряд публикаций по этому вопросу[7], но наиболее серьезной разработкой является большая публикация Д. Н. Анучина конца XIX столетия. Достоинство работы — попытка привлечь для изучения проблемы не только письменные источники, но и миниатюры лицевых рукописей и этнографический материал. Все это позволило автору создать труд, значение которого не утрачено до настоящего времени.

Ряд публикаций посвящен истории отдельных храмов-усыпальниц, нашедших широкое распространение особенно в домонгольское время. Но, как правило, в этих трудах весьма незначительное место уделяется собственно средневековым захоронениям. В лучшем случае мы найдем в них характеристики интерьера храма с надгробными памятниками и упоминания о памятных надписях. Чаще всего не найдем и этого, а будем информированы в основном о чудесах, якобы происходивших возле древних погребений. Непосредственно о ритуале, погребальных сооружениях и инвентаре захоронений в таких работах нет никаких сведений[8].

Сложности культовой реформы, особенно в первые века христианизации Руси, нашли свое отражение во многих областях жизни средневекового общества, в том числе и в ритуале погребения. Но это практически не было освещено в исторической литературе XIX -начала XX в. Анализ публикаций говорит о том, что история погребального обряда в целом в них не рассматривалась. В результате сложились весьма приблизительные представления о средневековом ритуале захоронения, что соответствовало уровню изученности данной темы в тот период. Однако нельзя не отметить значение работ историков и краеведов прошлых лет, поскольку во многом благодаря их исследованиям мы сегодня располагаем ценными свидетельствами и наблюдениями о материалах, которые в силу разных причин не сохранились до нашего времени. Эти сведения представляют несомненный интерес и для современных историков.

В советский период накопление данных о средневековых городских захоронениях шло намного быстрее в связи со значительным расширением программ по исследованию древнерусских городов. Но, как и прежде, к теме ритуала захоронения на Руси в публикациях обращаются очень редко. Для посвященных ей работ характерно введение в научный оборот отдельных находок или их групп, решение узких конкретных вопросов — без рассмотрения истории ритуала в целом. Как правило,

[10]

данные раскопок городских кладбищ и усыпальниц, обнаруженных при исследовании городской территории или церковной архитектуры, в работах советских историков занимают также незначительное место и характеризуются в общих чертах, в ряду других материалов. Следует отметить, что наиболее полно обработаны и изданы сведения о дохристианских и древнерусских некрополях такого крупного центра, как Киев, в отдельных публикациях и в общих трудах по истории этого города[9]. Древнерусские кладбища других центров представлены в исторической литературе эпизодически и кратко[10].

Большое внимание российских историков XX столетия привлекали надгробные памятники средневековья, орнаментальные украшения и эпитафии которых поддаются классификации и позволяют получить интересные выводы исторического и социального плана. Исследованные надгробные плиты относятся к периоду позднего средневековья (XV-XVI вв.), но они составляют определенный этап истории развития погребальной обрядности[11]. Некоторое число небольших публикаций посвящено отдельным находкам саркофагов и связанным с ними загадкам, трудностям в их атрибуции, датировке и т. д.[12]. Однако типология погребальных сооружений и надгробных плит до сих пор не разработана.

Весьма незначителен список работ по истории отдельных некрополей в храмах-усыпальницах древнерусского времени, хотя этот материал имеет исключительно важное значение. Складывавшиеся на протяжении длительного времени комплексы средневековых погребений как нельзя лучше позволяют изучить развитие ритуала[13].

В историографии советского периода мы можем найти лишь несколько публикаций, посвященных изучению отдельных конкретных деталей средневекового погребального обряда[14], порой достаточно незначительных. Причем анализ данных по этим вопросам строился, как правило, на основе какого-либо одного вида источников — или письменных, или археологических. Исключения из этого правила редки[15]. В целом же анализ исторической литературы советского периода показывает, что для многих авторов, вводящих в научный оборот данные о средневековых погребениях Руси, данная тема второстепенная, не находящая развития. Этим и объясняется тот факт, что до сих пор исследований, посвященных средневековому погребальному обряду Руси XI-XVI вв. в целом, в историографии нет. Все вышесказанное свидетельствует о том, что тема истории городского ритуала захоронения средневековой Руси разработана в трудах российских ученых крайне слабо. Поэтому задачи, встающие перед автором данного исследования, очень сложны, разнообразны и масштабны.

Основной задачей книги является подробная и полная проработка всех деталей ритуала захоронения средневекового человека от его смерти до помещения тела умершего в землю. Следует сразу оговорить, что огромный фактологический материал, позволяющий реконструировать

средневековый обряд захоронений во всех деталях, не дает возможности осветить состав церковных служб на погребение и поминовение усопших. Это отдельная большая тема, разработка которой должна базироваться на материалах только письменных источников специфического характера, требующих специальных знаний и определенной подготовки.

Перед автором данной работы стояло несколько проблем: выяснить, как шло формирование обряда погребения в первые века христианизации Руси, проследить его развитие вместе с процессом утверждения новой религии и в период относительно полного ее господства.

Несомненный интерес представляют вопросы, связанные с наличием в городских христианских захоронениях пережиточных черт языческого обряда погребения. Следы древних религиозных представлений прослеживаются во многих областях жизни средневекового общества Руси. Их устойчивость проявляется в ритуальных действиях и атрибутике на протяжении долгого исторического периода, в том числе и при совершении захоронений городского населения Руси. Выявить степень сохранения пережитков язычества, их характер на разных этапах формирования и развития христианского погребального обряда — одна из задач работы.

Интересно также охарактеризовать особенности в обряде захоронения людей, принадлежавших к разным слоям русского городского феодального общества. Такие отличия в захоронениях рядовых горожан и привилегированной части населения, светских лиц и церковнослужителей (как белого, так и черного духовенства), естественно, существовали, что подтверждают и археологические данные.

Одной из основных задач исследования является разработка типологии погребальных сооружений и надгробных памятников, временные и региональные различия в использовании которых прослеживаются очень четко. Картографирование этих данных позволяет сделать важные исторические выводы о происхождении форм саркофагов и надгробных памятников, путях проникновения их на русскую почву, времени их появления и длительности использования. Решение этих вопросов имеет большое практическое значение.

Один из интереснейших вопросов, рассматриваемых в книге, — погребальный инвентарь, использовавшийся при захоронении средневекового человека.

До сих пор в историографии не выяснено время появления и широта использования христианской символики на погребальных и надгробных сооружениях и в инвентаре захоронений. В частности предстоит разрешить вопрос традиции погребения с нательным крестиком. Эта деталь обряда получает в настоящее время достаточно одностороннее и, как правило, неверное толкование, весьма категоричное у многих историков, но во всех случаях не подкрепленное анализом фактического материала.

Типология погребальных сооружений и надгробных памятников, выявление всех деталей ритуала, определение социальной дифференци-

ции в обряде похорон, уточнение других вопросов позволяет воссоздать полную картину формирования и развития средневекового городского погребального обряда на протяжении XI-XVI вв.

Круг источников, которые использованы при разработке темы, достаточно широк и разнообразен. Прежде всего, это археологические данные, привлечение которых в полной мере, даже без других видов источников, позволяет сегодня реконструировать детально весь обряд захоронения. Между тем материалы археологических раскопок до сих пор использовались крайне мало, только при рассмотрении и изучении отдельных деталей погребального ритуала.

В полном объеме никогда не привлекались данные письменных источников о средневековых захоронениях. Отдельные сведения, приведенные в публикациях, посвященных разработке конкретных вопросов, не дают оснований для воссоздания средневекового городского погребального обряда в целом.

Это же относится к лицевым рукописям, миниатюры которых использовались до сих пор весьма в ограниченном числе. Чаще всего одни и те же средневековые рисунки кочуют из издания в издание в качестве иллюстраций при изучении ограниченного круга вопросов по данной теме. Фактически не проводилась работа по выявлению и введению в научный оборот новых письменных источников, привлечение которых дополнило бы наши знания по рассматриваемой проблеме. Однако такие источники есть, и некоторое их число впервые использовано в настоящей работе.

Необходимо отметить, что исследователи всегда правильно оценивали значимость поздних источников для разработки вопросов средневеково-погребального обряда. Здесь имеются в виду этнографические материалы и данные таких специфических документов, как, например, «Дворцовые разряды» XVII в., заполненные очень подробными описаниями придворных церемоний, в том числе и погребальных. Такая оценка пришла к тому, что эти поздние материалы достаточно полно привлекались: историками средневекового быта Руси.

Среди источников, на основе которых выполнена работа, выделяются опубликованные, архивные и данные натуральных исследований, проведенных автором. К настоящему времени в научный оборот введены материалы

значительного числа археологических раскопок средневековых русских городов. Эти данные позволяют сегодня решить многие вопросы разрабатываемой темы. Они не подвергались, как правило, анализу, а отмечены в ряду находок на том или ином археологическом объекте. Сбор и разработка этих данных дают возможность изучить практически все детали погребального обряда — типологию погребальных и надгробных сооружений, особенности инвентаря захоронений, топографию кладбищ и захоронений в храмах-усыпальницах и т. д. Многие вопросы из перечисленных выше и некоторые другие могут быть изучены с привлечением сведений уже опубликованных письменных источников, например рус-

[13]

ских летописей, анализ которых в этом аспекте до сих пор никем не проводился. Опубликованные материалы, особенно археологические, позволяют определить основные направления поисков необходимых данных по изучаемой теме в архивных собраниях. Обращение к архивным материалам было вызвано как необходимостью выявить новые сведения о средневековых городских погребениях в отчетах о раскопках в различных русских центрах, так и получить детальные данные об уже введенных в научный оборот находках, не совсем полно или очень кратко отраженных в публикациях.

Основную группу архивных источников составляют отчеты о раскопках, где осуществлена, к сожалению, не всегда полная фиксация находок, приведены графические материалы и фотоснимки. При работе над темой были использованы отчеты из архивов Института археологии Российской академии наук, а также его ленинградского отделения (ныне Институт истории материальной культуры), Института археологии Национальной академии наук Украины, Музеев Московского Кремля. В целом в работе анализируются данные о более чем 4 500 захоронений, ставших объектами исследований в городских центрах средневековой Руси.

Значительный интерес представляют выявленные в архивах новые письменные источники, привлечение которых дополняет наши знания о городском погребальном обряде средневековой Руси. Анализ некоторых памятников письменности, до сих пор слабо используемых для разработки интересующих нас проблем, также расширяет круг данных для работы. В числе выявленных материалов есть и графические, до настоящего времени не известные исследователям. Среди первых можно выделить несколько письменных памятников XV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры, посвященных правилам погребения монахов и церковнослужителей. Тексты нескольких берестяных грамот также могут быть привлечены при изучении некоторых деталей погребального обряда средневековья. Среди графических источников следует назвать Лицевой летописный свод XVI в., миниатюры которого, правда в ограниченном числе, привлекались при разработке некоторых вопросов похоронного ритуала. Кроме того, в архиве Музеев Московского Кремля была обнаружена неизвестная историкам серия рисунков академика Ф. Солнцева, посвященная находке в 1832 г. на городище Старая Рязань нескольких погребений домонгольского времени^[16]. В этом собрании выявлена и группа фотоснимков, запечатлевших моменты вскрытия в 1929 г. погребений бывшего Вознесенского монастыря в Москве, а также дневник с записями об этих работах и найденных при этом материалах.

В круг источников вошли также данные, полученные автором в результате натурных исследований в Москве и Подмосковье. Были повторно (после 1929 г.) вскрыты и исследованы пятьдесят шесть захоронений XV-XVII вв. бывшего Вознесенского монастыря в Кремле, изучены два саркофага конца XV — начала XVI в. в церкви Божоявления в Китай-городе

[14]

Москвы (эта возможность любезно предоставлена руководителем раскопок доктором исторических наук Л. А. Беляевым) и проведены раскопки двух грунтовых захоронений XVI в. в Серпухове в Высоцком монастыре (данная возможность любезно предоставлена руководителем работ кандидатом исторических наук А. А. Молчановым). Таким образом, при разработке темы впервые комплексно используются археологические материалы, данные письменных источников, графические материалы.

Анализ выделенных групп источников позволяет уяснить, какие вопросы городского погребального обряда можно решить, опираясь на них. Как уже отмечалось выше, основным источником для полной реконструкции всего комплекса погребального ритуала служат археологические материалы. Они дают возможность говорить прежде всего о месте погребения — возле храма на освященной земле или в интерьере храма-усыпальницы.

Наиболее интересен вопрос о погребальных сооружениях, до сих пор практически не разработанный не только в советской, но и зарубежной историографии. Археологические материалы позволяют рассмотреть типологию каменных и кирпичных погребальных сооружений (саркофагов, гробниц), деревянных гробов, несмотря на достаточно плохую сохранность дерева и редкую возможность проследить полностью форму гроба. Разработка типологии крайне важна, так как позволит археологам датировать погребальные сооружения в захоронениях, лишенных инвентаря, по которому определяется время их совершения. Кроме того, изучая типы гробов, удастся, пусть и не всегда, выяснить происхождение той или иной их формы, что позволяет проследить пути проникновения

и время бытования некоторых из этих форм на Русь не только в изучаемый период, но и в общей схеме развития отдельных типов сооружений в погребальной практике христианского мира.

Археологические данные дают возможность рассмотреть вопрос об инвентаре средневековых городских захоронений. Здесь интересно выяснить динамику развития этой детали обряда, включающей в себя погребальные одежды, ритуальные сосуды, атрибуты монашества, различные крашения, предметы быта — ножи, гребни, пуговицы и т. п. Основной аспект этого вопроса — связь с языческим обрядом погребения, для которого характерно наличие в захоронениях богатого инвентаря. Проблема взаимодействия этих двух обрядов захоронения — языческого и христианского (особенно в первые века христианизации Руси) — также в основном решается на археологическом материале.

Другая проблема, изучение которой крайне важно при разработке данной темы, — это появление в ритуале атрибутов христианской религии, речь идет о христианской эмблематике на погребальных сооружениях саркофагах, гробах) или в инвентаре, сопровождающем тело умершего, и частности о наличии нательных крестиков в погребениях. Проблема,

[15]

на первый взгляд, решается однозначно, так как в исторической литературе укоренилось прочное представление об этой детали обряда захоронения. Считается, что с принятием христианской религии на Руси погребение с нательным крестиком становится обязательным. Рассмотрение этого вопроса на материале археологических данных приводит к неожиданным результатам и позволяет по-новому решить эту проблему.

Не менее важен вопрос о появлении эпитафий на погребальных и надгробных сооружениях, также до сих пор не рассматривавшийся в историографии. Интересно прослеживаются различия в обряде захоронения светских лиц и священнослужителей. На археологическом материале выявляется и социальная принадлежность погребенных, причем на анализе многих деталей ритуала, начиная от места захоронения и заканчивая инвентарем и прочим. В решении вопросов, связанных с формированием погребального обряда средневековой Руси, важное место занимают письменные источники. Причем некоторые данные письменных памятников удачно дополняют материалы археологических раскопок. Так, например, анализируя сведения русских летописей, можно встретить сообщения о месте погребения (возле храма или в храме), о характере погребального сооружения («гроб камен», рака, аркосолій), о некоторых мелких деталях ритуала, четко выявляемых по данным археологии. Но есть отдельные моменты ритуала захоронения, отмененные только в письменных источниках: время совершения погребения, упоминания о подготовке тела к захоронению, о принятии пострига перед смертью и т. д. Некоторые источники, в частности выявленные в ходе работы, приводят полные описания обряда захоронения монахов и священнослужителей, практикуемого в XV в. Эти сведения помогают реконструировать как весь ритуал в целом, так и отдельные его детали.

Разнохарактерные графические материалы являются важным дополнением к археологическим и письменным источникам не только в качестве иллюстративного материала. Так, миниатюры средневековых лицевых рукописей (Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода XVI в.) доносят до нас типы некоторых погребальных сооружений раннего времени, использование которых после XIII в. прекратилось. Отмечены в рисунках и отдельные детали обряда, упоминаемые только в письменных источниках, что усиливает степень доверия к последним. В работе рассматривается история сложения и развития городского погребального обряда средневековой Руси в XI-XVI вв. Хронологические рамки темы обусловлены двумя моментами. Изучение христианского ритуала захоронения на Руси возможно на материалах не ранее XI в., поскольку официально принятие новой религиозной системы относится к концу X столетия. Верхняя дата (XVI в.) объясняется общепринятыми хронологическими рамками для русской средневековой археологии. Следует оговорить те случаи, когда при разработке некоторых вопросов не-

[16]

обходимы отсылки к материалам XVII-XVIII вв. Например, при описании некоторых типов погребальных сооружений и надгробных памятников естественно желание автора проследить развитие типа до конца, если их использование завершается в XVII-XVIII столетиях. Это касается также отдельных деталей ритуала захоронения, время бытования которых выходит за хронологические рамки исследования.

Географические рамки темы нуждаются в более подробной аргументации. Это вызвано сложными историческими обстоятельствами, приведшими к территориальным изменениям Русского государства на протяжении его истории, в том числе и в исследуемый период (XI-XVI вв.). При разработке темы учитывались данные археологических раскопок в центрах Киевской Руси (до 30-х годов XII в.) и городах периода феодальной раздробленности (XII-XV вв.). Начиная с XIV в. западнорусские и южнорусские земли, не сумевшие сохранить свою самостоятельность, опадают в состав Литовского княжества и частично Венгрии — в области влияния католической церкви. Это приводит к значительным изменениям в идеологии, что не могло не сказаться и на характере обряда захоронения. Археологические данные о погребениях на территории этих земель с XIV в. в книге не учитываются и не рассматриваются. Это несколько сужает географические рамки при разработке темы для V-XVI вв. — начального

периода сложения русского централизованного государства. Таким образом, для XI-XIII вв. в работе используются материалы городских центров всей территории Древней Руси, что обусловило их значительное число и разнообразие. Это дает возможность выявить наличие общих для всех этих земель черт погребального ритуала проследить отличия, характерные для отдельных центров. Для периода V-XVI вв. главное значение приобретают материалы городов Северо-восточной и Центральной Руси.

Методика исследования материалов по теме обусловлена прежде всего тем, что до сих пор в исторической литературе не рассматривался вопрос о городском погребальном обряде средневековой Руси в целом, сложность и широта задачи потребовали комплексного использования различных по характеру источников, что впервые делается для решения вопросов, связанных с изучением ритуала захоронения городского населения в XI-XVI вв. Несмотря на это, исследование проведено с применением достаточно традиционных для исторического изыскания методов. Прежде всего были собраны по возможности полные данные о городских средневековых погребениях (XI-XVI вв.), анализ которых позволил выделить весь круг вопросов, решаемых с их помощью. Затем данные были систематизированы по каждому из этих направлений, перечисление которых, ввиду их многочисленности, заняло бы здесь много места. Значительный интерес представляла систематизация данных для работы типологии погребальных сооружений и надгробных памятников. Данная работа практически никогда не проводилась ни в россий-

[17]

кой, ни в зарубежной историографии. Незавершенность этого вопроса приводит к значительным трудностям при определении типов гробов, саркофагов и т. д. Создание типологии помогает упорядочить материал, выявить наиболее характерные для обряда типы погребальных сооружений, время их бытования, районы распространения и другое. Систематизация данных проведена практически по каждому из общих вопросов истории погребального обряда и по отдельным его деталям, включая самые незначительные.

Один из методов работы с материалами по исследуемой теме — картографирование данных о распространении типов погребальных сооружений, надгробных памятников (плит), храмов-усыпальниц, отдельных деталей ритуала. Это позволяет делать широкие исторические выводы о путях развития христианского погребального обряда на Руси во всех его деталях.

В исторической литературе на протяжении долгого времени складывалась определенная терминология для обозначения как погребальных сооружений, так и отдельных деталей обряда захоронения. Однако слабая разработанность проблем, связанных с этой тематикой, приводит к неправильному, на наш взгляд, применению терминов, смешению их при обозначении того или иного явления, утрате их первоначального значения. Чаще всего это касается погребальных сооружений, разнообразие типов которых значительно усложняет их обозначение. Так, практически однозначными предстают ныне такие термины, как «саркофаг» и «гробница», используемые для разнообразия поочередно в трудах историков для обозначения одного и того же сооружения. Для того, чтобы разнообразить текст, конечно, необходимо использовать близкие по смыслу слова. Для данной тематики при обозначении погребальных сооружений можно пользоваться таким достаточно нейтральным термином, как «гроб» (каменный или деревянный). Дело в том, что термин «саркофаг» имеет, на наш взгляд, значительно более узкое значение, чем термин «гробница». В настоящей работе термин «саркофаг» предлагается использовать для обозначения каменных монолитных или составленных из нескольких плит гробов разных типов. Для названия погребальных сооружений, составленных (или сложенных на растворе) из кирпича, глины, небольших каменных плит или блоков, предлагается термин «гробница». Понятие «гробница» в общепринятом смысле гораздо шире термина «саркофаг». Под термином «гробница» предполагаются во многих случаях «циклопические» сооружения типа пирамид древнеегипетских фараонов или другие сложные погребальные сооружения с многочисленными ходами, помещениями для саркофагов и значительным погребальным инвентарем. Поэтому и необходимы были сделанные уточнения. Они касаются, естественно, погребальных сооружений, получивших распространение в средневековье на территории Руси. Здесь не использовались крупные погребальные сооружения типа пирамид или

[18]

мавзолеев древности, для обозначения которых и были созданы соответствующие термины — «гробница», «саркофаг» и т. д. Но поскольку они получили широкое распространение и применение в российской исторической литературе, и в частности в археологической, то необходимо учитывать особенности обозначаемых ими погребальных сооружений средневековой Руси.

Надгробные памятники в интерьере храмов, получившие не очень широкое распространение и малоисследованные, известны в письменных источниках и старой литературе под названием «надгробница». Этот термин, несомненно, устарел, хотя и имеет право на существование. Надгробные памятники в храмах-усыпальницах (предлагается это сочетание) представляют собой пустотелые сооружения прямоугольной формы, как правило, сложенные в один кирпич, размещенные над могилой. Чаще всего их украшали резными каменными плитами с памятной надписью о погребенном или текстом из священного писания, иногда и с тем и с другим одновременно. Узкое значение имеют

термины «рака» — захоронение в интерьере храма, над полом, «сень» — как правило, устраивалась ад ракой, «аркосолий» — открытая или замурованная ниша в стене храма-усыпальницы (место для захоронения), грунтовое погребение и т. д. Получивший широкое распространение в средневековье обычай помещать над местом погребения каменные плиты хорошо известен. Для обозначения каменных плит над могилами (гладких, с орнаментом и эпитафий, только с эпитафией) используют с одинаковым успехом термины «замогильная» или «надгробная» плита. Деревянные погребальные сооружения не столь разнообразны по конструкции, как каменные. Но и среди них выделяются колоды, изготовленные из целого куска дерева, и гробы-ящики, сколоченные из отдельных досок. Здесь терминологической путаницы обычно не бывает.

Представляется важным практическое применение разработки темы по городскому погребальному обряду средневековой Руси XI-XVI вв., которое выражается прежде всего в выработке столь необходимой в археологической теории и практике типологии погребальных сооружений и надгробных памятников, а также уточнении их терминологии. Детализированная типология и четкая датировка материалов позволит пользоваться ими для сравнительного анализа данных раскопок средневековых некрополей. Это касается других деталей погребального обряда в целом.

Кроме того, разработка данной темы может представлять интерес для музейной практической деятельности. В значительном числе русских церковных архитектурных памятников сохранились древние погребения и целые некрополи, экспонирование которых требует от музейных сотрудников четких представлений о погребальном обряде средневековой Руси. Методические рекомендации, созданные на основе данного исследования, позволят грамотно построить работу с многочисленными посетителями музеев страны.

---

[1] Иванова О. В. Распространение христианства у славян в Византии (VII-X вв.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 22.

[2] Krumphanzlova L. Pocatky krest'anství v Cechach ve svetle archeologických pramenu // Památkyarcheologické. 1971. 2. С 413, 436-438.

[3] Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века // СЭ, 1946. №11. С. 88; Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 104.

[4] Седов В. В. Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. конф. Псков, 1988. С. 50.

[5] Моця А. П. Население Среднего Приднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987. С. 47.

[6] Мурзакевич Н. Н. Об открытии гробницы в окрестностях Смоленска // ТЛОИДР. 1837. Ч. 8; О древних гробницах, найденных в Старой Рязани в 1830 г. // ТРУАК. Рязань, 1899. Т. 14, вып. 3; Гробница св. Владимира // ИАК. СПб., 1905. Приб. к вып. 14; Романцев И. С. Ковалевская находка // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1908. Вып. 1; Щепкин В. Н. Описание надгробий // Отчет... Российского Исторического музея за 1906 г. М., 1907; Он же. Описание надгробий // Отчет... Российского Исторического музея за 1911 г. М., 1912.

[7] Труворов А. Погребальные сани великих князей и царей // Русская старина. Киев, 1887. Т. 12; Анучин Д. Н. Сани, ладея и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности. Тр. МАО. М., 1890. Т. 14; Беляшевский М. Сани в похоронном обряде // Киевская старина. Киев, 1893. Т. 12. № 6; Гр. А. Б. Заметка об обряде погребения на санях // ИАК. СПб., 1902. Вып. 4.

[8] Левшин А. Историческое описание... Московского Большого Успенского собора. М., 1783; Снегирев И. М. Архангельский собор в Московском Кремле // Русские достопамятности. М., 1877. Т. 2; Пшеничников А. Соборный храм Вознесения в Вознесенском монастыре в Москве. М., 1886; Сперанский М. А. Древние гробницы Георгиевской церкви // ТРУАК. Владимир, 1902. Т. 4.

[9] Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА. М.; Л., 1949. 11; Картер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958-1961. Т. 1-3.

[10] Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. 11; Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110; Мезенцева Г. Г., Прилепко Я. П. Древнерусский могильник Белгорода Киевского // Археология. Киев, 1980. Т. 35; Гуревич Ф. Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка // КСИА. 1983. Вып. 185.

[11] Каргер М. К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. 1940. Вып. 4; Николаева Т. В. О некоторых надгробиях XV — XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. 1958. № 3; Она же. Надгробие новгородского архиепископа Сергия // Там же. 1965. № 3; Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // НЭ. 1960. Вып. 1; Он же. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // Там же. 1962. Вып. 3; Левенок В. П. Надгробия Трубецких // СА. 1960. № 3; Золотое Ю. М. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы // Там же. 1962. № 2; Он же. Три памятника старомосковской эпиграфики // Там же. 1984. № 2; Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1966. Вып. 6; Шеляпина Н. С. Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3; Она же. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // Там же. 1973. № 4.

- [12] Воронин Н. Н. Боголюбский саркофаг // КСИИМК. 1947. Вып. 14; Высоцкий А. Про дослідження та пірвисне місце саркофага Ярослава Мудрого в Київський Софії // Славяно-руські старожитности. Київ, 1969; Сизов Е. С. Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Материалы и исслед. / Гос. музеи Моск. Кремля. М., 1973. 1.
- [13] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. № 8; Он же. Вышгородский храм — усыпальница Бориса и Глеба // Там же. 1952. № 16; Он же. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // Там же. 1977. № 1; Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. 1949. Вып. 24; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.
- [14] Кучкин В. А. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967. № 1; Макаров Н. А. Топография погребений в древнерусских храмах XI-XIII вв. // Тез. докл. советской делегации на IV Междунар. конгр. слав. археологии. София. 1980, М., 1980; Он же. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. № 2; Моця О. П. Монеты из древнерусских погребений среднего Поднепровья // Археология. Киев, 1984. Т. 45.
- [15] Макаров Н. А. Топография погребений в древнерусских храмах XI-XIII вв.; Он же. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей.
- [16] Богатская И. А., Панова Т. Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань //РЕ. 1999. №1.

Глава 1. Принятие христианства на Руси и городской погребальный обряд

[21]

Характеристика городского погребального обряда в первые века христианизации Руси

Проблемы сложения и развития городского погребального обряда XI-XVI вв. непосредственно входят в круг вопросов, связанных с историей христианизации Руси. Долгое время в российской историографии преобладал упрощенный взгляд на историю принятия христианства на Руси. До сих пор крещение Руси пытаются представить (церковные историки особенно) как безоговорочное торжество новой религии во всех сферах жизни. Но процесс христианизации проходил очень сложно и занял длительный период. Первоначально охватив высшие круги феодального общества, главным образом в крупных центрах, христианство встретило достаточно решительное сопротивление основной массы населения Древней Руси, языческой по своим верованиям. Даже ко времени монголо-татарского нашествия, когда христианство на Руси уже существовало достаточно долго, степень его распространения и влияния была неодинаковой не только в разных землях, но и в различных классах феодального общества. Официальные хроники того времени — русские летописи — отмечали, что по-настоящему «нача вера христианская плодится и расширять» только при Ярославе Мудром^[1]. Следует иметь в виду, что во второй половине XI в. распространение христианства ограничивалось в основном районом Приднепровья, с трудом осуществлялось в Новгороде, а междуречье Оки и Волги этот процесс практически не затронул.

В задачу данной книги не входит анализ всех сторон становления новой религии, перипетий ее борьбы с языческими представлениями населения Древней Руси в первые века после официального принятия новой веры, а также с пережитками древних верований в период позднего средневековья. Отметив всю сложность процесса христианизации Руси на протяжении изучаемого времени (XI-XVI вв.), оговорим, что не будем останавливаться как на его положительных, так и отрицательных сторонах. При изучении темы нас прежде всего интересует вопрос о том, какие изменения с принятием новой религии происходят в области ритуала захоронения населения древнерусских городов.

Об изменениях в обряде погребения городского населения нет сведений ни в летописях, ни в агиографической литературе, ни в других памятниках письменности Древней Руси. Анализ церковных документов — материалов соборов, обличительных и поучительных слов деятелей церкви,

[22]

направленных против языческих верований и их пережитков, показывает, что и в них нет упоминаний о ритуале погребения вообще и о каких-либо отклонениях от церковных канонов в этой области в частности. Поэтому основным источником для характеристики вопроса о взаимоотношениях двух систем обрядов погребения в первые века христианизации Руси являются археологические данные.

Необходимо отметить, что до сих пор основное внимание в исторической литературе уделялось курганному обряду захоронения населения русской деревни как в период до принятия христианства, так и после его утверждения в качестве официальной религиозной системы. Городской ритуал погребения никак не рассматривался в работах, посвященных религиозным представлениям людей в первое время после принятия новой веры. Отмечалось только,

что отказ от кремации покойников в городах произошел, несомненно, под влиянием христианской религии на рубеже X-XI вв[2]. В историографии существует достаточно твердое представление о том, что с принятием христианства погребальный обряд стандартизуется и приводится к единообразию на новой основе, а именно: захоронение покойника должно проводиться на освященной церковью земле[3].

Глубокое изучение прежде всего археологических материалов выявляет крайне сложную картину развития обряда погребения в средневековых русских городах, особенно в домонгольский период. Полученные результаты не позволяют согласиться со многими до сих пор бытующими в российской историографии положениями по вопросам ритуала захоронения. В исторической литературе практически нет крупных исследований, рассматривающих в полном объеме проявления синтеза языческих и христианских верований. Процессы взаимопроникновения и взаимовлияния двух религиозных систем были сложны и многообразны, и главное, очень долговременны. Лишь отдельные стороны этих процессов в период двоеверия нашли отражение в литературе, но проблемы, связанные с обрядом погребения, к их числу не относятся.

Городские группы курганных захоронений древнерусского времени

Сложность и продолжительность процесса внедрения новой государственной религии на Руси нашла свое отражение и в истории городского погребального ритуала. О пережитках языческого обряда захоронения в городских погребениях ниже будет сказано подробно. Здесь же мы хотим обратиться к такому пережиточному моменту в развитии обряда, как горские курганы древнерусского времени.

До принятия христианства и сельское, и городское население совершало погребения под курганными насыпями в непосредственной близос-

[23]

ти от того или иного центра обитания. Какие же изменения происходят в этой сфере с принятием новой религиозной системы? Археологические исследования показывают, что с появлением в древнерусских городах в конце X-XI в. христианских храмов начинают формироваться кладбища возле них и некрополи внутри них. В то же самое время значительная часть городского населения продолжала совершать захоронения под курганными насыпями. Городские курганные могильники первых веков христианства на Руси изучены далеко не во всех древнерусских центрах, так как развиваясь, города, как правило, поглощали своей застройкой территории, занятые в древности курганами. Наиболее перспективны для изучения в этом отношении центры, сохранившиеся в границах древнерусского времени или прекратившие по тем или иным причинам свое существование достаточно рано, не уничтожив в своем развитии городских курганных кладбищ. Количество исследованных городских могильников, продолжавших свое существование и в домонгольское время, достаточно мало. Однако их наличие со всей очевидностью характеризует период, когда наряду с зарождавшимися и развивавшимися грунтовыми кладбищами при культовых постройках продолжает осуществляться погребальный обряд языческого периода — под курганными насыпями.

Раскопанных комплексов городских курганных могильников известно немного. Все они, в отличие от обычных деревенских, сосредоточиваются близ городов. Так, например, исследован курганный городской могильник XI — XIII вв. за валами Переяслава-Хмельницкого. Он служил кладбищем для рядового городского населения. Под курганами обнаружены погребения в глубоких ямах, в деревянных гробах, сбитых гвоздями. В некоторых захоронениях встречены дорогие украшения. Большинство из них были без инвентаря, но в отдельных погребениях найдены вещи: железные ножи, точильные бруски, костяные гребни, бронзовые кольца, перстни, пуговицы и другое[4]. На юго-восточной окраине Суздаля, на Михайловой стороне, исследован большой курганный могильник. Почти во всех курганах обнаружены труположения, нередко со следами частичного сожжения. Для всех курганов характерен выжженный горизонт, что свидетельствует о совершении обряда очищения огнем поверхности земли перед погребением. Об этом говорит и золистый слой в подошве всех курганов, зола в засыпке могильных ям, зола и угли выше и ниже останков погребенных. В некоторых курганах костяки носят следы неполного сожжения — кости грудной клетки кальцинированы или отсутствуют. Зафиксированы и кальцинированные черепа. Погребальные сооружения, как правило, деревянные, разных конструкций. Могильник возник на рубеже X- XI вв. и просуществовал до середины XII в.

Курганный могильник на Михайловой стороне, безусловно, является городским некрополем — он и расположен менее чем в одном километре

[24]

от Суздаля. Найденные во многих погребениях дорогие серебряные ювелирные изделия, привозные шелковые и златотканые одежды говорят о том, что похороненные принадлежали к зажиточной части суздальского населения[5].

Курганное кладбище Пскова древнерусского времени исследовано в восточной части междуречья Псковы и Великой. Оно открыто под культурным слоем, а служило местом захоронения населения, жившего на территории детинца и посада. Кладбище существовало в одном комплексе со святилищем, располагавшемся в окружении курганов. Захоронения датируются X — первой половиной XI в.^[6] Некрополь располагался за стенами первоначальных укреплений, в относительной близости от них. Большая часть погребений — трупосожжения, вещевой материал немногочислен, отмечены предметы вооружения. Обряд захоронения некоторых погребений указывает на то, что умершие были уже христианами. Но основной контингент погребен по языческому ритуалу или со значительным числом пережитков этого обряда. Об этом говорит и наличие святилища, и ритуал очищения земли перед захоронением огнем и т. д.^[7]

При исследовании Чернигова также зафиксированы городские курганные погребения с захоронениями в ямах, с остатками деревянных гробов, крышки которых заколачивались обычно двумя гвоздями — в головах и в ногах. Они располагались в пределах «передгородья»^[8] и были в основном стерты при росте города. В инвентаре некоторых захоронений представлены женские украшения, остатки золотного шитья от украшения одежды, ножи. Но основная масса погребений (82%), как, например, в курганном кладбище на Болдиных горах, почти не дает инвентаря^[9]. Практически не встречены здесь и трупосожжения, а также другие пережитки языческого ритуала, например, остатки тризны в сосудах. Это было время, когда на Болдиных горах уже, видимо, возникла Ильинская церковь. Курганные городские захоронения Чернигова датируются XI-XII вв. и осуществлялись в период, когда в городе уже функционировали прицерковные грунтовые кладбища по христианскому обряду и храмы-усыпальницы. Интересно отметить, что наличие курганных погребений в Полоцке, например, подтверждают даже его планы средневекового времени, в частности 1579 г. Курганные могильники в окрестностях этого города можно наблюдать и сегодня^[10]. Есть такие могильники в районах Орши, Заславля, Борисова. Как правило, по обряду это трупоположения с богатым инвентарем, в составе которого имеются предметы вооружения (с инкрустацией серебром и княжескими знаками), украшения, ножи, кресала, деревянные ведра, сосуды, один из которых с княжеским знаком-двузубцем на днище^[11]. Датируются городские курганные захоронения Полоцкой земли концом X — началом XI в.

Обширный курганный могильник X-XI вв. (более ста шестидесяти сохранившихся насыпей) изучен к востоку от Новогрудка у деревни Бретьянка. Сходство керамических и железных изделий (топоров, кресал, ножей) из

[25]

данного могильника с вещами из жилого слоя X-XI вв. древнего Новогрудка, наличие женских украшений, в том числе серебряных, близость могильника к городу, — все это говорит о несомненной связи этих двух комплексов. Видимо, могильник у деревни Бретьянка в полутора — двух километрах от Новогрудка является некрополем города, синхронным его слоям X- XI вв.^[12] Интересно отметить, что городские христианские захоронения Новогрудка датируются временем не ранее первой половины XII в.^[13]

Курганный могильник XI — первой половины XII в. исследован и на городище Старая Рязань. Его насыпи уничтожены при сооружении вала в связи с ростом городской территории^[14].

Все эти материалы свидетельствуют о том, что курганный обряд захоронения населения древнерусских городов продолжал бытовать еще долгое время после изменения официальной государственной религии. В основном продолжали функционировать те курганные могильники, которые возникали при городских центрах Древней Руси еще до принятия христианства, хотя отмечены случаи возникновения таких могильных комплексов и в XI в., то есть после изменения религиозной системы. Живучесть языческих представлений отмечается ныне во всех сферах жизни древнерусского городского населения, в том числе и в погребальном обряде, о чем говорят находки городских курганных могильников, расположенных в непосредственной близости от оборонительных систем древнерусских городов XI-XIII вв. Причем по инвентарю можно судить о том, что хоронили здесь не только рядовых жителей, но и представителей достаточно зажиточной части городского населения.

Формирование городских грунтовых кладбищ и храмов-усыпальниц

Свидетельства образования и развития городских христианских кладбищ и усыпальниц более многочисленны, чем данные о курганных могильниках древнерусских центров. Это естественно и в силу уже отмеченных выше причин, и в силу того, что изучение древнерусских центров в последние десятилетия ведется широко и планомерно.

Все городские захоронения располагаются на территориях, прилегающих к культовым постройкам или непосредственно в них, так как главное условие христианского обряда — его совершение на освященной церковью земле. Интересны случаи, когда своеобразными кладбищами становились территории разрушенных древних церквей, чьи стены служили естественной оградой места захоронения людей.

Закономерно, что наиболее ранние христианские могильники зафиксированы в Киеве. Датируются они X в. (известно, что в это время в Киеве была церковь Св. Ильи). Письменные источники говорят о нали-

[26]

чии уже в X столетии значительной группы христиан среди населения Киева. Археологическими работами выяснено, что с X по XIII в. существовал грунтовый могильник на Подоле[15]. Значительный по объему раннехристианский могильник исследован на горе Юрковица, где основная масса погребений датируется второй половиной X в[16].

Материалы городских кладбищ, начиная уже с самых ранних, дают различные формы погребений: просто в могильной яме без какого-либо погребального сооружения, в деревянных колодах или гробах-ящиках, в бересте и т. д. Значительно отличаются, хотя и не менее разнообразны, формы захоронений в храмах-усыпальницах. Здесь использовалось для погребения не только подпольное пространство церкви, но и ее интерьер. Зафиксированы кирпичные гробницы под полом, иногда в интерьере храма, каменные саркофаги разных типов, специальные ниши — аркосолии, раки и т. д. Более подробно все эти формы захоронений с анализом типов погребальных сооружений будут рассмотрены ниже. Уже одно перечисление форм этих захоронений, столь разнообразных в самый ранний период развития христианской погребальной культуры в городах домонгольской Руси, говорит о том, что ее формирование было сложным и длительным процессом, а тезис о полной стандартизации ритуала погребения с принятием христианства представляется не совсем корректным.

Прежде чем перейти к анализу археологического материала, позволяющего полностью восстановить весь средневековый ритуал захоронения в городе, следует обратиться к другим источникам.

Письменные источники и лицевые рукописи о городском погребальном обряде

До сих пор в исторической литературе XX в. не было попыток рассмотреть письменные источники в преломлении к теме данного исследования. В настоящей работе выделение специального раздела для анализа этого вида источников вызвано его спецификой в сравнении с археологическими.

Письменные источники по разрабатываемой теме многообразны — русские летописи, каноническая литература, жития святых, берестяные грамоты и другие. Все эти памятники помогают в той или иной степени сконструировать отдельные детали погребального обряда и восстановить его в целом. Интересно отметить, что сведения письменных памятников находят подтверждение в археологических материалах. Такая «взаимопроверка» значительно повышает степень надежности и значимость источников.

В русских летописных сводах записи, связанные со смертью и погребением, столь многочисленны, что их трудно учитывать. Как правило, основную их массу составляют очень краткие и стандартные формулы, со-

[27]

держащие только упоминание о смерти того или иного персонажа. Причем необходимо отметить, что данные летописей в основном связаны с упоминанием членов великокняжеских семей, церковных иерархов, монашеской братии, то есть верхушки феодального общества.

Достаточно интересные выводы дает анализ более чем четырехсот записей, посвященных рассматриваемой теме. Обращает на себя внимание обилие сведений, в которых зафиксирован только факт смерти: в 1154 г. «...преставился княгиня Глебова Юрьевича в Суждали»[17], в 1258 г. «...преставился Олег Рязанский во скиме»[18]. Другая группа записей характерна еще и указанием места погребения умершего. Под 1063 г. отмечено, что «...преставился Судислав брат Ярославль, и погребоша и во церкви святого Георгия»[19], в 1138 г. «...преставился Еоуфимья Володимерна и положена быс на Берестовем у стго Спаса»[20], под 1294 г. — «...преставился князь великий Дмитрий Александрович в Волоце, и положен быс в Переяслави»[21], под 1427 г. — «Тогда приставился князь Василей Володимерович, и положен в Архаггеле на Москве»[22].

Значительное число записей включает еще и указание даты смерти. Анализ летописных сведений с упоминанием дней смерти и погребения того или иного лица позволяет рассмотреть вопрос о том, в какие сроки совершались похороны на разных этапах формирования обряда. Однако в летописях очень мало записей, содержащих указание сразу на оба эти события — день смерти и день похорон (всего тридцать). В них зафиксированы случаи погребения в день смерти: «...преставился Яновая именем Марья августа в 16 день... и положиша ю оу церкви святая Богородица... в 16 день»[23]. Это событие 1091 г. Но такие случаи отмечены летописями и для более позднего времени, например для 1453 г.: «...июля 5 преставился великая княгини Софья... и положена того же дни в манастыре Възнесение на Москве...»[24]. Среди летописных данных есть записи о погребении на следующий день после смерти. Так, умерший 13 апреля 1093 г. киевский князь Всеволод был погребен 14 апреля[25], в 1115 г. «...преставился Олег Стославич месяца августа в 1 день, а во вторый погребен быс...»[26]. В 1274 г. «...преставился архиепископ Новгородий Дльмат октября 21, в субботу канона; а в неделю погребоша и во святей Софии»[27]. Есть аналогичные сведения и в описании событий XIV-XVI вв. (всего пятнадцать упоминаний для периода XI-XVI вв.). Фиксируют источники и погребение на третий день, и в более поздние сроки. Как правило, захоронения через три и более дней связаны с перевозкой тела на место погребения издалека или с ожиданием приезда на похороны

важного родственника. Такие случаи могут и не учитываться при анализе, так как вызваны необычными обстоятельствами.

Судя по летописным данным, погребение совершалось или в день смерти, или на следующий день. Видимо, этим объясняется незначительное число записей в летописях с указанием одновременно дня смерти и похорон и большое число записей с указанием только дня смерти — захоронение в этот же или на следующий день подразумевалось. Среди сведений,

[28]

содержащих указания на оба дня (смерти и похорон), чаще всего фиксируются случаи совершения обряда на следующий день. Это подтверждают и данные поздних источников XVI-XVII вв. Так, «Дворцовые разряды», неоднократно и подробно описывавшие захоронения лиц царской фамилии в XVII в., отмечают чаще всего похороны на следующий день после смерти для детей чаще в тот же день. Это говорит о длительности сохранения данной детали ритуала. Хотя в период XII-XVI вв. письменные источники фиксируют иногда и случаи погребения в день смерти (Москва, Вознесенский монастырь, 1453, 1558 гг.) или на третий день (Чернигов, 1164 г.; Москва, 1353, 1467 гг.). В записках Ж. Маржерета, путешественника XII в., отмечено, что на Руси мертвых погребают в течение двадцати четырех часов[28]. Сохранившиеся до наших дней описания церемоний царских похорон говорят о том, что чаще всего в XVII в. хоронили на следующий день. Так, например, умерший 17 января 1670 г. царевич Алексей был погребен 18 января[29], умерший 17 марта 1690 г. патриарх Иоаким был похоронен 18 марта[30]. Погребение умершей 12 мая 1691 г. дочери Ивана V состоялось 13 мая[31], а Натальи Кирилловны, матери Петра I, — 26 января, на следующий день после ее смерти[32]; умершая в первом часу ночи 24 января 706 г. царица Татьяна Михайловна была погребена днем того же числа[33].

В «Житии Пафнутия Боровского», составленном Вассианом Саниным в XVI в., подробно описаны смерть и погребение святого. Умерший вечером мая 1477 г. Пафнутий был похоронен на следующий день, второго мая[34]. Эта сторона обряда может быть реконструирована только благодаря сведениям средневековых письменных памятников. В них можно найти также упоминания о других деталях обряда похорон. Так, например, в летописях достаточно много раз отмечены погребальные сооружения, чаще сего при описании событий XI-XIV вв. Употребляется при этом нейтральный термин «гроб», без указания материала и его формы (двадцать восемь раз). Пять раз отмечено название «гробница», также без каких-либо подробностей устройства: «...облобыза стоую ракоу и по сем же приде ко отни гробницы»[35]. Пять раз при описании погребальных церемоний XI-XIII и XV вв. упоминается термин «гроб камень» или «гроб мраморяни»[36], чаще встречается термин «рака» (двенадцать раз), причем указан и материал (камень, дерево, мрамор), из которого они сделаны (семь раз упомянуты при описании событий XI в.). Погребальное сооружение киевского князя Владимира (умер в 1015 г.) охарактеризовано как «корста мраморяна»[37].

Среди самых ранних форм захоронений отмечены и пещерные. Все они связаны с Киево-Печерской лаврой[38]. Как показал анализ письменных источников, в них нигде нет упоминаний о формах погребальных сооружений древности. Только однажды, в записи под 1162 г., связанной со строительством церкви Успения в Ростове и обретением останков епископов XI в., зафиксировано, что гроб епископа Леонтия был «покровен двема дскама»[39]. Каменные саркофаги с по-

[29]

логими двускатными крышками хорошо известны в материалах XII-XIII вв. во Владимире. Как показали раскопки в церкви Успения Ростова, саркофаг Леонтия действительно закрыт двускатной крышкой[40]. Несколько более информативны в отношении форм погребальных сооружений миниатюры средневековых лицевых рукописей. Правда, и здесь основная масса рисунков демонстрирует нам хорошо известные по фресковой живописи и иконописи традиционные гробницы прямоугольной формы (ил. 1). В миниатюрах Радзивилловской летописи несколько раз изображен саркофаг прямоугольной формы, но с высокой двускатной крышкой. Такие гробы есть в миниатюрах, посвященных погребению Андрея Боголюбского[41], в сцене у раба Бориса и Глеба в Вышгороде[42], в сцене у гроба Феодосия в Успенском соборе Печерского монастыря[43]. В Сильвестровском списке Сказания о Борисе и Глебе (XIV в.) также имеются изображения каменного саркофага с высокой двускатной крышкой[44]. Гробы с такими завершениями хорошо известны по материалам Киева. Один из них, Ярослава Мудрого, на протяжении многих веков находится в интерьере Софии Киевской и, несомненно, был хорошо известен создателям лицевых рукописей средневековья.

В рисунках зафиксированы другие формы крышек каменных гробов прямоугольной формы, в частности такая редкая, как сводчатая. В археологическом материале средневековой Руси известны два саркофага с такими крышками (один в Белгородке, где он датируется концом XII в., и один, 1244 г., в Новгороде). В миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. изображения таких сводчатых крышек даны в сцене поклонения Дмитрия Донского гробам предков в Архангельском соборе Московского Кремля перед Куликовской битвой в 1380 г.[45]; в

миниатюре (1395 г.) того же тома, в сцене погребения князя Дмитрия Юрьевича Красного в 1441 г.[\[46\]](#). Хотя можно предположить, что в некоторых рисунках изображены надгробные памятники со сводчатыми завершениями в интерьере Архангельского собора Московского Кремля[\[47\]](#).

Анализ лицевых рукописей говорит о том, что на рисунках отражена только одна форма погребальных сооружений — гроб прямоугольной формы с крышками трех типов: плоской, двускатной и сводчатой. Но изучение археологического материала позволяет нам уточнить типологию каменных погребальных сооружений, значительно более сложную, чем это видится по средневековым лицевым рукописям.

Достаточно рано, в XI в., в письменных источниках появляются упоминания о такой форме погребения, как раки. Причем появление рак в первые века христианизации Руси связано в основном с Киевом и его округой. Отмечены почти всегда каменные сооружения и лишь однажды деревянное. Захоронение в раке предполагает его расположение в интерьере храма. Исследовать этот вид погребения довольно сложно, так как древние раки практически не сохранились. Объясняется это многими причинами: захоронения в интерьере были больше подвержены влиянию стихии

[30]

Рис. 1

[31]

(пожаров), страдали при нашествиях (их разрушали в поисках богатого инвентаря) и поновлениях, которые неоднократно предпринимала официальная церковь, особенно активно в период XVII-XIX вв.

Самое раннее упоминание о раках связано с захоронением в 1054 г. в Софии Киевской князя Ярослава Мудрого[48]. Это один из редких случаев сохранения раки практически нетронутой на протяжении более девяти веков. Рака представляет собой большой мраморный саркофаг с высокой двускатной крышкой, украшенной резьбой и акротериями по углам. С трех сторон украшены резьбой и стенки гроба.

Одно из самых интересных описаний по устройству захоронений в раках связано с перенесением в новый каменный храм в Вышгороде мощей Бориса и Глеба в 1115 г. (ил. 2). Причем в летописи отмечен острый спор между князьями Владимиром, с одной стороны, и Давидом и Олегом, с другой. «Владимир бо хотящу поставити среди церкви и терем серебрян поставити над нима, а Давид и Олег хотяше поставити я в комару... на правой стороне, идеже бяста устроена комара има...»[49]. Предполагалось или поставить раки в центре храма под сенью, или поместить в аркосольной нише справа, что в итоге и было сделано. Князю Владимиру не оставалось ничего другого, как богато украсить и сами раки, и место их расположения: «Володимер же окова раце серебром и златом...»[50].

Из летописных данных ясно, что «наверху земли» в храме находилась и рака с телом Александра Невского (умер в 1262 г.) в Рождественском монастыре во Владимире, что и привело к гибели этого захоронения и полной утрате его в пожаре 1491 г[51].

Традиция совершения наиболее почитаемых погребений в раках в интерьерах храмов была продолжена и в дальнейшем, вплоть до XX в. Можно привести многочисленные примеры таких наиболее почитаемых захоронений в раках в Успенском и Архангельском соборах Московского Кремля, в Успенском соборе Владимира, Рождественском соборе Суздаля и т. д. Чаще всего такого погребения удостоивались высшие церковные иерархи, реже — князья. Летописи дают довольно интересные сведения об устройстве рак и в более поздний период, в XV-XVI вв., например в Ярославле. В 1463 г. встал вопрос о захоронении мощей князя Федора Ростиславича, его сына Константина и внука Давида, лежащих «наверх земли»[52]. В Москве в 1535 г. для мощей чудотворцев митрополитов Петра и Алексия по приказу великого князя Ивана Васильевича и его матери Елены Глинской были изготовлены новые, богато украшенные золотом и серебром раки. Многочисленны примеры изготовления новых рак и в более позднее время, особенно в XVII-XIX вв., что привело к уничтожению древних погребальных сооружений этого типа. В письменных источниках практически нет данных о том, где, кем и каким образом изготавливались погребальные сооружения. Нельзя же буквально воспринимать сообщение летописи о том, что митрополит Петр, умерший в Москве в 1326 г., был погребен в каменном гробу

[32]

собственного изготовления: «...и положиша его в гробе камене, иже сам създа»[53]. В миниатюре Лицевого летописного свода XVI в., иллюстрирующей это событие, художник дает более жизненную интерпретацию, изобразив за спиной митрополита Петра человека с инструментом (ил. 3)[54]. Интересно, что в рисунке очень реально показаны на саркофаге следы от работы ложчатым долотом.

Как показывают натурные исследования, многие каменные гробы изготавливали, высекая из монолита камня. На это указывает и одно из летописных сообщений, связанное с погребением тверского князя Михаила в 1399 г. Князь сам выбрал и указал место своего будущего захоронения в церкви Спаса: «...повеле себе под столпом гроб сечи»[55]. В описании подготовки к погребению московского князя Василия III (умер в 1533 г.) есть косвенные данные о том, что существовали специальные мастерские, где на продажу изготавливались погребальные сооружения из камня. В летописи отмечено: «...и поговоря с митрополитом послаша шатерничаго Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру (с князя Василия III. — Т. П.), и повелеша ему гроб привести камень»[56]. Других данных по этому вопросу для исследуемого периода в письменных источниках нет.

Рис. 2

2. Перевоз мощей князя Глеба в новый храм в Вышгороде. Миниатюра «Сказания 1 Борисе и Глебе». Сильвестровский список XIVв. Прорись

Рис. 3

3. Закладка гроба митрополитом Петром в Успенском соборе в 1326 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

[34]

Между тем они подробно освещают такую специфическую форму кладбищ, как пещерные. Пещерные захоронения не нашли широкого распространения на Руси. На ее территории в период средневековья существовало несколько пещерных монастырей, среди которых наиболее известным является Печерская лавра в Киеве. Известны аналогичные монастыри в Выдубичах (Киев), в Чернигове и под Псковом (Печорский). Впервые, начиная со второй половины XI в., упоминаются в летописях факты погребения «в пещерах» Киевского Печерского монастыря, наиболее доступного для исследований на сегодняшний день. Но его изучение проводится редко, а материалов о погребениях этого комплекса в исторической литературе немного. Это затрудняет разговор о погребальном обряде в таких своеобразных некрополях. К тому же захоронения Печерской лавры подверглись со временем поновлению, что осложняет изучение черт первоначального обряда. Поэтому такую специфическую форму некрополя и ритуал захоронения в нем не удастся включить в общий обзор по данной теме, хотя материалы представляют огромный интерес для разработки проблем средневекового погребального обряда. Стоит напомнить, что самая ранняя

памятная надгробная надпись средневековой Руси обнаружена именно в Киево-Печерском пещерном некрополе[57].

В летописных известиях привлекают внимание упоминания, хотя и крайне редкие, о «замазывании» гробов при захоронении. Самое раннее и наиболее подробное из них относится к 1288 г. и связано с погребением князя Владимира во Владимире-Волынском. Гроб с его телом был помещен в интерьере Успенского собора, видимо, в аркосолии: «...вложу в гроб и лежа в гробе тело его не замазано от 11 дне... декабря до 6 дне... апреля, княгиня его не можа ся втолвити, но пришед с епископом Евгением и с всем крилосом, открывше гроб и видиша тело его цело и бело... и замазаша гроб его месяца апреля в 6 день»[58]. Очевидно, саркофаг с телом князя не был закрыт окончательно (по желанию вдовы) и только через четыре месяца крышку соединили раствором с саркофагом. Как показали натурные исследования, при захоронении в каменном саркофаге зазор между ним и крышкой во многих случаях промазывался известковым раствором. При использовании деревянных погребальных сооружений также зафиксированы случаи промазывания изнутри (иногда снаружи со стороны днища) смолой или тем же известковым раствором. Так, при перевозке тела князя Дмитрия Юрьевича Красного для захоронения в Архангельском соборе Московского Кремля оно было помещено в деревянную колоду: «...и положиша его в колоду и осмоливше с полстymi повезоша его на Москву на носилех»[59]. Таким способом, видимо, пытались предохранить тело от гниения, так: путь в Москву занял три недели.

Незначительны в письменных источниках упоминания о подготовке а к захоронению. Почти все известные указания на эту деталь обряда ограничиваются краткой формулой «спрятавшe тело его»[60] или иногда

[35]

«опрятавшe тело еа»[61]. Но необходимо отметить, что чаще всего эта лаконичная формула употреблялась при описании событий XI-XIII вв. и в дальнейшем почти неизвестна. Лишь однажды под 1147 г. употреблена формула «и облеча и»[62]. Одним из наиболее информативных в этом отношении описаний является летописная запись о захоронении князя Владимира Васильковича в 1289 г. Подготовка его тела к погребению заключалась в следующем: «...княгини же его... омывша его, и оувиша и оксамитом со кружевом якоже достоит царем»[63]. Тело князя, умершего в Любомле, было завернуто в дорогие привозные ткани и доставлено к месту захоронения во Владимир-Волынский, где при совершении погребения еще раз, как отмечает летопись, «опрятавшe тело его»[64]. Для событий XIV в. в летописях зафиксировано выражение «скутавшe честное тело... святителя»[65], которое связано с описанием церемонии погребения митрополита Петра в 1326 г.

Из приведенных выше данных нельзя заключить, какие же различия существовали в подготовке к захоронению светских лиц, монахов и священнослужителей, хотя, несомненно, таковые существовали. Ответ на этот вопрос дают археология и некоторые письменные памятники позднего средневековья. Так, в рукописях второй половины XV в. достаточно подробно описана церемония подготовки к захоронению умерших монахов и священнослужителей. В рукописи псалтири Свято-Троицкой Сергиевой лавры 1490-х гг. основное место в чине погребения отведено описанию подготовки к захоронению тела умершего монаха. После омовения и снятия старой одежды покойника одевают в новую. Если «...будет великий схимник, возложит на нь куколь, на главие верху главы, покрыв и до браны яко видену быти лицу его. а малого схимника клобуком., по сем възложит на нь плети, и припошет его и обует»[66]. Достаточно сложно раскраивалась мантия, в которую заворачивали тело усопшего на одре, устанавливаемом затем «внутри паперти, прямо церковных дверей, и положат икону на персях мертвому»[67]. Также облачали к погребению и великосхимника. Очень кратко в источнике упомянуто о подготовке к захоронению умерших представителей белого духовенства: «Аще ли поп белец, омывают его водою, и облечат и в срачицу, и в сукняную свиту, таж стихарь и петрахиль и фелонь, а на ногах копытца, и калигы»[68]. Здесь отмечены одежды, в которых священнослужитель отправлял богослужения в храме. Есть в этом источнике беглое описание погребального облачения светских лиц: «Аще ли мирянин, простец, по умовении водою, в срачицу. и в саван с наголовием. и свиют и укром, и по челу обяжут рубом. хрестьци нашиваны, а на ноги копытца, и калигы. Також и жены погребаются»[69]. Данные письменных источников по этому вопросу подтверждаются археологическим материалом, речь о котором пойдет ниже.

В исторической литературе XX в. нет работ, посвященных такой детали обряда, как использование саней в ритуале захоронения. Един-

[36]

ственной и весьма важной по значению является публикация Д. Н. Ануина[70]. В ней проанализированы все известные в то время источники, говорящие об использовании саней в погребальном обряде. На сегодняшний день круг источников практически не изменился, что освобождает от необходимости повторного подробного анализа уже однажды квалифицированных материалов. Летописные памятники фиксируют случаи применения саней для перевозки тела к месту погребения не только зимой[71], но и летом[72], а также помещение саней с телом умершего в церкви[73]. Это нашло отражение и в миниатюрах некоторых лицевых рукописей XIV-XVI вв., достаточно часто привлекаемых в исторических исследованиях в качестве иллюстративного материала. В работе, Н. Ануина

отмечены миниатюры Сильвестровского списка XIV в. «Сказания о Борисе и Глебе», где есть изображения саней в связи с кончиной в 1015 г. киевского князя Владимира (ил. 4, 5)[\[74\]](#), в связи с переносом в 1072 г. мощей Бориса и Глеба в новый храм[\[75\]](#). Зафиксированы случаи использования саней в погребальной церемонии для переноса вдовы Василия III к месту захоронения ее мужа[\[76\]](#) в 1533 г., что также нашло отражение в миниатюре, но уже Лицевого летописного свода VI в. (ил. 6). Исследование Д. Н. Анучиным средневековых рисунков можно дополнить еще одним изображением, им не отмеченным. Это миниатюра, посвященная погребению в 1560 г. царицы Анастасии, первой жены Ивана IV, где ее тело несут для захоронения в саниах (ил. 7)[\[77\]](#). использование саней в ритуале захоронения широко известно и в VII в. Оно зафиксировано в церемониях похорон членов царского дома, подробно описанных в «Дворцовых разрядах»[\[78\]](#). Этнографические материалы указывают на использование саней, особенно в южнорусских землях, вплоть до второй половины XIX в.[\[79\]](#).

В работе Д. Н. Анучина большое внимание уделено использованию ладьи как погребального сооружения. Отголоски языческого обряда захоронения в ладье, корабле, широко распространенного в Северной Европе (Скандинавии) и отдельными находками представленного на территории континентальной Европы в конце I тыс. н.э., известны и в Северо-Западных землях Руси. Самое позднее из них датируется I в. В лицевых рукописях лишь однажды отмечено захоронение с использованием ладьи. В миниатюре Сильвестровского списка «Сказания Бориса и Глеба» (XIV в.) изображен момент погребения князя Глеба между двумя колодами «под насадом»[\[80\]](#). В письменных источниках крайне редки сведения о сроках поминальных действий после совершения погребения. Одно из самых ранних упоминаний сорочин (сорокового дня после смерти) имеется в жестяной грамоте середины XIV в., найденной в Новгороде. Это документ № 689, речь в котором идет о мероприятиях, связанных с подготовкой захоронения умершего на реке Узе в 1352 г. владыки Василия, среди перечисленных продовольственных сборов отмечено: «...дал

[37]

Рис. 4

4. Тело киевского князя Владимира ночью тайно вывозят из дворца. 1015 г. Миниатюра «Сказания о Борисе и Глебе». Сильвестровский список XIVв. Прорись

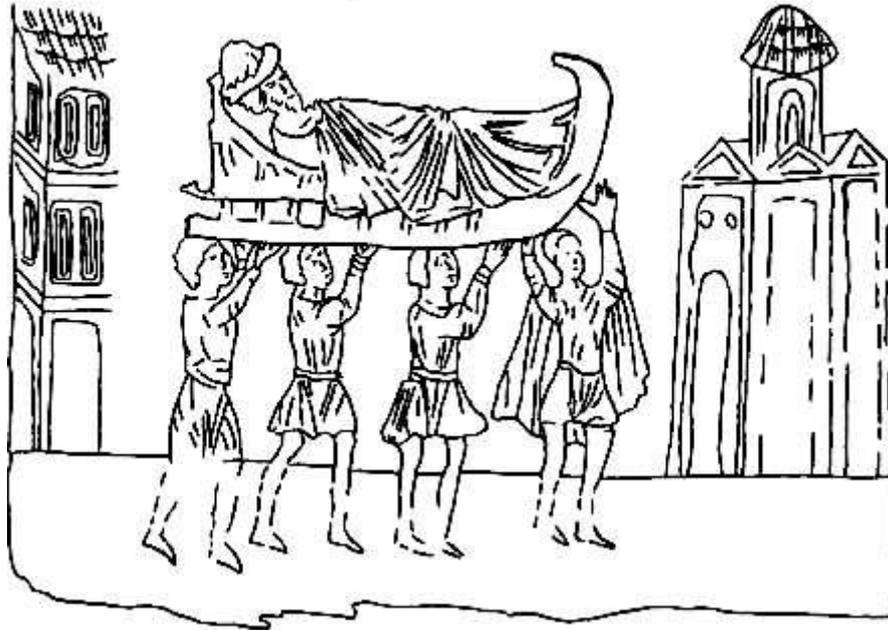

Рис. 5

5. Погребение киевского князя Владимира в 1015 г. Миниатюра «Сказания о Борисе и Глебе». Сильвестровский список XIVв. Прорись

[38]

осмь рубель и пиво вариле ко сорочинам»^[81]. В русских летописях упоминается сороковой день поминок под 1490 г. в связи со смертью сына Ивана III. Великий князь «после сорочин сына своего» велел казнить лекаря мистро Леона», обещавшего вылечить князя Ивана и не сумевшего этого сделать^[82].

Следует отметить, что в письменных источниках практически нет указаний на использование инвентаря, сопровождавшего покойника, между тем при археологических исследованиях средневековых городских погребений он зафиксирован достаточно часто. В то же самое время в письменных источниках отмечены случаи помещения отдельных предметов рядом с местом погребения некоторых исторических лиц. Как правило, это касается захоронений в храмах-усыпальницах. Так, при погребении князя Всеволода-Гавриила в церкви Троицы в Пскове отмечено: «...поставите над ним его меч, иже и до ныне стоит видим все-

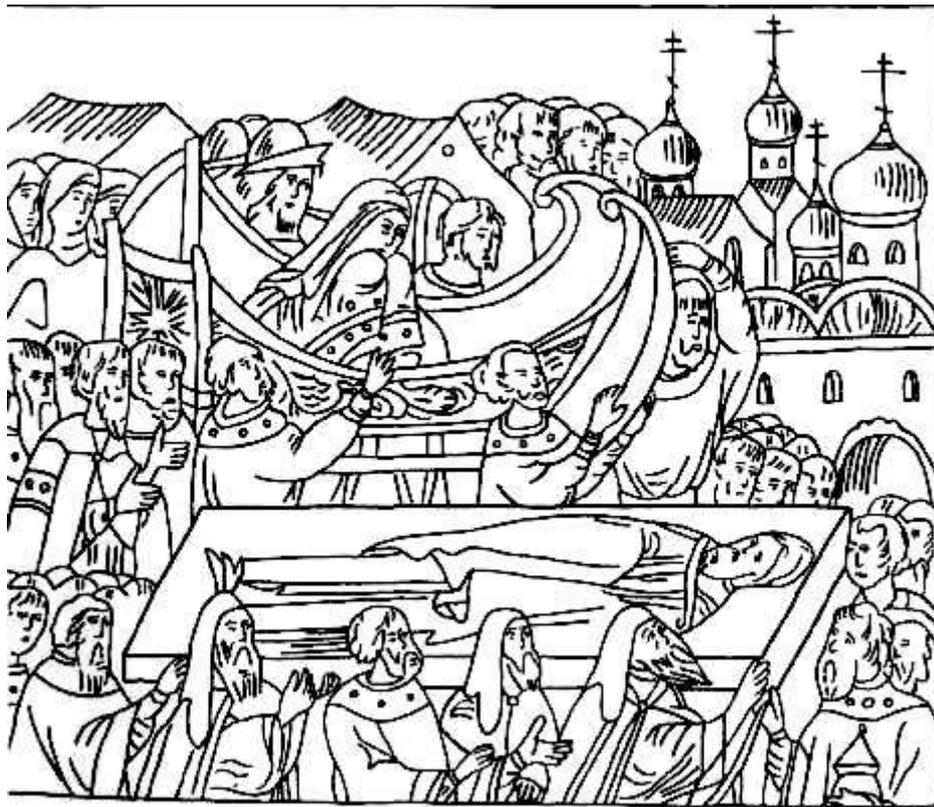

Рис. 6

6. Погребение великого князя Василия III в 1533 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. Прорись

[39]

ми»^[83]. В этом же комплексе есть еще одно захоронение, рядом с которым помещался меч — у могилы князя Тимофея-Довмонта, умершего в 1289 г.^[84] Трудно сказать, в какое время действительно сложилась эта традиция, поскольку ученые относят меч с погребения Всеволода-Гавриила, в луч-

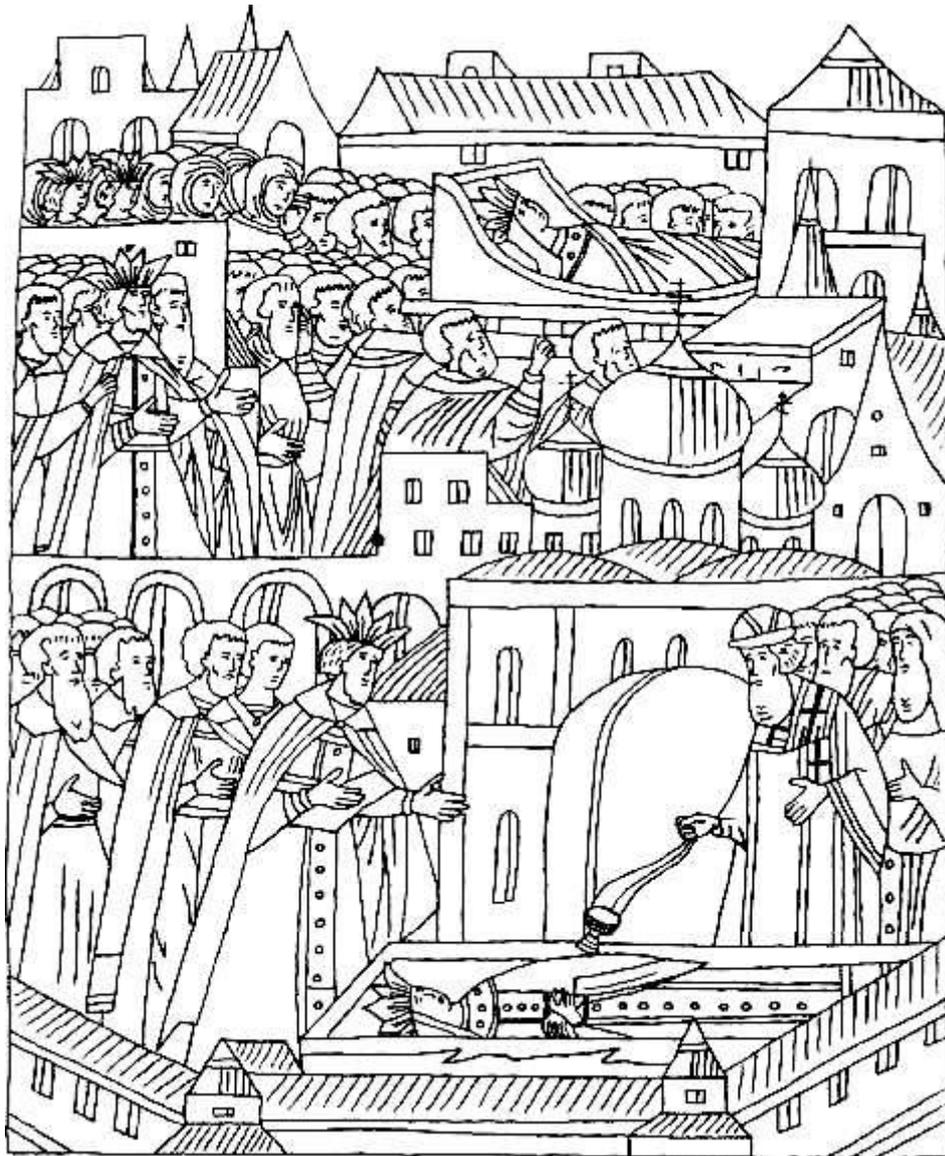

рис. 7

7. Погребение царицы Анастасии в 1560 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. Прорись

[40]

шем случае, к XIV в[85]. Интересно указание в литературе XVIII в. на меч, сохранявшийся при одном из захоронений Спасо-Преображенского собора в Чернигове. В случайно обнаруженной в XIX в. крипте под полом храма он был замечен на одном из гробов[86]. По данным краеведческой литературы, предметы вооружения находились в Успенском соборе Владимира при гробнице князя Изяслава (умер в 1164 г.) в одном из аркосолий храма — это были шлем, принадлежавший князю по легенде, и стрелы[87]. При погребениях в интерьере храмов упоминаются большие напольные свечи. Так, при устройстве места захоронения епископа Леонтия (Ростов) в новом храме Успения Богородицы в 1162 г. описаны «свечи велики у гроба его»[88]. Важно, что основания для этих свечей в виде двух белокаменных блоков были найдены при археологических работах[89]. Аналогичные свечи упомянуты в описании устройства в XV в. нового места захоронения в интерьере церкви Спаса в Ярославле для князей Федора Ростиславича (умер в 1299 г.), его сына и внука[90]. В Москве, в Успенском соборе, при раке митрополита Ионы (умер в 1461 г.) сохранялись железные вериги — свидетельство его подвижнической жизни. Указанные примеры демонстрируют нам живучесть культа реликвий: эти вещи связывались с жизнью местных святых, многим из них приписывалась чудотворная сила.

В летописных памятниках, фиксирующих случаи смерти и погребения представителей верхушки средневекового общества, мы находим указания на факты принятия перед смертью этими людьми монашества, происходило это за несколько дней до смерти того или иного лица (в предчувствии смерти) или непосредственно перед смертью. Такое постижение противоречило канонам принятия монашества, четко регламентирующим все его этапы. На нарушение этих канонов неоднократно называли и сами церковные историки[91]. Между тем в летописях многочисленны сведения о принятии пострига перед смертью. Самые ранние случаи пострижения зафиксированы в конце XII в.

(всего четыре случая). Впервые на это указано под 1177 г., когда умерла жена киевского князя Всеволода: «...преставися княгини Всеволожая, приемши ея ся чернечкою скимоу»^[92]. Следующее сообщение также связано с погребением женщины, сестры владимирского князя Всеволода Ольги в 1181 г.: Преставися... княгини Ольга, сестра Всеволожа, великого наречена чернечскы Офросенья...»^[93]. Аналогично поступил смоленский князь Давид (умер в 1197 г.): «Преставися... князь Давид... примм мнискый чин, егоже желаше»^[94]. В дальнейшем число таких сообщений растет, достигая своего пика в XIV в. Так, жена Всеволода III постриглась, чувствуя сближение смерти, 2 марта 1205 г. «...в черници и во схиму в монастыри святыя Богородица... и нарекша имя ей Мария... Того же месяца 19... преставися... пребывши в монастыри 18 день постригшися»^[95]. В схиме были погребены владимирский князь Владимир в 1227 г.^[96], муромский князь Давид в 1228 г.^[97], рязанский князь Олег в 1258 г.^[98], князь Александр

[41]

Невский в 1262 г.^[99], ростовский князь Дмитрий в 1269 г.^[100], переславский князь Дмитрий в 1294 г.^[101] В XIV-XVI вв. летописи значительно реже отмечают случаи пострига перед смертью представителей феодальной верхушки, хотя их еще достаточно. Приняли монашеский сан перед смертью новгородский князь Афанасий (1322 г.) и два посадника в 1417 г.^[102], погребенная в Киево-Печерской лавре в 1392 г. княгиня Ульяна, жена литовского князя Ольгерда^[103], тверской князь Михаил в 1399 г.^[104], суздальский князь Константин в 1355 г.^[105], князь «Александр Ростовский» в 1404 г.^[106], мать Владимира Храброго княгиня Мария в 1389 г.^[107], Иван Калита в 1340 г.^[108] и великий князь Василий III в 1534 г.^[109].

Анализ материалов некоторых исследованных усыпальниц показывает, что принятие монашеского сана перед смертью происходило далеко не всегда. Так, среди почти шестидесяти захоронений усыпальницы Вознесенского монастыря в Московском Кремле атрибуты монашества выявлены только в шести случаях. Все остальные погребения носили светский характер. Изучение миниатюр Лицевого летописного свода XVI в. показало, что изображения погребаемых в монашеской одежде даны там, где это оговорено в тексте. Таких рисунков немного и связаны они в основном с событиями XIV-XVI вв. Например, в миниатюре, иллюстрирующей похороны московского князя Даниила (умер в 1303 г.), тело его облечено в схиму. В монашеском хоронят и Василия III (ил. 8)^[110]. Однако значительно больше рисунков с изображениями погребаемых в светской одежде и с княжеской шапкой или царской короной, когда речь идет о великих князьях и царях, членах их семей (ил. 9).

Письменные источники средневековья практически никогда не затрагивают на своих страницах вопросы, связанные с организацией похорон и платой за их совершение. Тем интереснее и значительнее сведения новгородских берестяных грамот, отражающих, хотя и крайне редко, некоторые стороны погребального обряда. Здесь следует выделить грамоты № 601 и 609^[111], которые касаются расчетов княжеской семьи с посадником за организацию в 1198 г. похорон малолетних княжичей, сыновей Ярослава Владимировича. В текстах берестяных документов фигурируют суммы денег, которыми расплачивались с посадником за взятые у него сани, попоны и прочее. Причем у посадника было взято трое саней: за двое уплачивались деньги (эти сани, скорее всего, остались в монастыре), а третьи возвращались владельцу^[112]. Исследователи отмечают, что смысл грамоты № 601, представлявшей некий реестр расходов князя и княгини на похороны, организованные посадником, дает слово «крытное» — погребальное^[113]. Выше уже приводились сведения берестяной грамоты в связи с термином «сорочины».

[42]

Рис. 8

8. Погребение великого князя Василия III в 1533 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись. Перед смертью великий князь принял постриг

Рис. 9

9. Кончина и погребение князя Ивана Малого, брата Дмитрия Донского, в 1365 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

[44]

Топография городских средневековых захоронений, ориентация могил по археологическим данным

Летописные источники для XI-XV вв. приводят названия около семидесяти храмов в двадцати трех городских центрах, в которых совершали погребения в средневековье. Подавляющее большинство усыпальниц — сорок некрополей — относятся к XI-XIII вв. Динамика в использовании храмов для устройства погребальных комплексов здесь достаточно убедительна. Так, в XI столетии, для которого характерно еще слабое распространение христианства, по письменным источникам усыпальницы известны только в трех центрах (Киев, Чернигов, Новгород), и их немного — только восемь. Но уже для XII-XIII вв. летописи называют нам тридцать два храма с некрополями в двадцати городах Руси.

За последние годы археологически выявлено значительное число древних храмов и комплексов захоронений в них. Эти материалы позволяют не только подтвердить данные письменных источников, но и значительно расширить наши представления о традиции устройства некрополей в культовых постройках. Так, число некрополей в храмах XI в., с учетом археологических находок, увеличивается до тринадцати. Причем выясняется, что комплексами таких захоронений обладал еще один центр — Переяслав-Хмельницкий, а не только отмеченные выше Киев, Чернигов и Новгород. Археологически выявлены новые храмы-усыпальницы XI-XII вв. в Киеве (четыре), XII в. — в Галиче (три), Переяславе-Хмельницком (один), XI-XII вв. — в Чернигове (два), XII-XIII вв. — в Смоленске (одиннадцать), Старой Ладогe (три), XIII-XV вв. — в Новгороде (четыре) и т. д. Общее число известных на сегодня по разным видам источников храмов-усыпальниц XI-XVI вв. достигает ста десяти в тридцати пяти центрах средневековой Руси.

В связи с этим интересно выяснить, в храмах какого посвящения чаще всего располагались усыпальницы, и прослеживается ли при этом какая-либо закономерность. Как показал анализ посвящений культовых построек с усыпальницами внутри, выделить четкие группы с определенными названиями практически не удастся. Уже в XI в. захоронения совершались как в богородичных храмах (Успенский собор Киево-Печерской лавры, Десятинная церковь), так и в храмах, посвященных Христу (Софийские соборы Киева и Новгорода, церкви Спаса в Чернигове и Переяславе-Хмельницком) и святым (церковь Михаила в Переяславе-Хмельницком). В XII-XIII вв. эта картина меняется весьма незначительно, хотя несколько возрастает, по сравнению с другими, использование храмов, посвященных святым (двадцать один). В это время можно также выделить четырнадцать храмов-усыпальниц богородичного цикла и одиннадцать церквей христологического цикла. Для XIV-XVI вв., когда число усыпальниц растет незначительно, также отмечены некрополи в храмах всех трех групп. Внутри выделенных

[45]

групп можно назвать храмы определенного посвящения, наиболее широко использовавшиеся для некрополей. Так, среди богородичных храмов 85% составляют посвященные Успению и Рождеству Богородицы, среди христологических это Спасские церкви (80%). Интересно, что только три Софийских храма были использованы для совершения захоронений — два в XI в. (в Киеве, Новгороде) и один — в XII в. (в Полоцке). Социальная принадлежность погребений в храмах-усыпальницах определяется очень точно: здесь захоронены представители верхушки феодального общества — князья и члены их семей, высшие церковные иерархи, местная знать. Об этом говорят как летописные данные, так и материалы археологических раскопок, по которым особый характер захоронений в храмах прослеживается очень четко. Интересно, что для раннего периода (XI-XIII вв.) характерно наличие внутри храмов погребений и светских лиц, и священнослужителей (князей и членов их семей и высших церковных деятелей). Уже в этот период начинают складываться усыпальницы по династическому принципу для представителей отдельных «ветвей» княжеских родов. Монастырские усыпальницы часто становятся местом успокоения для светских лиц. Например, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры, как фиксирует летопись, совершались погребения представительниц княжеской семьи в непосредственной близости от могил монашеской братии. Интересен вопрос о топографии захоронений в средневековых храмах-усыпальницах. Сведения летописей и материалы археологических работ дают полную картину расположения захоронений в культовых постройках. Начиная с XI в. в качестве места погребения в церкви прежде всего отмечены приделы и притворы. Но для XI столетия данных об этом пока крайне мало. Только однажды под 1091 г. упоминается захоронение «у притворе на десной стране»^[114]. Речь идет о погребении старца Феодосия в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Особенно часто указания на погребения в приделах и притворах отмечены в описании событий второй половины XII — первой половины XIII в. В письменных источниках захоронения в этих частях здания церкви зафиксированы под 1106 г. в том же Печерском монастыре Киева^[115], под 1137 г. — в церкви Троицы в Пскове^[116], под 1163, 1178, 1180, 1187, 1193 и 1199 г. — в Новгороде^[117] в Софийском соборе. Интересно, что по данным летописей наиболее подробно в XIII в. фиксировались захоронения именно в Новгородской Софии^[118]. Среди записей о событиях XIV в., отмечающих погребения в храмах с указанием притворов и приделов, дважды упомянуты усыпальницы Москвы и по разу — Новгорода и Нижнего Новгорода. Так, фиксируя место захоронения в кремлевском Спасо-Преображенском соборе (Москва) в XIV в. два раза называют притвор^[119]. Под 1389 г. в летописи описано погребение новгородского владыки Алексея «в монастыри на Деревяници в церкви святого Воскресения во притворе»^[120]. Упомянут притвор как место погребения и в записи 1376 г., связанной с церковью Спаса

[46]

в Нижнем Новгороде^[121]. При описании событий XV в. только дважды конкретизируются притвор и придел как место совершения захоронения. Так, в 1438 г. упомянут придел Благовещения церкви Михаила Архангела Чудова монастыря Москвы — в нем были помещены мощи митрополита Алексея^[122], а в 1410 г. — притвор церкви Воскресения Деревяницкого монастыря под Новгородом^[123]. Впервые в XV в. как место совершения захоронения упомянут подклет храма, в частности церковь Спаса в Ярославле: «...под церковью тоу в подклете»^[124]. Письменные источники позволяют сделать вывод о том, что наиболее предпочтительной для погребения являлась правая (южная) сторона храма. Первоначально это предпочтение не было столь явно выраженным. В летописях можно встретить данные о погребении в XI в. как на левой стороне храма или притвора^[125], так и на правой стороне^[126]. Для XII столетия уже больше сообщений о захоронении на правой стороне. Например, в 1109 г. в Успенском соборе Киево-Печерской лавры захоронение было совершено справа «оу двери яже к оуглу»^[127], в 1115 г. — в храме Вышгорода^[128], в 1158 г. — вновь в Киевской лавре^[129] и только однажды упомянуто захоронение на левой стороне — в церкви Троицы в Пскове в 1137 г.^[130] Для XIII в. таких данных по летописным памятникам нет.

В XIV в. сообщений летописных сводов о захоронениях на правой половине храма достаточно много[131]. Одно из самых интересных из них по исследуемому вопросу помещено под 1399 г. Оно рассказывает о выборе места для своего погребения тверским князем Михаилом: «Пришед же к тълпу, иже на правой стороне, идеже написан Аврам, Исак, Иаков, и под ем местом указа ся положити»[132]. Единственный случай погребения на левой стороне храма отмечен для XIV в. в Успенском соборе Москвы: в 1326 г. «близ святого жертвенника во стене» выбрал место для своего успокоения митрополит Петр[133]. Кстати, этими двумя записями и ограничиваются сведения о тех случаях, когда место захоронения выбирается заранее и точно указывается в письменном источнике.

В XV в. отмечены погребения в левой и в правой частях храмов практически поровну, а в XVI в. — в основном с правой, почетной, стороны. В общей сложности в XI-XVI вв. в русских летописях зафиксировано девять случаев захоронения у левой (северной) и семнадцать случаев погребения справа, у южной стены храма. Если же проанализировать почти полсотни летописных свидетельств, указывающих места погребения в храмах-усыпальницах за этот же период, то выяснится, что четыре раза отмечены приделы, шестнадцать раз — притворы, семнадцать раз — основная часть храма, три раза — алтарные части и однажды — подклет. Топография захоронений в храме — вопрос сложный и до сих пор не шедший своего исследователя, хотя попытка такого анализа была[134]. Как показало изучение письменных памятников, на их основе трудно однозначно решить этот вопрос. Более полные данные позволяют получить археологические исследования. В настоящее время есть возможность

[47]

рассмотреть вопрос о топографии захоронений в культовых постройках на основе изучения более ста храмов-усыпальниц XI-XVI вв.

Уже для XI в. мы располагаем данными о тринадцати памятниках церковной архитектуры с захоронениями в них и возле них. Сразу отметим, что некоторые усыпальницы использовались на протяжении длительного времени, хотя отдельные из них, такие, как, например, Десятинная церковь, после XI в. уже не функционировали.

Изучение археологических материалов показало, что в первый период сложения некрополей в храмах, как правило, основная их часть не использовалась для захоронений. В XI в. известен только один случай размещения погребения в центральной части храма — в Спасской церкви Переяслава-Хмельницкого, где три захоронения расположены вдоль южной стены, а одно — в северо-западном углу основного помещения. Кроме того, три захоронения находятся в северной половине нартекса и три вдоль северной стены храма снаружи (ил. 10: а)[135]. В остальных случаях для погребения использованы или галереи храмов, или пристройки к ним. Так, в церкви Михаила этого центра аналогичную нагрузку несли специальные часовни, пристроенные вдоль южной стены и у юго-восточного угла церкви. В каждой из часовен располагалось по одному захоронению (ил. 10: б)[136].

В черниговских церквях, в частности в Спасском соборе, также для некрополя были устроены специальные часовни возле северо-восточного и юго-восточного углов собору в которых находилось по одной аркосольной нише[137]. В недавно открытом в Чернигове храме XI в. с подклетным помещением-усыпальницей аркосольные ниши были устроены в северной и юж-

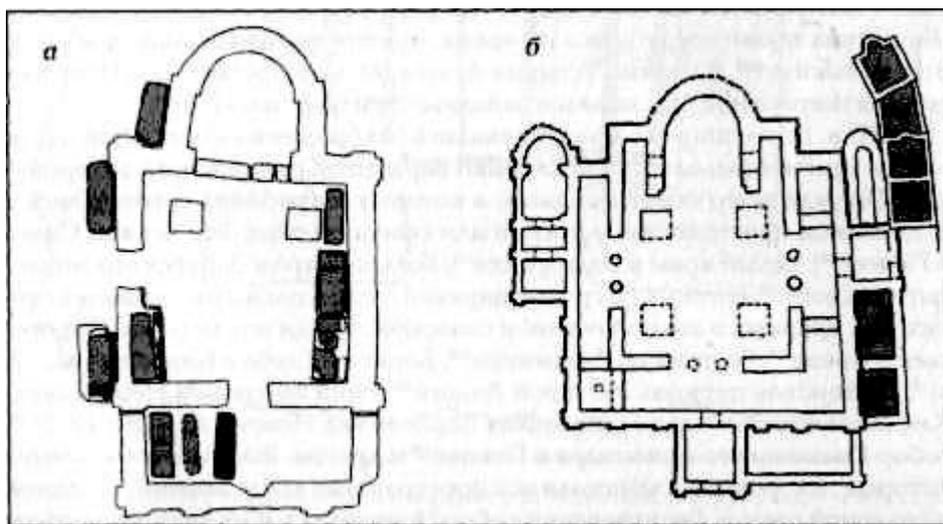

Рис. 10

10. Планы церквей Переяслава-Хмельницкого с захоронениями: а) Спасская церковь. XI в.; б) церковь Михаила с пристройками-усыпальницами. Конец XI в.

[48]

ной стенах подклета. Кроме того, захоронения совершены в юго-западном углу и между южными столбами этого помещения[138]. В киевских храмах также очень четко прослеживается тенденция к расположению погребений во вспомогательных частях культовых зданий. В Софийском соборе захоронение Ярослава Мудрого располагается в северной галерее. В Успенском соборе Печерской лавры для погребения был выделен нартекс[139]. В храмах Кловского монастыря и усадьбе митрополичьего дома основная часть захоронений находилась в галереях[140]. В церкви Михаила в Выдубичах для погребений были сделаны пристройки у северо- и юго-восточных углов снаружи[141]. В Софийском соборе Новгорода захоронения XI в. располагались в основном в южной галерее[142]. В XI в. выделяются три основные группы усыпальниц — храмы с захоронениями только в галереях, храмы с погребениями в пристройках к ним и один храм с захоронениями в основной части церкви.

В XII столетии по-прежнему значительным числом представлены храмы, где могилы располагались либо в пристройках, либо в галереях и нартексах. В церкви второй половины XII в. в Звенигороде на Белке разрушенный саркофаг был зафиксирован в башне-пристройке у юго-западного угла[143]. В церкви на реке Ладожке (Старая Ладога) захоронения размещались в северном притворе[144]. В Успенском соборе Елецкого монастыря в Чернигове ниша-аркосолий была устроена в южной стене крещальни, а еще одна — в восточной стене нартекса (ил. 11: а)[145]. В Кирилловской церкви Киева, в аналогично расположенной крещальне, аркосолии были устроены в южной и западной стенах и еще один — в западной стене нартекса (ил. 11: б)[146]. В Галиче в Успенском соборе Крылоса захоронения располагались в центральной части западной галереи[147], а в Благовещенской церкви Чернигова также погребали в галереях, причем первоначально для этого отвели южную[148]. В церкви Успения Аркажского монастыря под Новгородом для погребений был выделен западный притвор (ил. 11: в)[149].

В XII в. более широко практиковались захоронения в основной части храма, причем выделяется несколько вариантов размещения захоронений. Прежде всего отметим храмы, в которых погребения совершались в подпольном пространстве у южной или северной стен. Это церкви Спаса в Галиче[150], малый храм в Белгородке[151], большой храм Зарубского монастыря в Киеве[152]. Интересна группа церквей с аркосольными нишами в стенах, как правило, в южной (чаще) и северной. Среди них церковь Пирогощей в Киеве[153], Георгия во Владимире[154], Бориса и Глеба в Кидекше (ил. 12: а)[155], Успенская церковь в Старой Ладоге[156], один из храмов Переяслава-Смельницкого[157], Спасо-Нередицкая церковь под Новгородом (ил. 12: б)[158], -Собор Ивановского монастыря в Пскове[159] и другие. Выделяются храмы, в которых захоронения занимали все пространство вдоль южной, западной и северной стен — Георгиевский собор Новгорода в Юрьевом монастыре (ил. 13: а)[160], храм Василёва (ил. 13: б)[161], Борисоглебский собор Старой Рязани (ил. 13: в)[162].

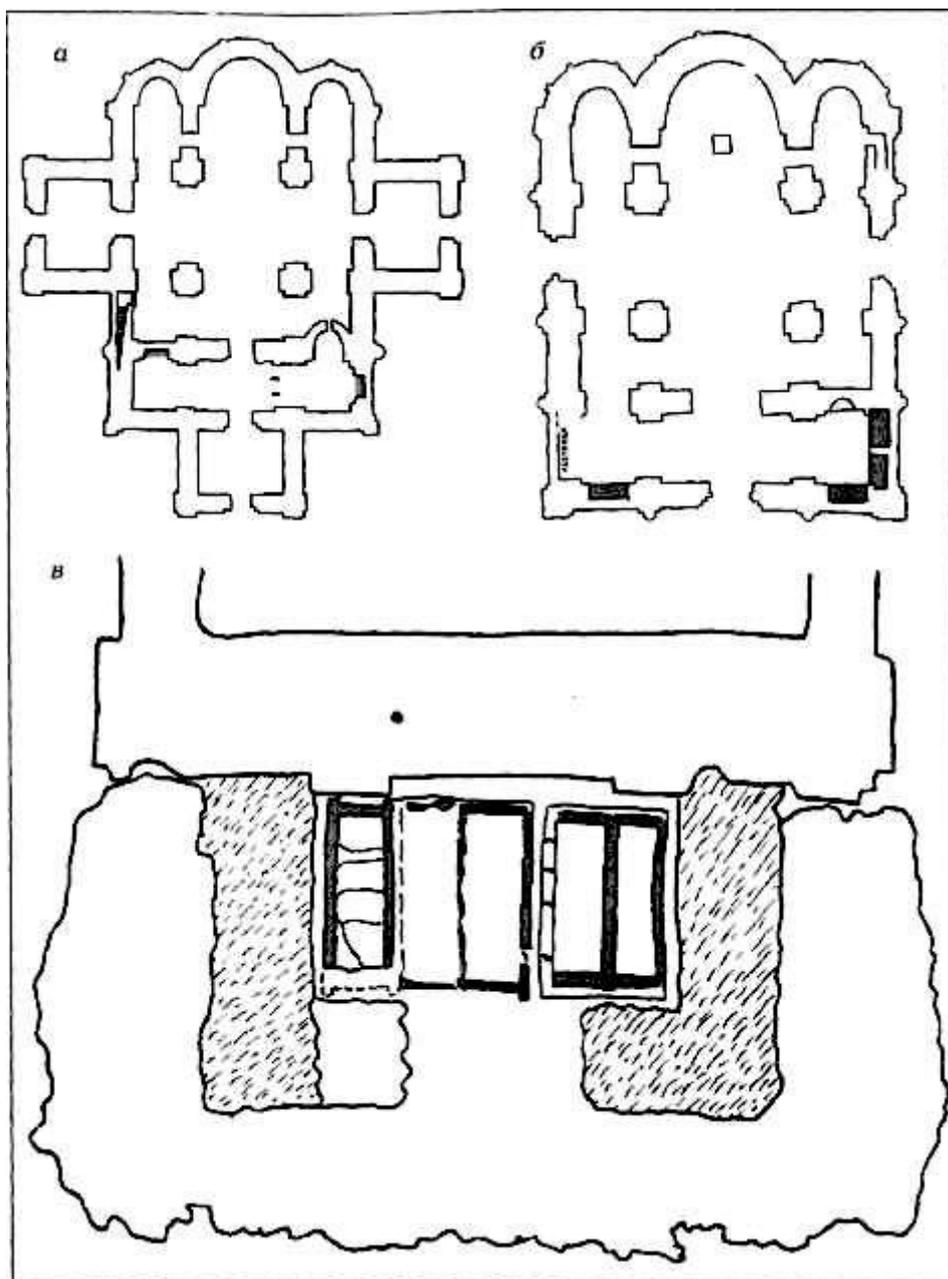

Рис. 11

11. Планы храмов с захоронениями в нартексе: а) Успенский собор Елецкого монастыря с аркосолиями в притворе. Чернигов. XII в.; б) Кирилловская церковь с аркосолиями в притворе и крещальне. Киев. XII в.; в) Церковь Успения Аркажского монастыря под Новгородом с притвором-усыпальницей. XII в.

[50]

Особняком стоит Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря в Полоцке. Под церковью (кроме алтарной части) располагалась подземная камера, использовавшаяся для погребений[163].

Остальные памятники соединены в группу, представляющую некрополи, занимавшие все компартименты культовых построек, включая как основную их часть, так и нартекс, притвор, галереи. Это зафиксировано при раскопках храма в местечке «Старая кафедра» в окрестностях Владими-

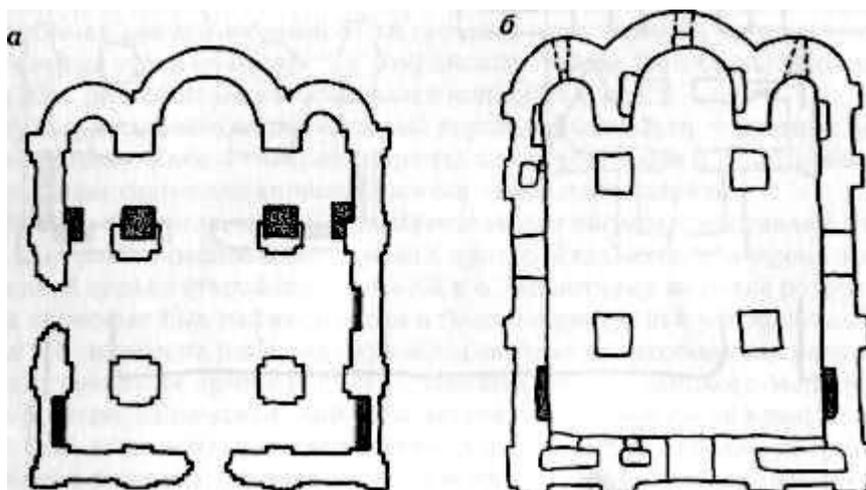

Рис. 12

12. Планы храмов с аркосольными нишами: а) церковь Бориса и Глеба. Кидекша. XII в.; б) церковь Спаса на Нередице. Новгород. XII в.

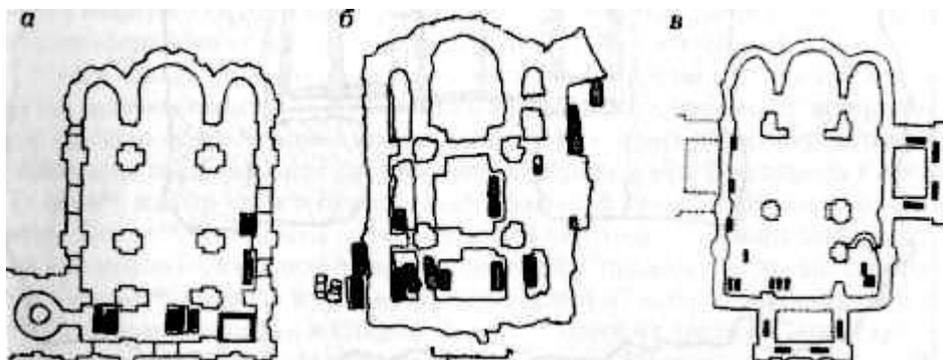

Рис. 13

13. Планы храмов с захоронениями вдоль южной, западной и северной стен: а) Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. Захоронения XII-XIII вв. б) храм XII в. Василев; в) Борисоглебский собор. Старая Рязань. XII в. Захоронения в могилах и аркосолиях

[51]

ра-Волынского[164], Успенского собора этого же центра (ил. 14: а)[165], храма в Турове (ил. 14: б)[166].

Уникальный для XII в. случай захоронения вне культовых построек был отмечен в Боголюбове (ил. 14: в), где погребение в каменном саркофаге было совершено возле лестничной башни дворца, в уровень с древней вымосткой двора[167].

В XIII в. произошло резкое увеличение числа храмов-усыпальниц в северо-восточных и западных землях. В это время только в Смоленске появляется одиннадцать новых храмов, которые используются для погребений, и один — в Полоцке. Во Владимирской земле также создаются новые усыпальницы, как в самом Владимире — три, так и в Суздале — одна, Юрьеве-Польском — одна, а также в Новгороде — одна и Старой Ладoge — одна. В южных землях в этот период отмечено появление лишь

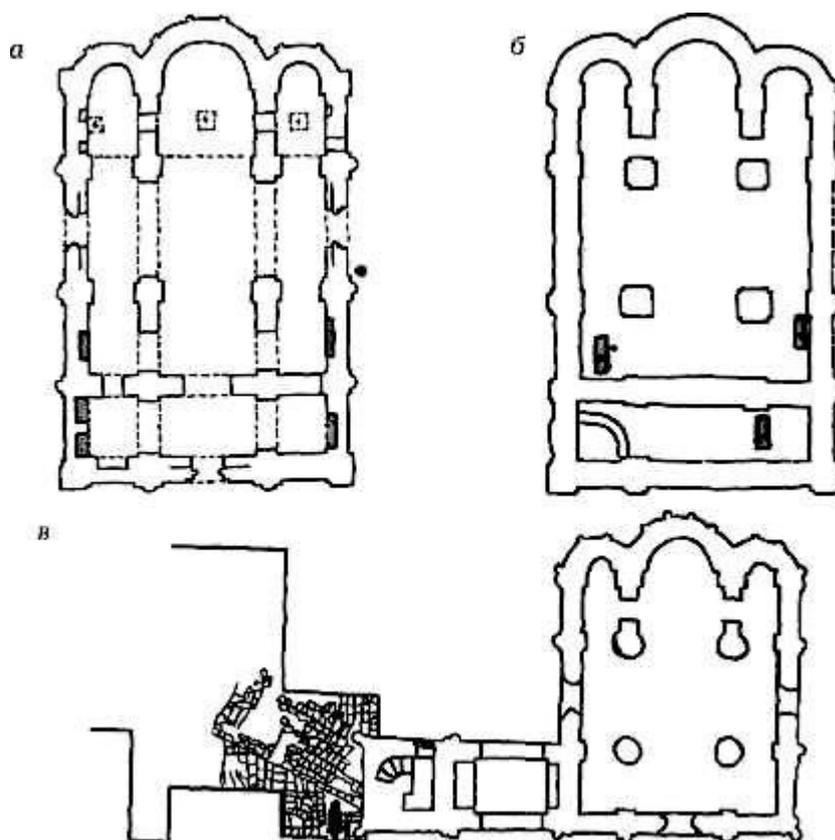

Рис. 14

14. Планы храмов с захоронениями в разных частях: а) Успенский собор. Владимир-Волынский. XII в. Погребения в аркосольных нишах; б) Туров. Погребения в храме XII в.; в) Боголюбово. Захоронение XII в. возле лестничной башни дворца

[52]

одного храма-усыпальницы в Киеве и одного в Галиче. Причем в топографии погребений в них изменений не происходит — по-прежнему используются в той или иной степени все части культовых построек.

В XIV в. группа новых некрополей в церквях крайне мала. В большинстве своем это храмы Москвы, Новгорода, Пскова. Причем захоронения в них совершались в основном в центральной части здания. В это время активно начинают складываться усыпальницы в Москве: с 1330-х годов отмечены в летописях погребения в Успенском и Спасо-Преображенском соборах, с 1340 г. — в Архангельском соборе, со второй половины XIV в. — в Чудовом монастыре и Богоявленской обители. Не все эти комплексы дошли до нас, и поэтому точно судить о принципах формирования этих усыпальниц сложно.

В XV-XVI вв. все официальные государственные некрополи концентрируются в храмах Москвы. Для высших церковных иерархов местом погребения продолжает служить Успенский собор, для членов великокняжеской, в дальнейшем царской семьи — Архангельский и Вознесенский соборы Кремля (ил. 15: а). Приобретают важное значение многие монастырские некрополи и кладбища, все более занимаемые захоронениями знати, а не только монахов и церковнослужителей. Здесь можно упомянуть Чудов монастырь Кремля, с XIV в. превратившийся в достаточно престижный некрополь. Захоронения в храмах располагаются и в этот период в самых разных их частях. Так, например, в соборе Пафнутьев-Боровского монастыря захоронения совершались в южной его половине перед дьяконником[168]. В Троицком соборе Сергиевой лавры погребения есть южной стены и в южном приделе (ил. 15: б)[169]. В этом же монастыре Максим Грек был погребен (умер в 1566 г.) в палатке у северо-западного угла Духовской церкви с ее наружной стороны — ныне этой пристройки не

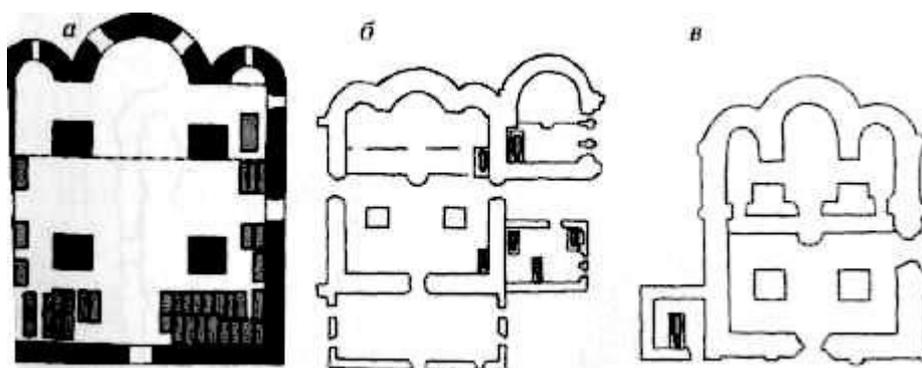

Рис. 15

15. Планы храмов с захоронениями знати: а) некрополь Вознесенского собора Московского Кремля с захоронениями XV-XVIII вв.; б) некрополь Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. XV в.; в) Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря с пристройкой-усыпальницей. XV в.

[53]

существует (ил. 15: в)[170]. В подклетной части церкви Покрова одноименного монастыря в Суздале находилась обширная усыпальница знатных по своему происхождению монахинь (ил. 16)[171]. Обращают на себя внимание захоронения, совершенные в алтарных частях культовых построек. Этим случаев немного, и ранее XII в. такие погребения неизвестны. География ранних находок не очень широка. Так, XII в. датируется могильная яма, прослеженная в северной половине дьяконника церкви Дмитрия Солунского в Пскове[172]. Причем исследователи связывают это погребение с личностью князя Всеволода-Гавриила (умер в 1138 г.). В 1192 г. останки князя были перенесены в Троицкий собор, и от первоначального захоронения осталась только могильная яма. В южных апсидах некоторых храмов погребения совершены в каменных саркофагах. Остатки такого захоронения были найдены в развалинах церкви Климента в Старой Ладоге в конце XIX в.[173] и в дьяконнике церкви Спаса Нередицы (XII в.) в Новгороде[174]. В публикации не проведена датировка этих захоронений, но мы можем с уверенностью отнести их к домонгольскому времени, так как именно в этот период на Руси использовались составные каменные погребальные сооружения. В Преображенском соборе Хутынского монастыря под Новгородом до настоящего времени сохраняется в дьяконнике погребение Варлаама Хутынского, умершего в 1243 г. В алтарной части Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского (XII в.) до конца XIX в. располагался надгробный памятник, сломанный в период реставрационных работ 1891-1894 гг. К сожалению, ныне трудно определить время и принадлежность этого захоронения[175]. Несколько погребений в алтарной части храмов были совершены в специальных нишах-аркосолиях. Например, в ростовском Успенском соборе XII в. при входе в дьяконник, аркосолий содержал саркофаг епископа Леонтия[176]. В южной стене южной апсиды был аркосолий в церкви Спаса Нередицы в Новгороде (XII в.) и аналогичный в северной стене северной апсиды[177]. В публикациях XIX в. отмечена находка захоронения в стене алтаря церкви Кирилла в Киеве[178]. Аркосолий XV в. зафиксирован в южной стене дьяконника Архангельского собора в Рязани[179]. Довольно широко для погребений использовались алтарные части московских храмов-усыпальниц в Кремле. В первую очередь это относится к Успенскому собору, в котором уже

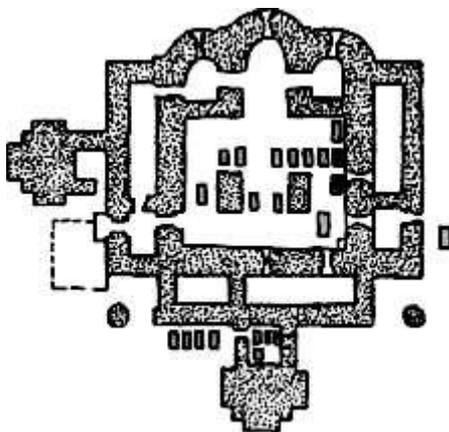

Рис. 16

16. План Покровского собора в Суздале с погребениями. XVI в.

в XIV в. в алтаре были погребены два митрополита — Петр и Феогност (в жертвеннике) и князь Юрий Данилович (в дьяконнике)^[180]. Интересно, что княжеское погребение после XV в. уже не упоминается в письменных источниках, и место его сейчас неизвестно. В Архангельском соборе Кремля, служившем местом захоронения великих и удельных князей и царей, во второй половине XVI в. в алтаре были совершены три погребения. У западной стенки дьяконника, при входе в него, располагаются захоронения Ивана IV и его сыновей^[181]. В 1731 г. в дьяконнике церкви Вознесения было совершено захоронение царевны Параскевы, дочери царя Ивана V^[182]. Несмотря на редкость случаев захоронения в алтарных частях средневековых храмов, они встречаются на довольно широкой территории и по времени охватывают период с XII по XVIII в. Среди них отмечены как грунтовые захоронения (под полом), так и захоронения в аркосолиях и раках. Большая часть таких погребений датируется домонгольским временем. Поздних захоронений в алтарных помещениях немного, и зафиксированы они в основном в московских памятниках. Городские грунтовые кладбища, как уже отмечалось выше, располагаются вокруг храмов, на освященной церковью земле. Для захоронения чаще использовалась территория вдоль южной и северной стен церкви. Сак показали археологические наблюдения, в период XI-XVI вв. погребения у западной стены совершались значительно реже, а возле апсид храмов их известно крайне мало.

Археологические материалы позволяют проследить ориентацию погребений городских кладбищ и некрополей. Кажется бы, каноническая ориентация — головой на запад — должна соблюдаться всегда. Тем более, то этому способствует размещение захоронений возле храмов или непосредственно в них. Хотя отклонения при этом прослеживаются довольно часто, но они незначительны и связаны с сезонными изменениями в движении солнца по небосклону. Сезонные нарушения в ориентации захоронений — обычное явление для всех кладбищ Руси в период средневековья. Отклонения бывают или к югу (летом), или к северу (зимой).

Гораздо сложнее объяснить наличие в храмах аркосольных ниш для воронений в западных стенах центральной части храма или притворов приделов. В этих случаях получалось, что умершего захоранивали головой на север. Таких примеров много.

Для XI-XII вв. аркосолии в западных стенах отмечены чаще всего в памятниках южных земель. Это Кирилловская церковь и церковь Богородицы Пирогощей в Киеве, Борисоглебский (ил. 17: а) и Успенский соборы в Чернове, Успенский собор и «Старая кафедра» во Владимире-Волынском, храм XII в. в Переяславе-Хмельницком. Есть аналогично расположенные аркосолии в Борисоглебском соборе Старой Рязани, Успенской церкви в г. Старой Ладобе, в галерее Борисоглебского собора в Смоленске (ил. 17: б). В II в. эта традиция прослеживается в основном в храмах Смоленска. В данный период только в церкви Рождества в Суздале (ил. 17: в) и церкви на Цер-

ковщине в Киеве (ил. 17: г) еще отмечены аркосолии в западных стенах. Самый поздний пример такой ориентации захоронения относится к XIV в. — это аркосолии церкви Лазаря в Новгороде^[183]. Видимо, подобная неканоническая ориентация погребенных не вызывала возражений у официальной

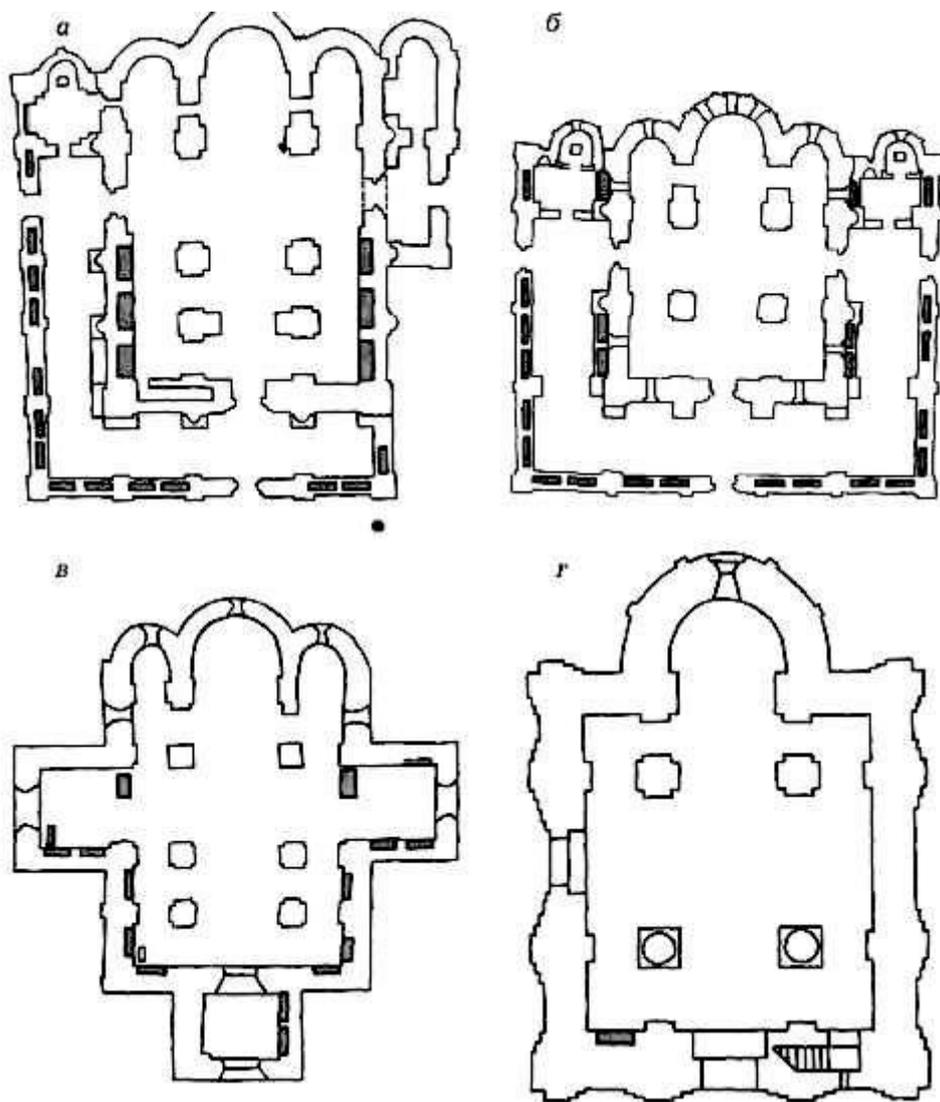

рис. 17

17. Планы храмов с аркосолиями в западных стенах: а) Борисоглебский собор. Чернигов. XII в.; б) церковь Иоанна Богослова. Смоленск. XII в.; в) Рождественский собор. Суздаль. XIII в.; г) храм на Церковщине. Киев. XII-XIII вв.

[56]

церкви. Устройство аркосолиев, при погребении в которых нарушался принцип ориентации христианского погребения, было достаточно распространенным явлением в храмах-усыпальницах древнерусских центров, особенно в XII-XIII вв.

На грунтовых городских кладбищах резкие отклонения в ориентации захоронений встречаются редко. Одно из самых ранних городских погребений с необычной ориентацией зафиксировали при раскопках на Старокиевской горе в 1968 г. Здесь под полом жилища был найден гроб, ориентированный головной частью на север. Это погребение неканонично по всем деталям обряда. Кроме его расположения под полом жилой постройки (!), вызывает интерес и то, что гроб пробит насквозь длинным гвоздем-костылем, загнутым под днищем. Исследователи связали эту находку захоронением вурдалака или упыря[184]. Погребение датируется XI в. — временем, когда языческие представления вряд ли были поколеблены новой религией, если учесть, что многие из них дожили до наших дней. Отдельные случаи отклонений при ориентации захоронений отмечены и для более позднего времени. Так, в Гродно в слое разрушения Верхней церкви было найдено захоронение головой на юг, датированное XII — XIV вв.[185]. Но основные нарушения в канонической ориентации христианских захоронений все-таки связаны с погребениями в храмах, в аркосольных нишах западных стен их основных или вспомогательных компартиментов.

Значительный интерес представляют массовые захоронения, встречающиеся при исследовании древнерусских городов. Чаще всего они связаны с гибелью людей в результате военных действий или эпидемий. Одно из самых ранних групповых погребений было найдено в Чернигове, где при раскопках церкви XI в. в детинце, на прилегающем к ней кладбище, зафиксировали захоронение в яме пятидесяти черепов и множества человеческих костей,

лежавших в четыре — пять слоев[186]. Неоднократно в последние годы обнаруживали массовые погребения в Киеве. Все они связаны, как правило, с монголо-татарским нашествием первой половины XIII в. Так, во рву у Золотых ворот было обнаружено огромное число скелетов с височными провололочными кольцами, бусами и другими вещами[187], найдены массовые погребения в местечке Дорожичи, где среди многочисленных останков зафиксированы крестики, обломки стеклянных браслетов, обоюдоострые мечи[188]. Но иногда находили массовые захоронения человеческих останков, появление которых объясняется иными причинами. Так, в Москве при археологических работах на территории Успенского сора в Кремле обнаружили яму с такими останками и поливным ритуальным сосудом. Погребение было совершено, когда при перестройке храма в конце XV в. нарушили древнее кладбище. Все потревоженные грунтовые захоронения были перезахоронены в специальной яме[189]. Таким образом, основные причины возникновения массовых захоронений людей не требуют особого рассмотрения, так как очевидны.

[57]

Археологические материалы дают возможность четко проследить позу погребяемого в захоронении. В подавляющем большинстве тело умершего укладывали на спину, головой на запад, руки складывали на груди или на животе, хотя вариантов вынужденного расположения рук можно отметить много. Изредка зафиксированы отклонения от этого канонического положения. Причем несмотря на редкость отмеченных случаев, они прослеживаются на протяжении достаточно длительного периода — с XI до XVI в. Найдены захоронения, в которых умерший был помещен на правом или на левом боку с подогнутыми ногами и поднятыми к голове или груди руками. Несколько таких погребений, помещенных в просторную могильную яму, были зафиксированы в Новогрудке на кладбище первой половины XII в. Два костяка лежали на левом боку в скорченном состоянии, кисти их рук были притянуты к подбородку. В трех случаях у погребенных оказались подогнуты обе или одна нога[190]. В пяти грунтовых захоронениях на Замчище Волковыска были обнаружены костяки на правом боку со слегка вытянутыми вперед руками (в одном случае руки были подтянуты к голове). Все захоронения безынвентарные, с достаточно широкой датировкой XI-XIV вв[191].

Интересно отметить, что аналогичные отклонения в позе костяков зафиксированы и при захоронении в деревянных и каменных погребальных сооружениях. Так, при исследовании кладбища Аркажского монастыря под Новгородом в двух саркофагах ладьевидного типа были обнаружены костяки, лежавшие один на левом, а другой на правом боку. И здесь руки и ноги умерших находились в согнутом состоянии. Дата погребений — XIV-XV вв[192]. Один из самых поздних случаев неканонического положения тела в христианском городском захоронении был отмечен при исследовании Рождественского собора Пафнутьев-Боровского монастыря. Изученное здесь погребение XV-XVI вв. в деревянном гробу содержало костяк, лежащий на правом боку, ноги которого согнуты в коленях, а руки согнуты и прижаты к груди[193].

В ходе смены и формирования христианского погребального обряда на Руси, как показал анализ данных письменных источников и археологических материалов, в нем отразился характер общих для религиозной реформы конца X в. тенденций и процессов.

В первые века христианизации Руси новый обряд захоронения воспринимался медленно в среде рядового гражданского населения. Это подтверждает тот факт, что сохранялась традиция погребения в курганах, о чем свидетельствуют группы таких захоронений в окрестностях ряда древнерусских центров. Причем часть городских курганных могильников, возникнув еще в X в., продолжала функционировать вплоть до XII в., а иногда и позже. Отмечены такого рода городские кладбища, образование и использование которых относится к периоду после принятия новой религии. Параллельно с существованием курганов создавались грунтовые кладбища возле городских храмов и усыпальницы знати внутри церк-

[58]

вей. Это говорит о том, что первоначально значительная часть городского населения, иногда даже и достаточно зажиточная, как показывают археологические раскопки, придерживалась курганного обряда захоронения. Впервые проведенный в преломлении к изучаемой теме анализ письменных источников показал их большую значимость. Следует отметить особый характер некоторых летописных данных, отражающих в основном черты ритуала погребения верхушки феодального городского общества, включая церковных иерархов. Письменные памятники содержат ценную информацию о сроках совершения погребений, о принципах формирования некрополей в храмах и формах погребальных сооружений, о подготовке тела к захоронению, о сроках поминальных действий и других деталях обряда похорон. До сих пор в российской историографии не приводился анализ топографии средневековых кладбищ в городах и захоронений в храмах-усыпальницах. Изучение этого вопроса на основе археологических данных позволило выявить характер некрополей в церквах, принципы их организации, время наибольшего расцвета, топографию грунтовых кладбищ в городах и т. д. Исследования показали наличие отклонений от канонов в ориентации христианских захоронений, особенно в храмах-усыпальницах, и в положении тел погребенных людей, в связи с чем в некоторых случаях можно говорить об отголосках древних верований.

-
- [1] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М, 1962. Т. 1, вып. 1. С. 149.
  - [2] Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 111.
  - [3] Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 205.
  - [4] Переяслав-Хмельницкий и его исторические памятники. Киев, 1954. С. 18.
  - [5] Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М. 1984. С. 91, 106, 109, 127-129.
  - [6] Лабутина И. К. Новые погребения Псковского некрополя // Всесоюз. археол. конф.: Тез. докл. Суздаль. 1987. М., 1987. С. 145.
  - [7] Лабутина И. К. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М, 1983. С. 153.
  - [8] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М., 1979. 2 С. 15.
  - [9] Там же. С. 18.
  - [10] Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли IX-XIII вв. Минск, 1978.
  - [11] Там же. С. 132.
  - [12] Павлова К. В. Раскопки могильника близ Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 105.
  - [13] Гуревич Ф. Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка // Там же. 1983. Вып. 185. С. 51.
  - [14] Даркевич В. П. Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции за 1969 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4001, л. 12; Монгайт А.Л. Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции в 1970 г. — Там же, 4109, л. 13.
  - [15] Сагайдак М. А. Новое в археологии Киевского Подола // Всесоюз. археол. конф.: Тез. докл. Суздаль. 1987. М, 1987. С. 222.
  - [16] Максимов Е. В., Орлов Р. С. Могильник X в. на г. Юрковица в Киеве // Археология. Киев, 1982. Т. 41. С. 72.
  - [17] Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 117.
  - [18] Там же. С. 164.
  - [19] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 152.
  - [20] Лаврентьевская летопись. Стб. 305.
  - [21] Там же. Стб. 527.
  - [22] Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 169.
  - [23] Ипатьевская летопись. Стб. 204.
  - [24] Московский летописный свод // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 273.
  - [25] Ипатьевская летопись. Стб. 207.
  - [26] Там же. Стб. 282.
  - [27] Летопись по Воскресенскому списку. Продолжение // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 199.
  - [28] Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1832. Ч. 3. С. 30.
  - [29] Древняя Российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 14. С. 65.
  - [30] Временник... Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 15. С. 22.
  - [31] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре великом: В 2 т. М., 1872. С. 409-410.
  - [32] Сын Отечества. СПб., 1843. Т. 4. С. 7-8.
  - [33] Древняя Российская вивлиофика. С. 111.
  - [34] Кадлубовский А. М. Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сб. историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 147-148.
  - [35] Ипатьевская летопись. Стб. 679.
  - [36] Там же. Стб. 115.
  - [37] Повесть временных лет. СПб., 1910. С. 128.
  - [38] Летопись по Воскресенскому списку. С. 62; Ипатьевская летопись. Стб. 178.
  - [39] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 230.
  - [40] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 9.
  - [41] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Л. 216.
  - [42] Там же. Л. 148.
  - [43] Там же. Л. 154 об.

- [44] Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности. Тр. МАО. М., 1890. Т. 14. С. 111.
- [45] Лицевой летописный свод XVI в. Остермановский том II. — ОР БАН, Ш. 31.7.32, рис. 105.
- [46] Лицевой летописный свод XVI в. Голицинский том. — ОР Гос. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, F IV. 225, л. 533 об., 534.
- [47] Лицевой летописный свод XVI в. Остермановский том II. — ОР БАН, Ш. 31.7.32, рис. 105.
- [48] Ипатьевская летопись. Стб. 151.
- [49] Там же. Стб. 290. 58.
- [50] Там же. Стб. 282.
- [51] Московский летописный свод. С. 332.
- [52] Псалтирь. Троице-Сергиева лавра. — РГБ, ф. 304, ед. хр. 315, л. 185.
- [53] Симеоновская летопись. С. 90.
- [54] Лицевой летописный свод XVI в. Остермановский том I. — ОР БАН, Ш. 31.7.32, рис. 603.
- [55] Тверская летопись//ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 460.
- [56] Софийская II летопись // Там же. 1853. Т. 6. С. 275.
- [57] Высоцкий С. А., Мовчан И. И. Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры // СА. 1984. № 3. С. 192-193.
- [58] Ипатьевская летопись. Стб. 927.
- [59] Московский летописный свод. С. 262.
- [60] Ипатьевская летопись. Стб. 559.
- [61] Львовская летопись. С. 144.
- [62] Ипатьевская летопись. Стб. 354.
- [63] Там же. Стб. 918.
- [64] Там же. Стб. 927.
- [65] Симеоновская летопись. С. 90.
- [66] Псалтирь. Троице-Сергиева лавра. — РГБ, ф. 304, ед. хр. 315, л. 504.
- [67] Там же.
- [68] Там же, л. 505.
- [69] Там же.
- [70] Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда.
- [71] Ипатьевская летопись. Стб. 151, 918.
- [72] Там же. Стб. 172, 275.
- [73] Там же. Стб. 918.
- [74] Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда. С. 95.
- [75] Там же. С. 96-97.
- [76] Там же. С. 102.
- [77] Никоновская летопись. — ОР ГИМ, ф. 962, л. 489 об.
- [78] Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 644-646, 685, 686; Сын Отечества. С. 8.
- [79] Беляшевский М. Сани в похоронном обряде //Киевская старина. Киев, 1893. Т. 12. С. 150; Гр. А. Б. Заметка об обряде погребения на санях // ИАК. СПб., 1902. Вып. 4. С. 139-140.
- [80] Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда. С. 173.
- [81] Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984- 1989 гг.). М., 1993. С. 89.
- [82] Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 207.
- [83] Тверская летопись. С. 200.
- [84] Толстой М. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 23, 31.
- [85] Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913. С. 90, ил. 6.
- [86] Бережков М. Н. К истории Черниговского Спасского собора // Тр. XIV археологического съезда. Чернигов, 1909. С. 7.
- [87] Георгиевский В. Гор. Владимир и его достопамятности. Владимир, 1896. С. 68.
- [88] Патриаршая или Никоновская летопись. С. 231.
- [89] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова. С. 9.
- [90] Лицевой летописный свод XVI в. Остермановский том I. — ОР БАН, Ш. 31.7.32, л. 185.
- [91] Иннокентий, архимандрит. Пострижение в монашество. Вильно, 1899. С. 189-190.
- [92] Ипатьевская летопись. Стб. 612.
- [93] Там же. Стб. 624.
- [94] Там же. Стб. 702.
- [95] Львовская летопись. С. 144.
- [96] Там же. С. 154.
- [97] Тверская летопись. С. 347.
- [98] Там же. С. 401.

- [99] Иннокентий, архимандрит. Пострижение в монашество. С. 93.
- [100] Рыбаков Б. А. Язычество, Древней Руси. С. 525.
- [101] Новгородская IV летопись//ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С.249.
- [102] Там же. С. 258.
- [103] Летопись по Воскресенскому списку. С. 62.
- [104] Тверская летопись. С. 460.
- [105] Лаврентьевская летопись. Стб. 529.
- [106] Там же. Стб. 537.
- [107] Типографская летопись. С. 158.
- [108] Там же. С. 117.
- [109] Новгородская II архивская летопись // ПСРЛ. М, 1965. Т. 30. С. 203.
- [110] Лицевой летописный свод XVI в. Остермановский том I. — ОР БАН, Ш. 31.7.32, рис. 402.
- [111] Янин В. Л., Колчин Б. А., Рыбина Ц. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // АО. М, 1984. С. 38.
- [112] Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977- 1983 гг.). М., 1986. С. 63.
- [113] Там же. С. 64.
- [114] Ипатьевская летопись. Стб. 203.
- [115] Там же. Стб. 257.
- [116] Тверская летопись. С. 200.
- [117] Новгородская V летопись // ПСРА. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 157, 171, 175; Тверская летопись. С. 276.
- [118] Новгородская IV летопись. С. 26, 27; Лаврентьевская летопись. Стб. 503, 512.
- [119] Московский летописный свод. С. 182, 221.
- [120] Новгородская II архивская летопись. С. 187.
- [121] Там же. С. 123.
- [122] Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. С. 368.
- [123] Новгородская II архивная летопись. С. 199.
- [124] Летопись по Воскресенскому списку. С. 150.
- [125] Ипатьевская летопись. Стб. 203, 207.
- [126] Там же. Стб. 204.
- [127] Там же. Стб. 260.
- [128] Там же. Стб. 280.
- [129] Там же. Стб. 492.
- [130] Тверская летопись. С. 200.
- [131] Софийская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 217.
- [132] Летопись по Воскресенскому списку. С. 74.
- [133] Там же. С. 200.
- [134] Макаров Н.А. Топография погребений в древнерусских храмах XI — XIII вв. // Тез. докл. советской делегации на IV Междунар. конгр. слав, археологии. София. 1980. М, 1980.
- [135] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952-1953 гг. // С А. 1954. № 20. С. 12, рис. 4:
- [136] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. // САИ. Л., 1982. Вып. Е1 -47. Табл. 8, № 44.
- [137] Асеев Ю. С. Спаський собор у Чернігові Київ, 1959. С. 7.
- [138] Коваленко В. П. Новые исследования черниговского детинца в 1985-1986 гг. // Все-союз. археол. конф.: Тез. докл. Суздаль. 1987. М., 1987. С. 117.
- [139] Холостенко Н. В, Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2. С. 58, рис. 5.
- [140] Каргер М. К. Древний Киев. М; Л., 1958. Т. 1. С. 227; Новое в археологии Киева. Киев, 1982. С. 219.
- [141] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 27.
- [142] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М, 1988. С. 194.
- [143] Ратич А. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI-XIV вв. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 189.
- [144] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Табл. 15, № 122.
- [145] Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исслед. и реставрация. М., 1961. Т. 3. С. 59, рис. 6.
- [146] Холостенко Н. В. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Там же. 1960. Т. 2. С. 10, рис. 5.
- [147] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Табл. 10, № 187.
- [148] Там же. Табл. 6, № 60.
- [149] Орлов С. Н. Отчет о раскопках на месте Аркажского монастыря под Новгородом. Сезон 1963 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2760, рис. 6.
- [150] Иоаннисян О. М. Итоги и задачи археологического изучения галицкого зодчества XII -XIII вв. //Древнерусский город. Киев, 1984. С. 43, рис. 2.
- [151] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3832, табл. 15.

- [152] Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. Рис. 145.
- [153] Там же. Рис. 148.
- [154] Воронин Н. Н. Зодчество северо-западной Руси. М., 1961. Т. 1. С. 99, рис. 31.
- [155] Там же. С. 71, рис. 12.
- [156] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Табл. 15, № 120.
- [157] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком... Рис. 14.
- [158] История и культура Древней Руси. М; Л, 1951. Т. 2. С. 298.
- [159] Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Табл. 14, № 129.
- [160] История и культура Древней Руси. С. 294, рис. 101.
- [161] Логвин Г. Н., Тимошук БА. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры. Исслед. и реставрация. М., 1961. Т. 3. С. 40, рис. 2.
- [162] Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955. 49. Рис. 44.
- [163] Раппопорт П. А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 99.
- [164] Раппопорт П. А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // СА. 1977. №4. Рис. 4.
- [165] История и культура Древней Руси. С. 276, рис. 82.
- [166] Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИИМК. 1965. Вып. 100. С. 132, рис. 47.
- [167] Воронин Н. Н. Зодчество северо-западной Руси. С. 245, рис. 119.
- [168] Хворостова Е.Л. Пафнутьев-Боровский монастырь. Калужская область. Описание и фотофиксация шурфов в соборе Рождества XVI в. 1970 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4064, л. 8-9.
- [169] Трофимов И. В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. М., 1961. С. 51, рис. 31.
- [170] Там же. С. 62, рис. 45.
- [171] Варганов А. Суздаль. Ярославль, 1971. С. 149; Куглюковский П. И. Отчет об археологических разведках, проведенных в Суздале в 1972 г. — Архив ИА РАН, Р — I, 4899.
- [172] Белецкий В. Д., Белецкий СВ. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138 г.) // СА. 1979. № 3. С. 275.
- [173] Сабанеев Д. А. Заметки о древней Климентовской церкви близ Старой Лядоги // Записки РАО. Новая серия. М, 1886. С. 2.
- [174] Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 г. СПб., 1906. С. 7.
- [175] Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском // МИА. М, 1949. 11. С. 199.
- [176] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова. С. 6-8.
- [177] Шуляк А. М. Раскопки руин церкви Спаса Нередицы близ Новгорода // Практика реставрационных работ. М., 1950. Сб. 1. С. 128.
- [178] Археологические исследования в Киевской губернии // ИАК. СПб., 1910. Приб. к вып. 34. С. 177.
- [179] Хворостова Е.Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 7654, л. 15.
- [180] Истомин Г. Указатель святынь и достопримечательностей Московского Большого Успенского собора. Сергиев Посад, 1916. С. 10.
- [181] Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 111.
- [182] Пшеничников А. Соборный храм Вознесения в Вознесенском монастыре в Москве. М., 1886. С. 30.
- [183] Мясоедов В. Два погибших памятника новгородской старины // Записки РАО. Пг., 1915. Т. 10. С. 108, рис. 32.
- [184] Толочко П. П., Килиевич С.Р. Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе. — Архив ИА НАНУ, 1968, 66, л. 4-5.
- [185] Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. М., 1954. 41. С. 182.
- [186] Коваленко В. П. Новые исследования черниговского детинца в 1985 — 1986 гг. С. 116.
- [187] Дяденко В. Д. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве // Археол. исслед. на Украине в 1967 г. Киев, 1968. Вып. 2. С. 207-208.
- [188] Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976. С. 89.
- [189] Беленькая ДА. Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // Древности Московского Кремля / МИА. М., 1971. 167. С. 158.
- [190] Гуревич Ф. Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка. С. 51.
- [191] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 130, рис. 6.
- [192] Там же, л. 23, 27.
- [193] Хворостова Е.Л. Пафнутьев-Боровский монастырь. Калужская область. Описание и фотофиксация шурфов в соборе Рождества XVI в. 1970 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4064, л. 9.

[65]

Погребальные сооружения

Археологические источники дают возможность разработать типологию погребальных сооружений и надгробных памятников средневековой Руси, использовавшихся на городских кладбищах и в храмах-усыпальницах. В современной исторической литературе публикации, посвященные типологии гробов, как каменных, так и деревянных, редки^[1]. Надгробные памятники-плиты, украшенные орнаментом или эпитафией, чаще были предметом исследования, чего нельзя сказать, например, о каменных саркофагах или кирпичных гробницах. Известны многочисленные публикации отдельных надгробий или их групп, несколько сводных работ, анализирующих орнамент и характер эпитафий на них, но в этих трудах практически не поднимались вопросы о времени появления этого памятника вообще, о времени появления на них орнаментов и надписей, хотя отмечались большая историческая информативность эпитафий, история развития орнамента, его изменения с течением времени и т.д. К тому же надгробные памятники — это не только надгробные плиты, есть и другие виды сооружений, которые редко рассматриваются в исторической литературе.

До сих пор в российской историографии не было отмечено и многообразие типов погребальных сооружений. Между тем археологические материалы дают возможность выделить их среди каменных саркофагов, кирпичных гробниц, деревянных гробов, даже среди простых грунтовых захоронений (ил. 18). Если присовокупить к перечисленным выше погребальным сооружениям такие специфические, как аркосольные ниши для погребения в храмах, раки для захоронения в интерьере культовых построек и крипты в них, то станет ясна сложная картина формирования городского погребального обряда. Все многообразие форм захоронений до сих пор не принималось во внимание исследователями, что в значительной степени обедняло наши представления о формировании самого обряда захоронения в процессе христианизации Руси. Важен вопрос и о христианской символике на погребальных сооружениях и надгробных памятниках, также до сих пор не нашедший отражения в исторической литературе.

Могильные ямы

Анализ форм погребальных сооружений, выявленных археологически, дает возможность прежде всего выделить обычную грунтовую яму

[66]

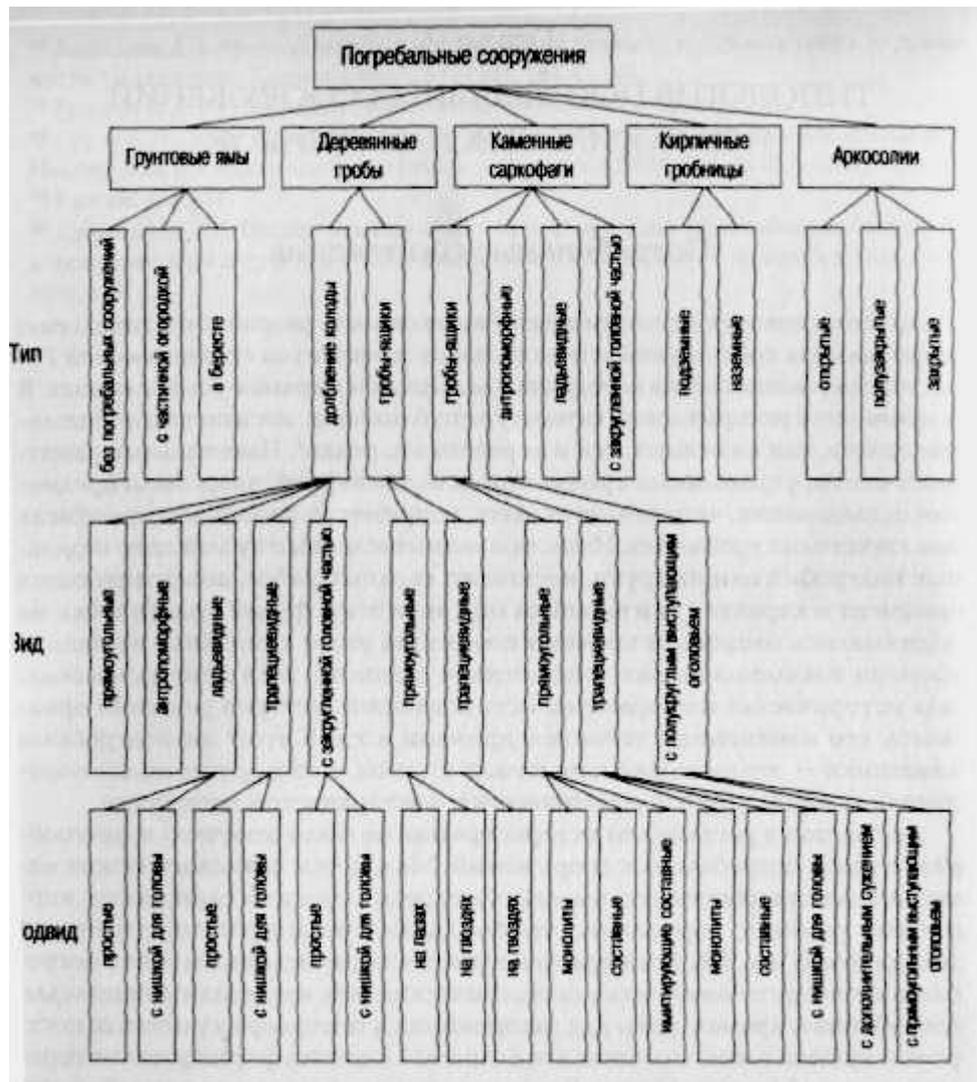

Рис. 18

18. Типологическая таблица погребальных сооружений XI-XVI вв.

как основное и простейшее сооружение для помещения тела умершего в землю. Захоронение в могильной яме без дополнительных монументальных средств защиты тела — из камня, дерева, кирпича и других материалов — прослеживается при раскопках достаточно четко (остатки деревянных гробов практически всегда удается проследить, пусть даже в виде тонкой прослойки тлена).

Тип 1. По археологическим данным фиксируются могильные ямы прямоугольной формы, чаще всего со слегка скругленными углами, так как вырыть яму четких геометрических очертаний довольно трудно (ил. 19).

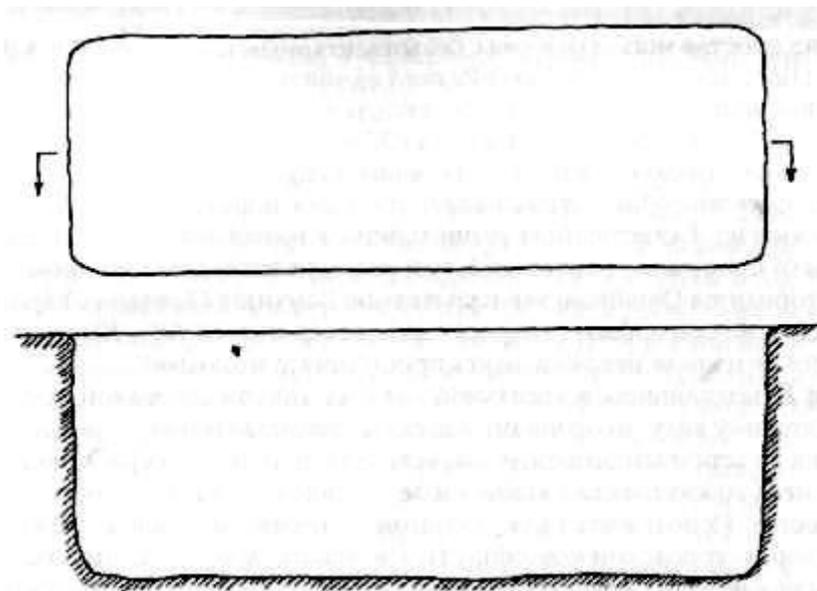

Рис. 19
19. Могильная яма. План, разрез

Вид 1. Захоронения в ямах без дополнительного погребального сооружения.

Такие погребения совершались на грунтовых городских кладбищах и крайне редко в храмах-усыпальницах. Как правило, удается хотя бы примерно зафиксировать размеры могильных ям. Так, в Старой Рязани отмечены ямы размером 165x45, 185x65 сантиметров[2] на кладбище конца XII — начала XIII в., размером 170x60 сантиметров[3] на кладбище XI-XII вв. Глубина могильных ям крайне редко указывается в отчетах и публикациях о погребениях, но в среднем она колеблется от 0,6 до 1 метра для периода XI-XII вв.[4] Зафиксированы и очень глубокие, и незначительные по глубине могильные ямы. Так, например, в Ярополче-Залесском, разгромленном монголо-татарами, жертвы нашествия были в спешке погребены в могилах глубиной только 0,2-0,4 метра[5]. Захоронения в простых грунтовых ямах на городских кладбищах совершались как в домонгольский период, так и в более позднее время (XIV-XV вв.). В качестве примеров можно привести материалы из раскопок Юрьева, где погребения в грунте датируются XI-XIII вв.[6], данные по Чернигову, где аналогичные захоронения XIII-XIV вв. были устроены в развалинах Благовещенской церкви[7], и по Гродно, где такие же могилы XIII-XIV вв. обнаружены на территории разрушенной церкви[8].

Грунтовые захоронения без дополнительных сооружений не нашли широкого применения в храмах-усыпальницах Древней Руси. Единичные случаи отмечены в одном из храмов Переяслава-Хмельницкого, где была

[68]

найдена простая могильная яма с безынвентарным костяком XII в. в притворе[9]. При раскопках в Старой Рязани одной из усыпальниц домонгольского времени в ее юго-западном углу открыто грунтовое безынвентарное погребение[10]. В церкви Кирилла XIV в. в Пскове у юго-западного столба также было выявлено погребение в грунте без гроба[11]. Аналогичное захоронение обнаружили в южной галерее церкви Иоанна Богослова в Смоленске[12]. Единственная усыпальница, в которой почти все погребения были простыми грунтовыми, найдена при исследовании древнерусского городища Олешков, так называемое Замчище (Западная Украина). За редким исключением семьдесят пять захоронений XII-XIII вв. в храме-ротонде и возле него оказались простыми грунтовыми[13].

Вид 2. Захоронения в могильной яме с частичной огородкой тела.

Ко второму виду захоронений в простых могильных ямах относятся погребения с частичным огораживанием тела умершего. Это прослеживается в виде нескольких плоских камней или кирпичей в области головы, с боков или в ногах. Используется для этих целей и дерево, но гораздо реже. Так, например, на городском кладбище XII в. в Новогрудке отдельные захоронения были накрыты сверху досками или же огорожены по бокам стоящими досками[14]. В некоторых погребениях храма-ротонды XII-XIII вв. на городище Замчище костяки были частично огорожены с помощью камней. Так, в погребении № 4 камнями укреплены южная и западная стенки ямы, в погребении № 19 рядом из четырех камней огорожена стенка ямы за головой костяка, а в захоронении № 22 по три камня установлены за головой и в ногах тела[15].

При раскопках собора XII в. в Новгороде-Северском также было обнаружено погребение XII-XIII вв., в котором обломки кирпичей находились справа от таза и у левого локтя скелета[16]. Захоронения в грунтовых ямах данного вида не нашли широкого применения в погребальном обряде средневековой Руси. Интересно, что использование

этой детали в обряде захоронения зафиксировано практически повсеместно для периода XI-XIV вв. на территории Болгарии[17].

Значительное число могильных ям с частичной огородкой тела камня — и насухо, без раствора, или деревом зафиксировано в средневековых захоронениях территории Югославии XII-XV вв., особенно часто в XIV-IV столетиях[18].

Эти данные говорят о широком распространении частичной огородки грунтовых ямах на территории расселения южных славян.

Вид 3. Захоронение в могильной яме тела, завернутого в бересту. Среди материалов, использовавшихся для предохранения тела при захоронении без погребального сооружения, употреблялась береста. Ее применение в этом качестве известно в курганном обряде погребения. В христианском городском ритуале захоронения данная деталь языческого обряда сохраняется: берестой обертывают или само тело (при погребении простой грунтовой яме) или же берестой покрывают (или обертывают)

[69]

крышки деревянных гробов и каменных саркофагов. Этот пережиток язычества в христианских захоронениях описан в исторической литературе, в частности при публикации материалов раскопок в Старой Рязани, где такая деталь обряда прослежена неоднократно. Причем, отмечая применение бересты в курганах вятичей, А. Л. Монгайт, исследовавший грунтовые кладбища домонгольского времени на городище Старой Рязани, указывает на сходство этой детали обряда в некоторых районах Руси с обычаями отдельных угро-финских племен. Так, у мордвы в X-XIV вв. обертывали и погребали в бересте, без гроба[19]. Интересно отметить, что в чистом виде обряд погребения в бересте (в грунтовой яме), как показал анализ археологических материалов, не нашел распространения на городских кладбищах средневековой Руси. Все отмеченные в домонгольское время случаи погребения в бересте сосредоточены в районе Переяславля-Рязанского и Москвы. Так, в детинце Переяславля-Рязанского было найдено детское погребение XII в., завернутое в луб[20]. В Москве на древнейшем грунтовом кладбище второй половины XII — начала XIV в. в Кремле несколько могил второй половины XII-XIII вв. содержали костяки, завернутые в бересту[21].

Несомненно, это результат достаточно тесных связей Северо-Восточной Руси с угро-финскими племенами, особенно в XI-XII вв., отмеченных острой борьбой болгар с Русью. Именно к этому времени относятся контакты части мордовских племен с населением Рязанской земли, продолжавшиеся вплоть до нашествия монголо-татар. Видимо, эти связи отразились и в погребальном обряде, пусть такой мелкой деталью, как использование бересты. Дело в том, что остальные случаи применения бересты, известные на сегодня, относятся к более позднему периоду и весьма малочисленны. Такие погребения XIV — XV вв. найдены при раскопках на Ярославовом дворе в Новгороде[22]. В одном из саркофагов ладьевидной формы XIV в., обнаруженном при раскопках в новгородской Софии, ноги захороненного были обернуты берестой[23]. Одно из захоронений с берестой у церкви Николы на Дворце в Новгороде датировалось XVI- XVII вв. [24] К XVI в. отнесены и два захоронения в бересте, найденные в Кашине[25].

Таким образом, анализ археологических материалов показал, что в чистом виде захоронения в бересте широкого распространения на Руси не получили. Хотя нужно отметить, что в исследуемый период береста применялась в других видах захоронений: для обертывания колод и деревянных гробов-ящичков, для покрытия крышек каменных саркофагов, для частичного обертывания тела в этих каменных саркофагах. Но таких случаев также очень немного (ниже они будут подробно проанализированы).

В публикациях материалов средневековых захоронений, кроме констатации факта находки гроба того или иного типа, практически никогда не делается попытка проследить историю его развития. В первой главе

[70]

книги были рассмотрены данные письменных и графических источников и выяснено, что особого разнообразия форм гробов в русских лицевых рукописях не отмечено. Они демонстрируют нам достаточно однообразный характер погребальных сооружений — только прямоугольные ящички. Археологические материалы говорят о другом. На сегодняшний день зафиксированы гробы из дерева, камня, кирпича, формы которых отличаются значительным разнообразием, а конструкции порой и достаточной сложностью. Ниже предлагается типология средневековых погребальных сооружений, разработка которой впервые проведена в европейской историографии.

Погребальные сооружения из дерева, рассчитанные на предохранение тела умершего в земле, по числу находок составляют основную группу гробов. Но необходимо отметить, что изучение изделий этой группы крайне затруднено в связи с плохой сохранностью дерева, чаще всего подвергающемуся в земле сильному гниению. Несмотря на это археологические материалы все же позволяют достаточно четко выделить основные типы деревянных гробов — долбленные колоды и гробы-ящички из досок. Следует отметить, что применяемый по отношению к деревянным гробам термин «саркофаг» представляется весьма неудачным и вносящим путаницу.

Деревянные гробы

Тип 1. Деревянные долбленные колоды.

Гробы этого типа изготавливались (выдалбливались) из части ствола дерева. Отдельно оформлялась крышка. Археологические материалы позволяют на сегодняшний день выделить пять видов колод, использовавшихся для средневековых городских захоронений.

Вид 1. Колоды прямоугольной формы.

Самые ранние находки погребений в долбленных гробах этого вида были зафиксированы в Киеве. Одна из колод имела размеры 1,9x0,5 метра, у второй удалось проследить боковые стенки толщиной 0,1 метра. Датируются погребения концом X — началом XI в.^[26] К XII в. относятся долбленные гробы прямоугольной формы (длина 1,85 метра при ширине 0,4-0,42 метра), найденные при исследовании церкви Бориса и Глеба в Новгороде^[27]. Началом XIV в. (1302 г.) датируется захоронение в долбленной колоде в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского^[28]. Оно принадлежало внуку Александра Невского, местному князю Ивану Дмитриевичу. Долбленные колоды этого вида были использованы и в некрополе Спасского: обора в Ярославле — здесь они относятся к XIII — XIV вв.^[29] Находили применение такие гробы и при захоронениях в более позднее время (в XV-XVI вв.) в Новгороде^[30].

Вид 2. Колоды трапецевидной формы.

Находок гробов такой конструкции много, хотя для анализа не удается привлечь все материалы, особенно данные о раскопках XIX в. Здесь опи-

[71]

сания находок очень неясны, к тому же они лишены четких датировок. Такова, например, интересная находка в Новгородском кремле колоды трапецевидной формы на подворье Софийского собора^[31]. Археологические данные говорят об использовании гробов этого вида уже в XII- XIII вв. Они были обнаружены на одном из кладбищ Старой Рязани^[32], в некрополе Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом (ил. 20: а). В последнем из указанных комплексов две колоды с монашескими захоронениями имели размеры: 1,8x0,64 (в ногах 0,52) метра и 2x0,64 (в ногах 0,56) метра. Датируются они XII в.^[33] Еще одна колода в некрополе Георгиевского монастыря была помещена в кирпичную гробницу, содержащую останки Мирошки Нездича, умершего в 1203 г.^[34] Использование такого вида колод зафиксировано в XV-XVII вв. на кладбищах Москвы.

Интересно, что колоды имели крышки разной формы, в том числе плоские^[35], килевидной и сводчатой формы^[36] (ил. 20: б). Наиболее ранними здесь являются дубовые долбленные колоды XV-XVI вв. со сводчатыми крышками. Колоды с килевидными завершениями использовались в основном в XVI в., а с плоскими крышками — во второй половине XVI — начале XVII в. Колоды трапецевидной формы зафиксированы на кладбищах XVI-XVII вв. в Пскове^[37]. Отмечены такие колоды и в некрополях более позднего времени. Так, в Гороховце Владимирской области долбленный из соснового бревна гроб был найден у юго-западного угла Знаменского собора. Его размеры: длина 2 метра, ширина в ногах 0,44 метра, в головах — 0,6 метра при высоте 0,4 метра. Погребение датируется XVIII в.^[38]

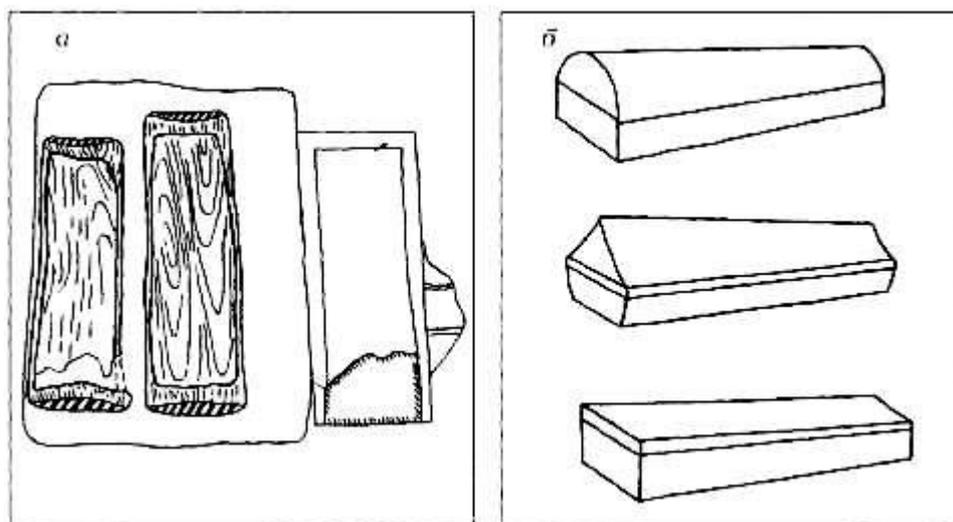

Рис. 20

20. Деревянные колоды трапецевидной формы: а) Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. XIII в. Планы; б) Зарядье. Москва. XVI-XVII вв. Общий вид

Среди колод трапецевидной формы была отмечена такая ее разновидность, как колода с небольшим дополнительным сужением в ножной части. Они использовались в XVI-XVII вв. и найдены на кладбищах Москвы[39].

Вид 3. Колоды антропоморфной формы.

К этому виду отнесены долбленные колоды, очертания которых имеют сходство с контурами человеческой фигуры. Иногда это выражено только устройством выступающего оголовья, в других случаях кроме выступающего оголовья еще и сужением гроба в ножной части. Именно такие долбленные колоды XV в. были найдены на московских кладбищах (ил. 21: а)[40]. Менее сложной формы долбленные гробы зафиксированы в Пскове, где они датируются XVI-XVII вв.[41]Здесь слегка выделены лишь головные части колод. Более четко полукруглый выступ для помещения головы умершего был оформлен у колоды (ил. 21: б), найденной в Старице (XVIII в.). Форма этого долбленного гроба очень близка форме белокаменных саркофагов антропоморфной формы второй половины XVI-XVII вв. — четко выделены плечики, выступ полукруглой конфигурации[42].

Вид 4. Колоды ладьевидной формы.

Этот вид колод представляют гробы с расширением в средней части или в верхней половине изделия. Они появляются в погребальном обряде средневековья достаточно поздно — во второй половине XVI в. — и ис-

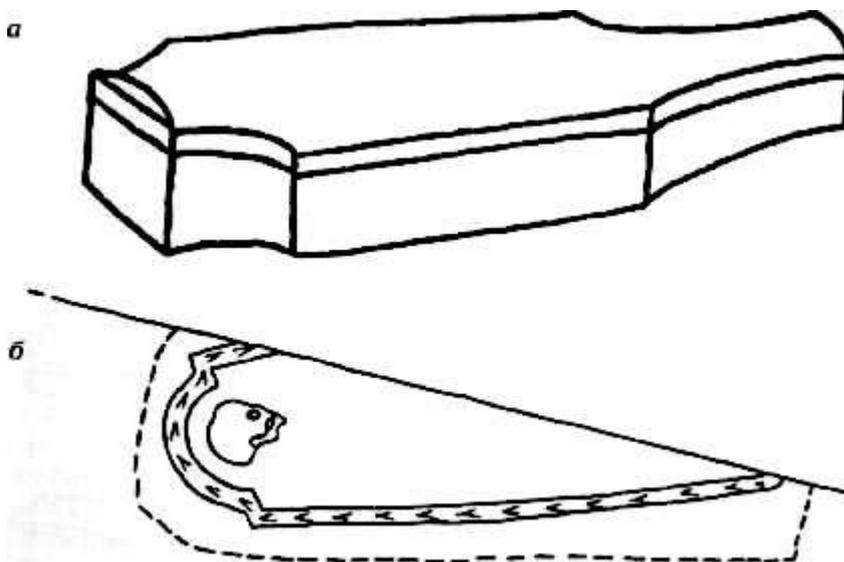

Рис. 21

21. Деревянные колоды антропоморфной формы:

а) Зарядье. Москва. XV в. Общий вид; б) Старица. XVIII в. План. Прориси

пользуются практически только в этом столетии. Находок таких колод известно всего три, однако даже столь мизерное число сооружений позволяет выделить среди них три подвида.

Подвид А. Это колода простой формы с плавным расширением в средней части (ил. 22: а). Она найдена при исследовании захоронений в усыпальнице Покровского монастыря в Суздале, где приписывается Евдокии Сабуровой, первой жене царевича Ивана, сына Ивана IV[43].

Подвид Б. В Ферапонтовом монастыре была обнаружена колода с расширением ее в верхней половине (самое широкое место 0,55 метра, самое узкое — 0,45 метра). При оформлении внутреннего пространства гроба в головной части была выделена специальная ниша для головы (ил. 22: б)[44].

Подвид В. Это колода XVI в. с плавным расширением в средней части и значительным сужением в ножной. Ширина гроба в головах 0,36 метра, в средней части 0,5 метра, в ножном торце — 0,24 метра. Находка была сделана в Серпухове при исследовании фундаментов западного крыльца Зачатьевского собора Высоцкого монастыря (наблюдения автора, 1986 г.).

Вид 5. Колоды с закругленной головной частью.

Подвид А. Колоды этого подвида имеют закругленную головную часть. На сегодняшний день известна только одна находка такого гроба — из Твери, датированная концом XVI в.[45]

Подвид Б. Среди материалов XVII в. отмечены находки колод с нитками для головы в закругленной части гроба. Все гробы с таким внутренним оформлением зафиксированы при изучении истории Архангельского собора Рязани[46].

Следует отметить, что долбленные гробы всех описанных выше видов лишены какой-либо орнаментации, покраски и других украшений. Долбленные погребальные сооружения специфических форм (ладьевидной, антропоморфной, с

закругленным оголовьем), как правило, находят аналогии среди известных ныне типов каменных саркофагов XII-XVI вв., которые будут рассмотрены ниже.

Тип 2. Деревянные гробы-ящики из досок.

Вторым основным типом деревянных погребальных сооружений являются гробы, составленные из досок, которые крепились гвоздями (втулками) или с помощью пазов. Плохая сохранность дерева во многих случаях значительно затрудняла исследователям определение формы и способов крепления гробов-ящиков. Основной формой таких погребальных сооружений, как показывают исследования археологов, является прямоугольная. Отмечены также находки гробов-ящиков трапециевидной формы.

Вид 1. Деревянные гробы-ящики прямоугольной формы.

Подвид А. Это гробы, скрепленные гвоздями или втулками. Одной из самых ранних находок среди них является деревянный гроб, открытый при раскопках Десятинной церкви в Киеве (ил. 23: а). Сколоченный гвоздями из досок толщиной 0,05 метра, он имел двускатную крышку. Его раз-

[74]

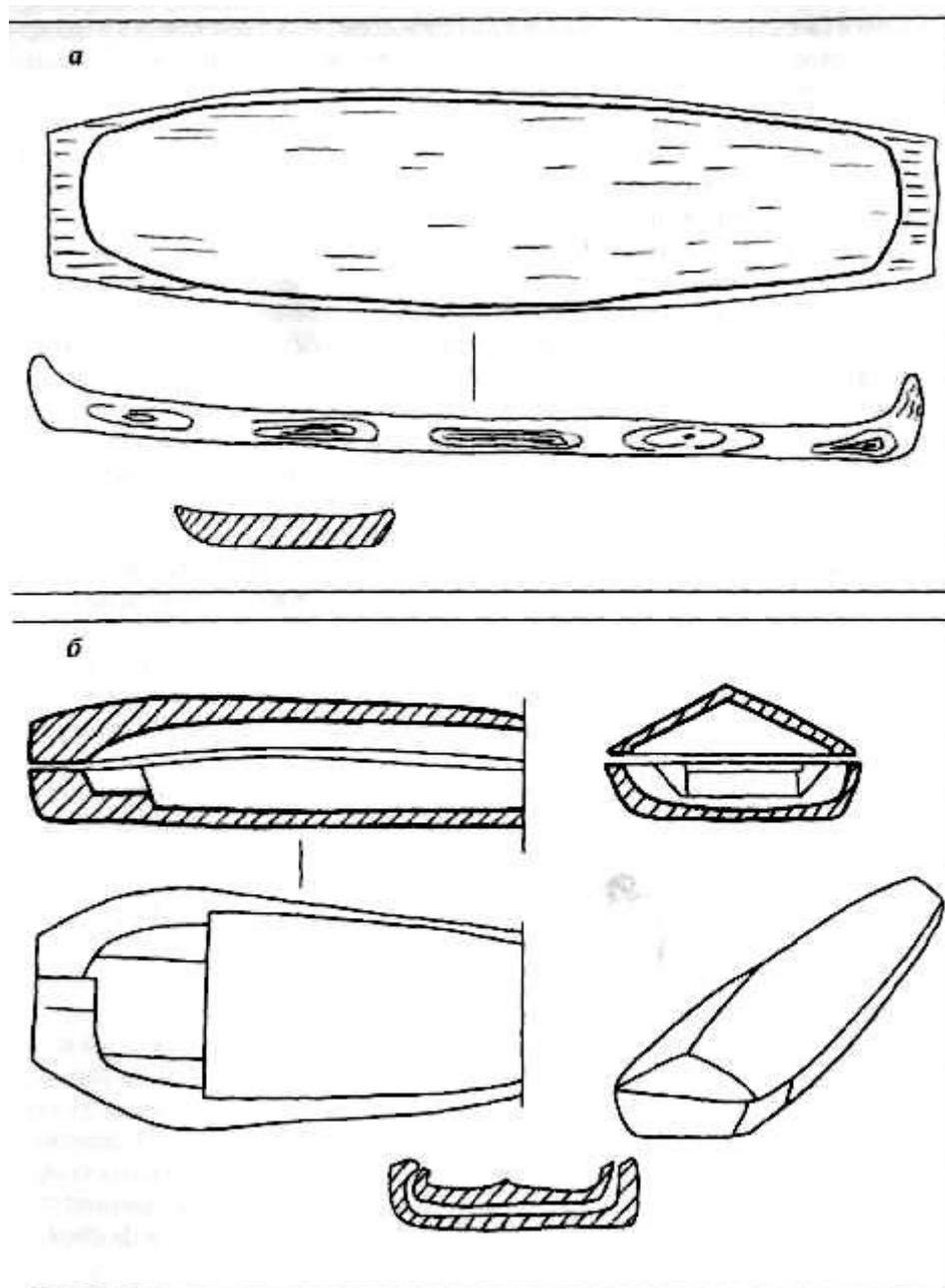

Рис. 22

22. Деревянные колоды ладьевидной формы: а) Суздаль. XVI в., б) Ферапонтов монастырь. XVI-XVII вв. Планы, разрезы

[75]

меры были: длина 2,22 метра, ширина 0,65 метра. находка датируется концом XI в. [47] К XII-XIII вв. относится большая группа захоронений в гробах исследуемого вида (ил. 23: б), зафиксированная при раскопках в Юрьеве (Киевская область). Все конструкции прямоугольной формы, размеры одной из них 1,9х0,6 метра при высоте 0,4 метра. Для скрепления досок этого гроба было использовано свыше тридцати гвоздей длиной 0,14-0,15 метра. Кроме того, гроб был украшен маленькими (до 0,03 метра) гвоздиками и дополнительно скреплен железными уголками. На некоторых гро-

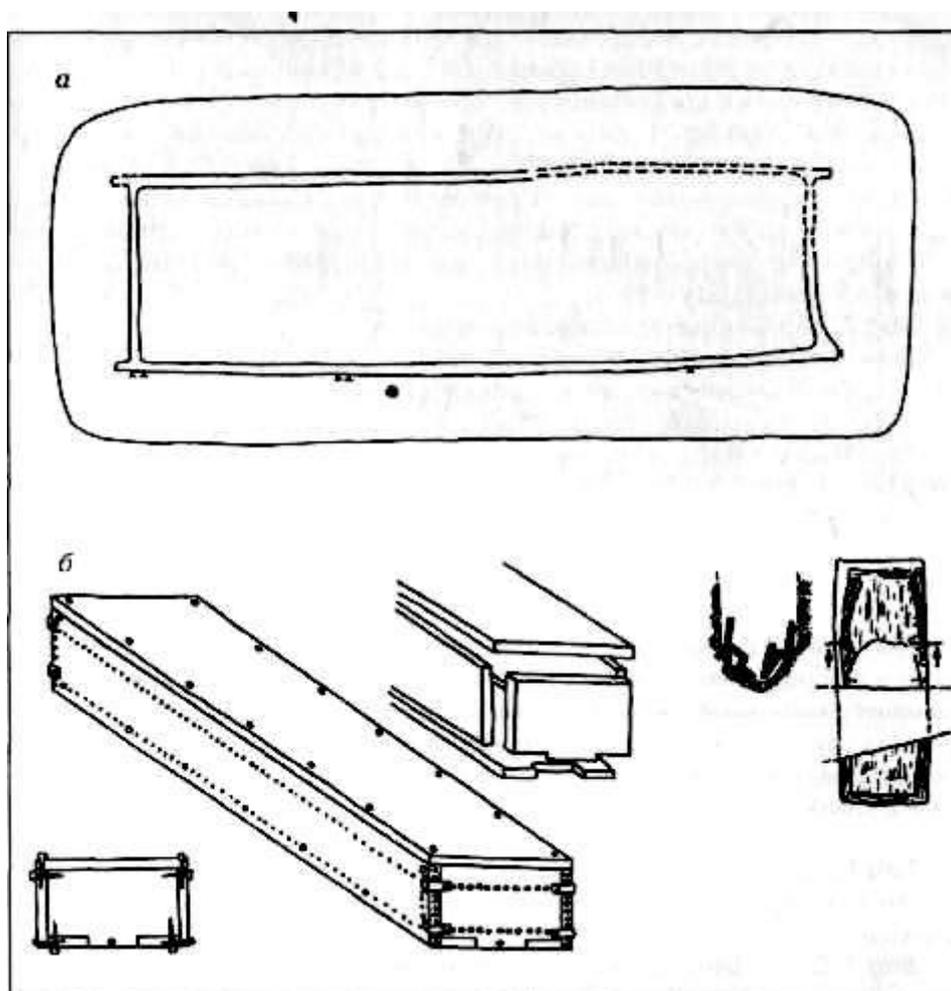

рис. 23

23. Деревянные гробы-ящики: а) гроб-ящик прямоугольной формы. Киев. XI в. План; б) составной гроб-ящик прямоугольной формы. Юрьев. XII-XIII вв. План, разрез и реконструкция

[76]

бах сохранились остатки обивки тканью и декорировка из штампованных медных бляшек в виде восьмилепестковых розеток диаметром 1,5 сантиметра [48]. Дубовые гробы из досок (этого же периода) найдены в Мстиславле [49]. Интересно, что иногда вместо гвоздей для скрепления досок использовали деревянные втулки, как показали раскопки в районе Переяслава-Хмельницкого. Эти гробы датируются концом XIII — серединой XV в. [50] **Подвид Б.** В этот подвид объединены гробы-ящики прямоугольной формы, скрепленные только с помощью пазов в досках. Их еще можно назвать составными. Такие конструкции были изучены при исследовании Минского Замчища. Захоронения XII-XIII вв. совершены в прямоугольных гробах, доски которых скреплены путем помещения ребра поперечной доски в выруб продольной. На концах доски скреплены специальной деревянной планкой с вырезом [51]. Гробы XII в., скрепленные без гвоздей, были найдены и в Новгородке [52]. Такой же составной гроб был зафиксирован при раскопках в Можайске. Прослежено, что торцовая доска входит в паз боковой доски, а конец

последней выступает за торец домовины на 0,05 метра. Это погребение частично нарушено фундаментом Старо-Никольского собора XIV в.[53]

Вид 2. Деревянные гробы-ящики трапециевидной формы.

Деревянные конструкции такой формы крайне редко встречались при археологических исследованиях средневековых городов и поэтому изучены слабо. Они зафиксированы на раннем христианском кладбище первой половины XII в. в Новогрудке[54]. Здесь доски гробов скреплены с помощью гвоздей.

Каменные саркофаги

Следующей большой группой погребальных сооружений, применявшихся в обряде захоронения городского населения средневековой Руси, являются каменные гробы. Каменные саркофаги — одна из самых интересных групп погребальных сооружений, появившаяся на Руси в XI в. На сегодня она составляет более двухсот двадцати находок. Среди них удается выделить четыре типа гробов.

Тип 1. Саркофаги-ящики.

Этот тип гробов подразделяется на два вида, в которых выделяются подвиды.

Вид 1. Саркофаги-ящики прямоугольной формы без дополнительного оформления внутреннего пространства.

Подвид А. Это саркофаги, изготовленные из монолита камня. Самые ранние из них датируются XI в. и были найдены в Киеве. Широко известен великолепно орнаментированный мраморный саркофаг Ярослава

[77]

Мудрого[55], находящийся в алтаре придела Св. Владимира Софийского собора (ил. 24: а). Это произведение константинопольских мастеров первой трети XI в.[56] послужило образцом, по которому были созданы несколько шиферных орнаментированных саркофагов-ящиков, найденных в Киеве[57]. Необходимо отметить, что в основном саркофаги данного вида использовались в XII-XIII вв. и в это время уже практически никогда не орнаментировались. Так, XII столетием датируется монолитный саркофаг,

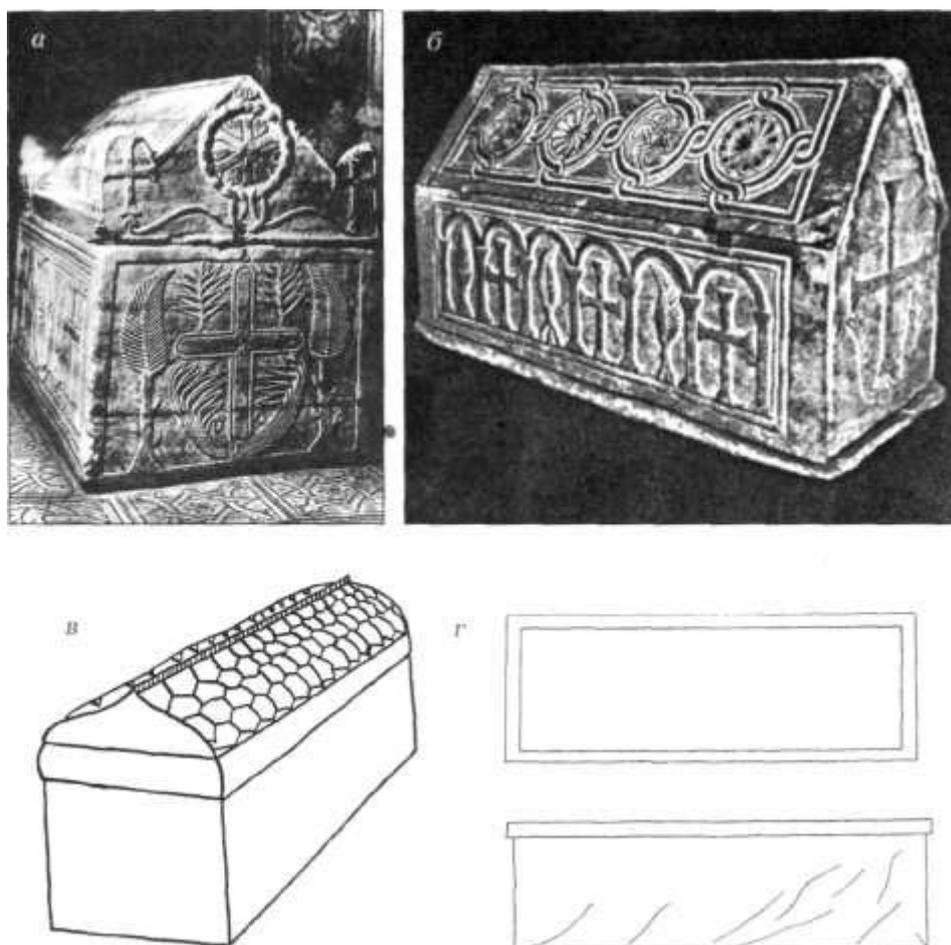

Рис. 24

24. Саркофаги, изготовленные из монолита камня: а) саркофаг Ярослава Мудрого. Византия. XI в. Киев. Софийский собор. Серый мрамор; б) саркофаг княгини Ольги. Киев. Десятинная церковь. X в. Шифер; в) саркофаг-ящик

прямоугольной формы с крышкой килевидной формы. Белгородка. XII в. Белый камень. Рисунок; г) саркофаг-ящик прямоугольной формы. Старая Рязань. XII-XIII вв. Белый камень. План и вид сбоку

[78]

найденный при раскопках Успенского собора в Галиче и связываемый с захоронением его создателя князя Ярослава Осмомысла[58]. Обломки аналогичного саркофага были обнаружены при раскопках возле развалин Успенского собора[59]. Известняковый гроб прямоугольной формы (1,99x67,5 сантиметра) зафиксирован при работах на месте «Малого храма» XII в. в Белгородке (ил. 24: в)[60].

К XII-XIII вв. относятся два известняковых гроба, обнаруженные в развалинах церкви Бориса и Глеба в Смоленске в 1835 г. Сохранились данные о размерах одного из них: 2,1x0,71 метра. Погребения приписывались смоленским князьям Давиду Ростиславичу и его сыну[61]. Значительное число белокаменных саркофагов-монолитов XII-XIII вв. было зафиксировано в Старой Рязани (ил. 24: г), находки не сохранились. Длина одного из них 2,03 метра, ширина и высота 0,71 метра[62]. Опубликованы 13 изображения некоторых из этих гробов[63]. Видимо, XII в. датируется саркофаг (разрушенный), который обнаружили в Звенигороде на Белке[64]. При вскрытии могилы князя Дмитрия, сына Александра Невского, в Спасо-Преображенском соборе Переяславля-Залесского также был обнаружен саркофаг исследуемого вида размером 1,9x0,65 метра[65].

Для периода XI-XIII вв. интересно отметить варианты крышек саркофагов данного вида погребальных сооружений. Первый вариант — высокая двускатная, как и у приведенных выше киевских гробов XI в. Второй вариант — плоские крышки-плиты, которые распространены практически повсеместно. К третьему варианту отнесем крышки с двумя пологими, слабовыраженными скатами, применение которых отмечено во Владимире и Ростове[66]. К редкому варианту покрытий саркофагов относятся сводчатые крышки, использование которых зафиксировано в археологическом материале XII-XIII вв. лишь однажды: это крышка саркофага XII в. в Белгородки.

К сожалению, археологически точно не зафиксировано использование каменных гробов-монолитов прямоугольной формы (подвид А) в IV-XVI вв. Трудно интерпретировать очень краткие упоминания о находках белокаменных саркофагов XV в. в Твери[67] и в Желтиковом монастыре под Тверью[68]. Есть краткие сведения о таких находках XVI в. В Старицком уезде сохранялась в одной из церквей белокаменная гробница, приписываемая боярину Ивану Шигону-Пожоину[69], а в Михаилоархангельском соборе Микулина городища был найден саркофаг с захоронением (1559 г.) князя Семена Микулинского[70]. Известны такие находки и Твери[71]. Однако точных данных о форме всех этих саркофагов у нас нет, что делает невозможным отнесение их к какому-либо определенному виду.

Подвид А представлен в общей сложности пятьюдесятью шестью науками, в основном XI-XIII вв.

Подвид Б. К нему относятся саркофаги прямоугольной формы, составленные из больших каменных плит. Сразу необходимо оговорить тот

[79]

факт, что крепление плит в единую конструкцию проводилось или с помощью железных связей или чаще всего с помощью системы пазов. К сожалению, слабая фиксация многих находок, особенно XIX — начала XX в., не позволяет привлечь все материалы для проведения более четкой типологии.

В качестве примера саркофага прямоугольной формы из плит, скрепленных железными связями (их называют по-разному — прутьями, скобами), можно привести находку из Вышгорода. Указанные размеры гроба из красного шифера это подтверждают: его длина 2,31 метра, ширина 84,5 сантиметра[72]. Еще одна находка саркофага из шиферных плит, связанных железными скобами, также из Вышгорода, описана очень кратко. Неясна форма саркофага, найденного в Михайловском монастыре Киева в 1887 г. [73] Есть указания на находки скрепленных железными прутьями четырех саркофагов из шиферных плит при раскопках Десятинной церкви, но форма гробов не отмечена[74]. Однако несмотря на столь скудные сведения, можно с уверенностью отнести данные находки к XI-XII вв., учитывая историю такого центра, как Вышгород, и некрополя Десятинной церкви. Скреплен связями и орнаментированный саркофаг, обнаруженный А. В. Милеевым[75] при раскопках Десятинной церкви (ил. 25: а). Значительно объемнее и информативнее материалы по истории саркофагов прямоугольной формы, плиты которых крепились с помощью пазов. Принцип крепления плит везде одинаков: желобки в плите-днище для крепления боковых и торцовых стенок, желобки в ножном и головном концах боковых стенок для закрепления торцовых плит. Самая ранняя находка такой конструкции гроба была сделана в Переяславе-Хмельницком при исследовании храма-усыпальницы XI в. Правда, от двух шиферных саркофагов сохранились только нижние плиты-днища с выдолбленными по их периметру пазами для установки стенок (остальное — в обломках). Эти гробы, безусловно, одновременны времени постройки храма[76].

К XII в. относится довольно значительная группа саркофагов из нескольких древнерусских городов. В Киеве при раскопках Михайловского собора обнаружен составной саркофаг из шифера (1,97x0,77x0,77 метра), использованный вторично в XVII в. [77] Два аналогичных гроба были зафиксированы при исследовании Зарубского монастыря[78].

Интересен локальный вариант составных саркофагов, отмеченный в храме-некрополе XII в. в Василеве (ил. 25: б). Здесь они имели только по одной вставной торцевой стенке, впущенной в пазы боковых, а основная часть конструкции была из монолита[79].

В Турове в XIX в. был обнаружен саркофаг изучаемого вида[80]. При раскопках церкви Бориса и Глеба XII в. в Турове уже в XX в. зафиксированы шиферные составные гробы из гладких плит (первая находка также связана с этим комплексом). Погребения в трех саркофагах оказались нарушенными[81].

[80]

Единственная находка составного саркофага самого раннего периода их истории вне Киевской земли была сделана в Новгороде, при исследовании остатков древнего притвора церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворе (1127 г.). Сделанный из больших каменных плит на пазах (ил. 25: в), саркофаг не сохранил в себе древнего захоронения[82]. Анализ археологических данных позволяет говорить о том, что использование в погребальном обряде составных саркофагов на пазах во второй половине XII — первой половине XIII в. известно сегодня только для районов Северо-Западной (Новгород, Ладога) и Северо-Восточной Руси (Юрьев-Польский). В других центрах таких находок нет. Так, остатки составного гроба из известняковых плит зафиксированы в развалинах Климентовской церкви в Старой Ладоге[83]. Случайная находка в Новгороде у церкви Власия плиты из серого известняка со следами пазов для стенок саркофага вызвала у ученых начала XX в. затруднения с датировкой — они отнесли ее к XVII-XVIII вв.[84] Эта плита прямоугольной формы (длина 1,04 сажени, ширина 0,44 сажени) — несомненно, часть саркофага древнерусского времени.

Несколько саркофагов из известняковых плит зафиксированы при раскопках церкви Бориса и Глеба в Новгородском кремле[85]. Достаточно полно удалось изучить двойные составные гробы, обнаруженные в притворе церкви Успения (1189 г.) Аркажского монастыря под Новгородом (ил. 25: г). Общая длина гроба № 12 в южной части притвора 2,15 метра, внешняя ширина 1,35 метра. В основании — сплошная плита из серого известняка. В ней на расстоянии 0,05-0,1 метра от края идут желобки. Их ширина 0,08-0,1 метра, глубина 0,02 метра. В желобки на ребро ставились боковые плиты. Плиты поперечных стенок входят в желобки на боковых сторонах продольных плит. По центру плиты-основания проложен желобок для центральной стенки, разделяющей гроб на две погребальные камеры. Плита-крышка была сплошной. Аналогично устроен и второй саркофаг, № 1386. Предположительно захоронения в двойных составных саркофагах связывают с родом посадника Михалко Степанича (умер в 1203 г.) и его сына Твердислава (умер в 1220 г.), принявших постриг в Аражском монастыре. Судя по очень кратким записям начала XX в., составным был саркофаг, использованный для погребения князя Дмитрия Святославича в Георгиевском соборе Юрьева[86]-Польского[87]. Князь Дмитрий умер в 1269 г. и, видимо, это самый поздний случай употребления составных саркофагов для захоронения в храмах-усыпальницах древнерусских городов. Интересно отметить, что находки составных саркофагов сосредоточены в двух важнейших по своему значению в истории Древней Руси центрах — Киеве и Новгороде.

Такая форма погребальных сооружений существовала практически только в домонгольское время и позже не встречалась. Нет находок составных саркофагов ни во Владимиро-Суздальской, ни в Рязанской зем-

[81]

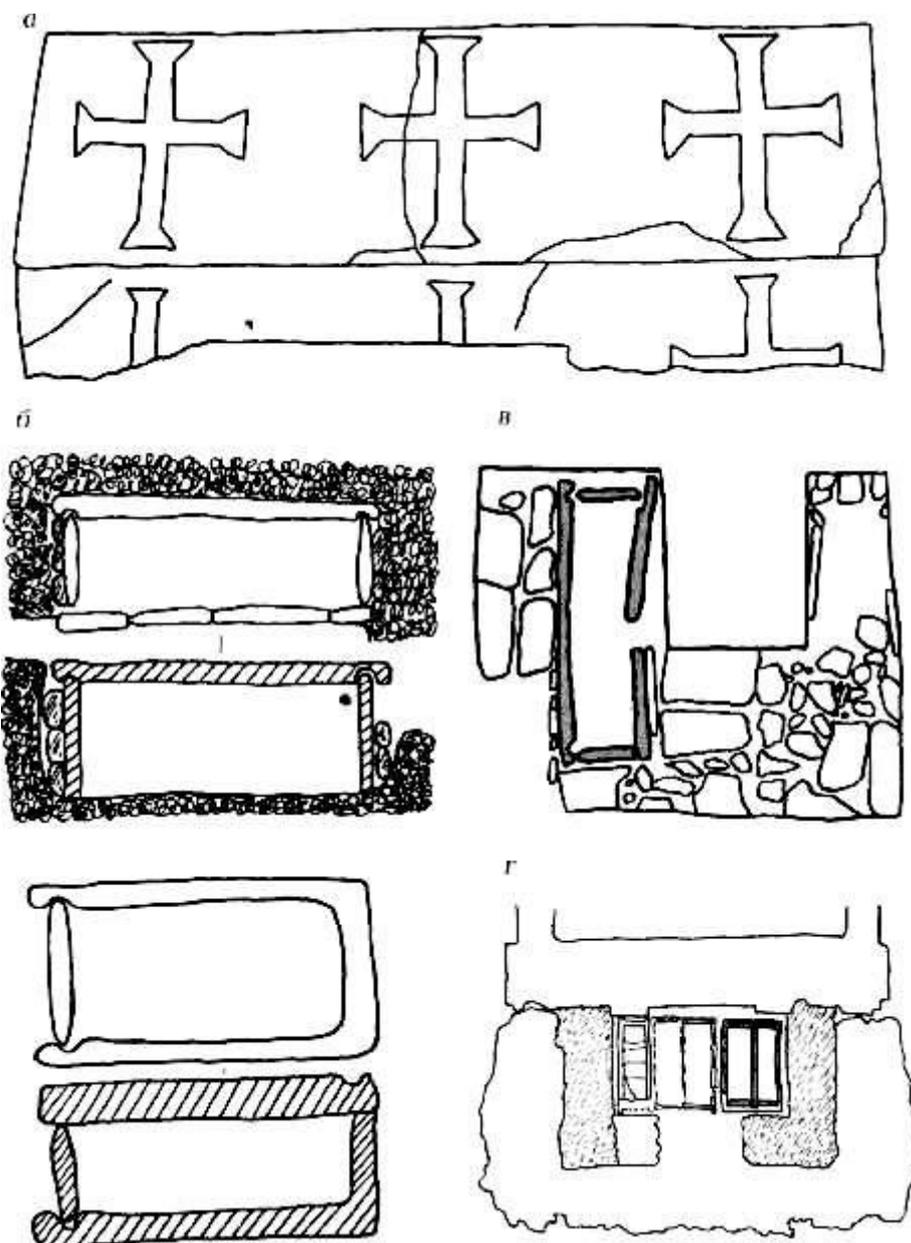

Рис. 25

25. Каменные составные саркофаги: а) саркофаг прямоугольной формы. Киев. Десятинная церковь. XI в. Шифер. Сохранился рисунок крышки и части передней стенки; б) саркофаги-костницы. Василев. XII в. План, разрез; в) саркофаг-ящик на пазах. Новгород. Церковь Иоанна Предтечи. XII в. Белый камень. План; г) двойной саркофаг прямоугольной формы. Новгород. Аркажский монастырь. XIII в. Серый известняк. План

[82]

лях, где до сих пор не зафиксированы погребальные сооружения данного типа. Группа составных саркофагов достаточно многочисленна: сегодня известны шестьдесят три экземпляра.

Подвид В. Это саркофаги прямоугольной формы, имитирующие составные. Представлены в археологическом материале достаточно редкими находками. Они изготавливались из монолита и имели в ножном и головном

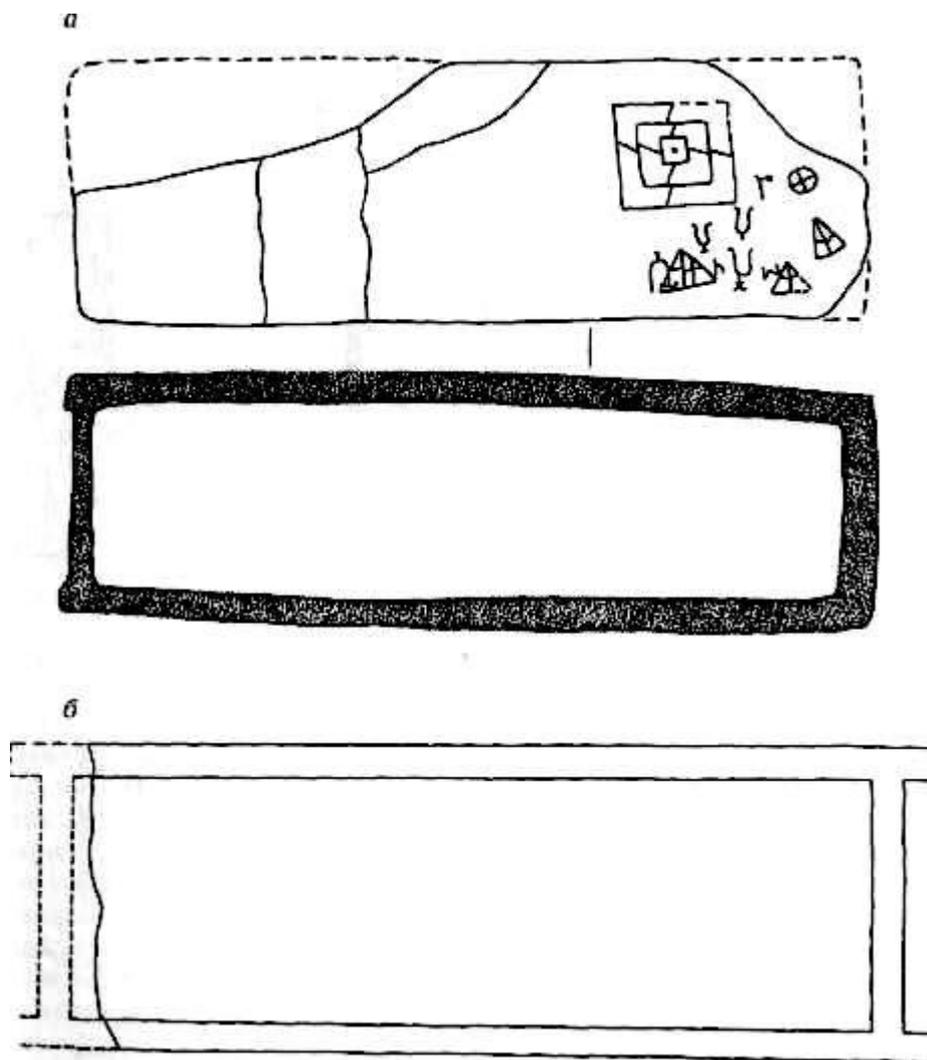

Рис. 26

26. Каменные саркофаги, имитирующие составные: а) с крышкой. Василев. XII в. Песчаник; б) Аркажский монастырь. Новгород. Начало XIII в. Серый известняк. Планы

[83]

концах выступы боковых стенок, как у составных гробов из отдельных плит на пазах. Немногочисленные находки гробов этого подвида датируются XII — началом XIII в. Одна из них зафиксирована в городе Василеве: это саркофаг, сделанный из монолита, сохранил небольшие выступы концов боковых стенок в одном из торцов гроба (ил. 26: а)[88]. Аналогичный в своей основе саркофаг был использован в 1198 г. для погребения в Георгиевском соборе Юрьева монастыря двух сыновей князя Ярослава[89]. Для совершения парного захоронения детей гроб был удлинен с помощью дополнительных плит. К началу XII в. относятся три саркофага, имитирующие составные, из комплекса захоронений Аркажского монастыря под Новгородом (ил. 26: б). Один из них зафиксирован в западном притворе, два — на кладбище к востоку от церкви Успения[90].

Интересно отметить, что саркофаги подвида В бытовали в основном только в Новгородской земле в период XII — начала XIII в. и не применялись в некрополях других древнерусских центров.

Вид 2. Саркофаги-ящики трапецевидной формы.

Ко второму виду саркофагов-ящиков относятся гробы трапецевидной формы, то есть имеющие расширение к головной части.

Подвид А. В него включены монолитные саркофаги-ящики трапецевидной формы. Саркофаги-ящики трапецевидной формы из монолита очень просты. Примером такого гроба может служить саркофаг владимирского князя Всеволода III (умер в 1203 г.) из Успенского собора Владимира (ил. 27: а). Его размеры: длина 2,1 метра, ширина в головах 0,7 метра и в ногах 0,64 метра[91]. Более четко трапецевидность выражена у двух саркофагов середины XII столетия, сохранившихся в аркосолиях древней Борисоглебской церкви в Кидекше. Размеры одного из них (ниша северной стены) — 0,61x0,48x2,02 метра (наблюдения Н. Кургановой, г. Суздаль).

Подвид Б. Это составные саркофаги-ящики трапецевидной формы из отдельных плит, также найдены при археологических раскопках. Сразу же оговоримся, что фиксация находок оставляет желать лучшего, так как все они

сделаны в начале XX в. Один из составных саркофагов из плит шифера обнаружен в Десятиной церкви. Его размеры: длина 2,13 метра, ширина 0,89 метра и 0,8 метра. Предположительно захоронение связывалось с личностью киевского князя Владимира, умершего в 1015 г.^[92] В любом случае, оно не выходит за рамки XI в. Несколько составных саркофагов трапециевидной формы были зафиксированы при раскопках Спасо-Нередицкой церкви XII в. под Новгородом. Сложенные из шести плит волховского известняка гробы имели длину 2,26 метра, ширину в головах 0,81 метра и в ногах 67,5 сантиметра при высоте 0,54 метра. Саркофаги найдены как внутри храма, так и снаружи: два возле его северной стены и один около южной^[93]. Видимо, эти погребения можно датировать концом XII — первой половиной XIII в., что не противоречит временным пределам для использования данного типа погребальных сооружений.

[84]

Подвид В. В эту группу памятников входят саркофаги-ящики трапециевидной формы со специальной нишкой для головы погребаемого внутри. Появление гробов с таким оформлением внутреннего пространства относится к самому концу XVI в. Этот подвид представлен в археологическом материале всего четырьмя находками. Проблем с их датировкой нет, так как все саркофаги имеют подписные крышки. Самый ранний из них, 1594 г., содержит захоронение Феодосии, дочери царя Федора Иоанновича и Ирины Годуновой (ил. 27: б). Остальные датируются первой половиной XVII в. (1636, 1637 и 1659 гг.) и также происходят из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля, служившей местом погребения предс-

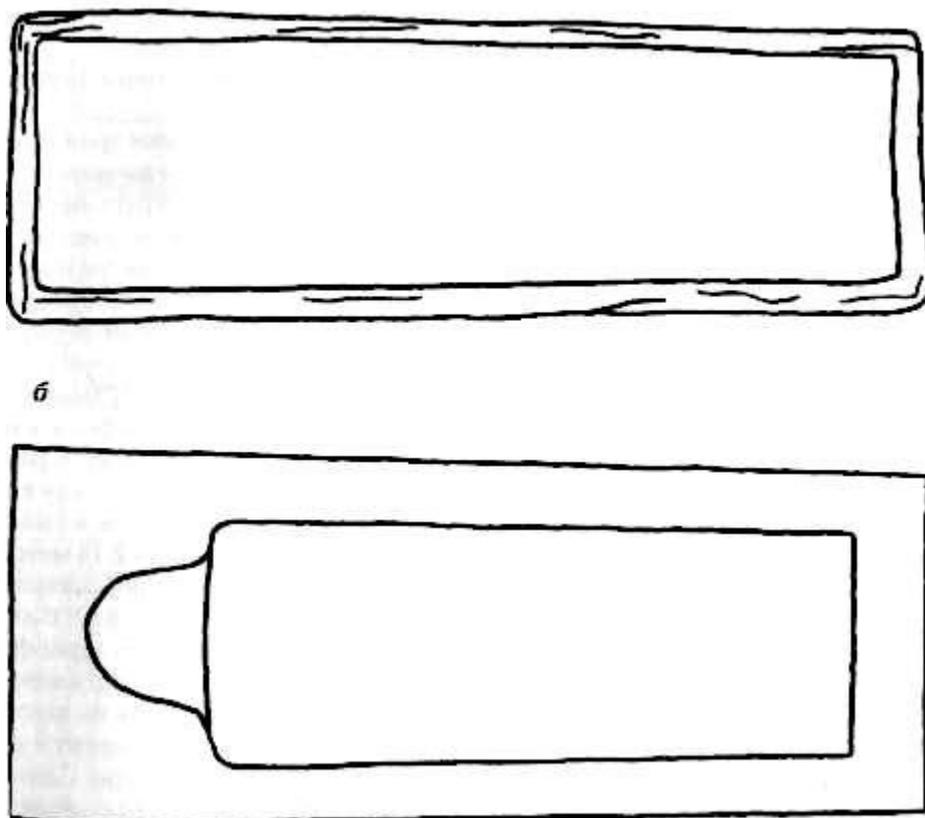

Рис. 27

27. Каменные саркофаги-ящики трапециевидной формы: а) саркофаг из монолита камня. Владимир. Успенский собор. Начало XIII в. Белый камень; б) саркофаг с нишкой для головы. Москва. 1594. Белый камень. Планы

[85]

тавательниц великокняжеской и царской фамилии (исследования автора). Более нигде подобные погребальные сооружения не встречены.

Тип 2. Саркофаги антропоморфной формы.

Вид 1. Саркофаги, имеющие расширение к головной части и выступающее оголовье.

Прежде всего необходимо остановиться на самом термине «саркофаг антропоморфной формы» и на том, с какими погребальными сооружениями он связывается. Анализ современной археологической литературы показывает, что данный термин применяют для обозначения двух разных типов погребальных сооружений: во-первых, для

саркофагов трапециевидной формы с выступающим оголовьем (в российской археологической литературе) и, во-вторых, для обозначения саркофагов-ящиков трапециевидной формы, имеющих внутри полукруглую нишку для головы (тип 1, вид 1, подвид В), хорошо известных в археологическом материале Западной Европы.

Каменные саркофаги-ящики, являющиеся одним из самых распространенных типов гробов, как во времени, так и в пространстве, имеют очень разнообразные виды оформления внутренней части (имеется в виду территория Древней Руси). У антропоморфных саркофагов выступающее оголовье является определяющим признаком типа, у саркофагов-ящиков нишка внутри — лишь деталь внутреннего устройства. Поэтому полностью идентифицировать эти погребальные сооружения нельзя. Также нельзя применять для их обозначения один и тот же термин. Между тем практически всегда при подборе аналогий для этих саркофагов исследователи смешивают их, не вникая в территориальные и временные особенности их распространения.

Основная масса из известных сегодня семидесяти саркофагов антропоморфной формы датируется XIV — первой половиной XVII в. Но наличие двух находок XII в. позволяет проследить развитие этого типа на протяжении пяти столетий. Самые ранние гробы, найденные во Владимиро-Суздальской земле, имели вид ящиков, расширяющихся к головной части, в которой было оформлено выступающее оголовье округлой формы с плечиками мягких очертаний. Два саркофага второй половины XII в. зафиксированы при раскопках в Суздале (ил. 28: а)[\[94\]](#) и Боголюбове (28: б)[\[95\]](#). Несмотря на отсутствие находок XIII в., удается проследить, что саркофаги с таким оголовьем просуществовали без изменений до первой трети XVI в. Это фиксируется по данным средневековых усыпальниц Москвы и Подмосквья, где исследуемый тип гроба нашел широкое применение со второй половины XIV в. К этому времени относится находка двух саркофагов в церкви Спаса на Бору в Московском Кремле (ил. 28: в)[\[96\]](#). Еще шесть саркофагов XV — первой трети XVI в. зафиксированы в некрополе церкви Вознесения соименного монастыря в Московском Кремле (наблюдения автора), три — в церкви Богоявления Китай-города в Москве[\[97\]](#) и один — в

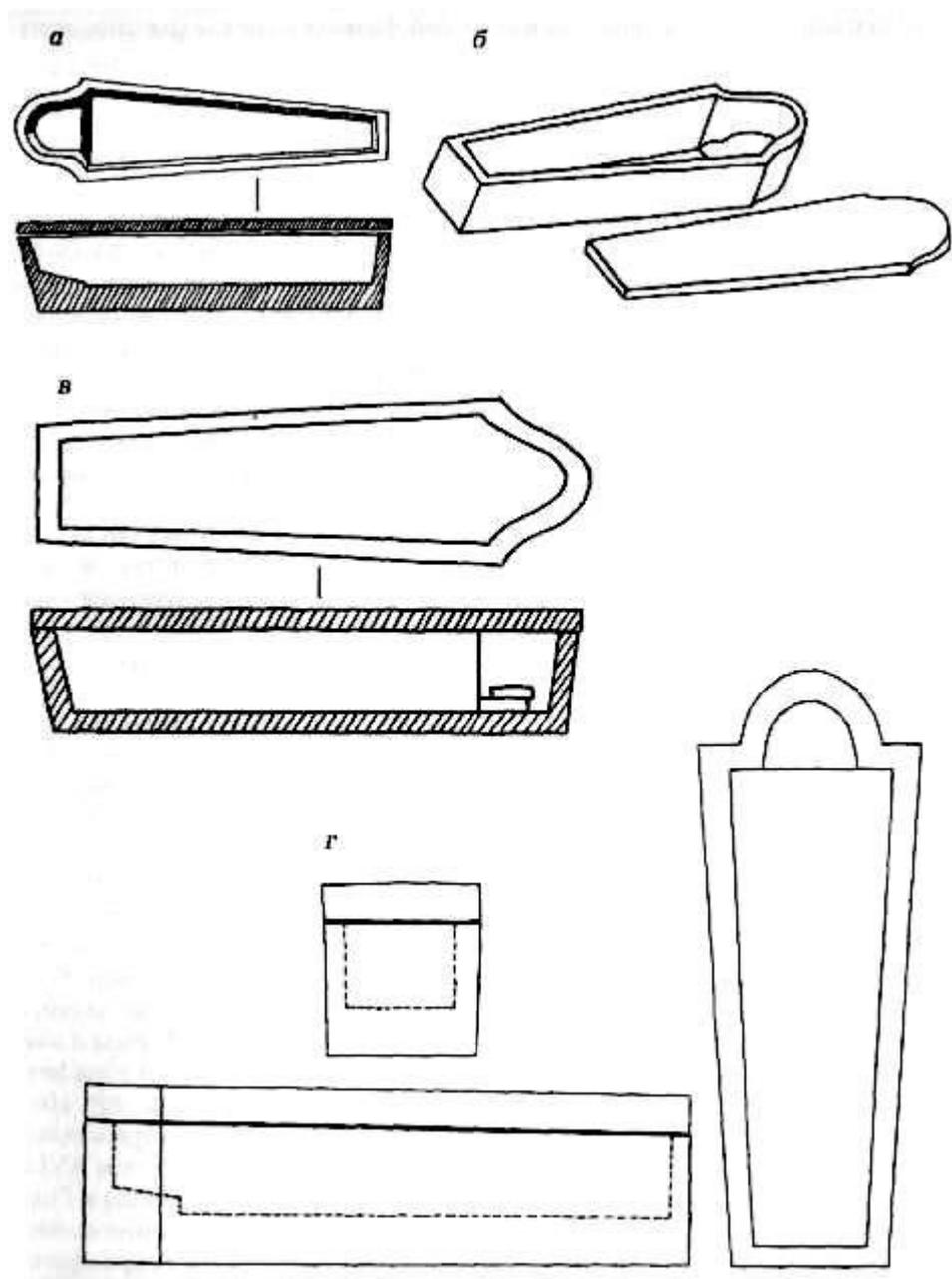

Рис. 28

28. Каменные саркофаги антропоморфной формы: а) Суздаль. Вторая половина XII в. Белый камень; б) Боголюбово. Вторая половина XII в. Белый камень; в) Москва. Кремль. Вторая половина XIV в. Белый камень.; г) Москва. Кремль. 1569. Белый камень. Планы, разрезы

[87]

Рождественском соборе Пафнутьев-Боровского монастыря[98]. К середине XVI в. антропоморфные саркофаги приобретают оголовье полуциркульной формы и более четкие выделенные плечики (ил. 28: г). Эту конфигурацию гробы сохраняют вплоть до середины XVII в., когда перестают использоваться в погребальном обряде. Большая группа таких саркофагов отмечена в комплексе Вознесенского монастыря в Московском Кремле, один гроб частично исследован в Успенском соборе Кремля (наблюдения автора), еще четыре — в Архангельском соборе[99]; два — в Коломне, в Спасской церкви[100]; два — в Рязани[101]; четыре (первой половины XVII в.) — в Спасо-Евфимиевском монастыре Суздаля[102].

Самый поздний случай использования саркофага антропоморфной формы датируется 1647 г. находка зафиксирована в Высоцком монастыре Серпухова[103]. Интересно отметить, что в первой половине XVII в. внутренние очертания выступающего оголовья приближаются почти к полному кругу.

Выделяются в отдельные подвиды две небольшие группы памятников, имеющие особенности в оформлении.

Подвид А. В этот подвид объединены саркофаги антропоморфной формы с округлым выступающим оголовьем и дополнительным сужением в ножной части гроба, что придавало им еще большее сходство с человеческой

фигурой. На сегодняшний день группа таких гробов состоит из восьми находок, датируемых серединой XV — началом XVI в. Все они происходят из некрополей Москвы: шесть с территории Кремля (ил. 29) и два из церкви Богоявления в Китай-городе[104].

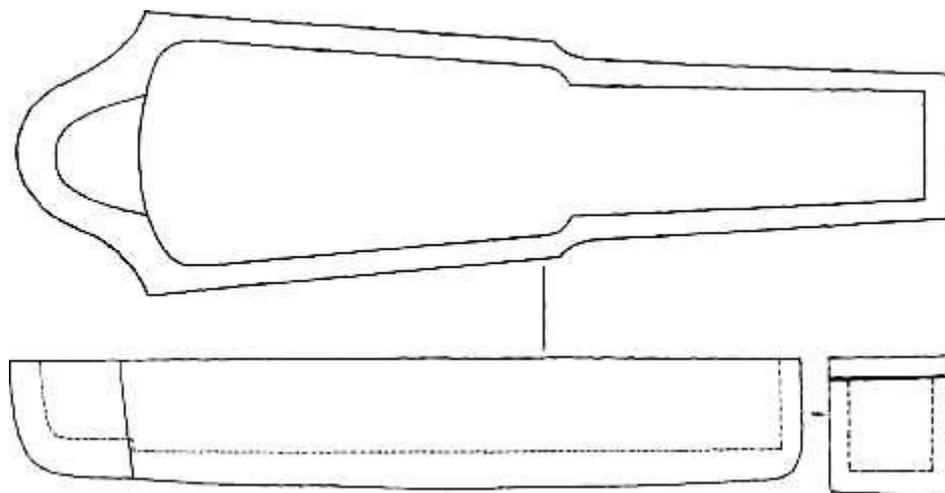

Рис. 29

29. Саркофаг антропоморфной формы с сужением в ножной части. Москва. Кремль. Середина — вторая половина XV в. Белый камень. План, разрезы

[88]

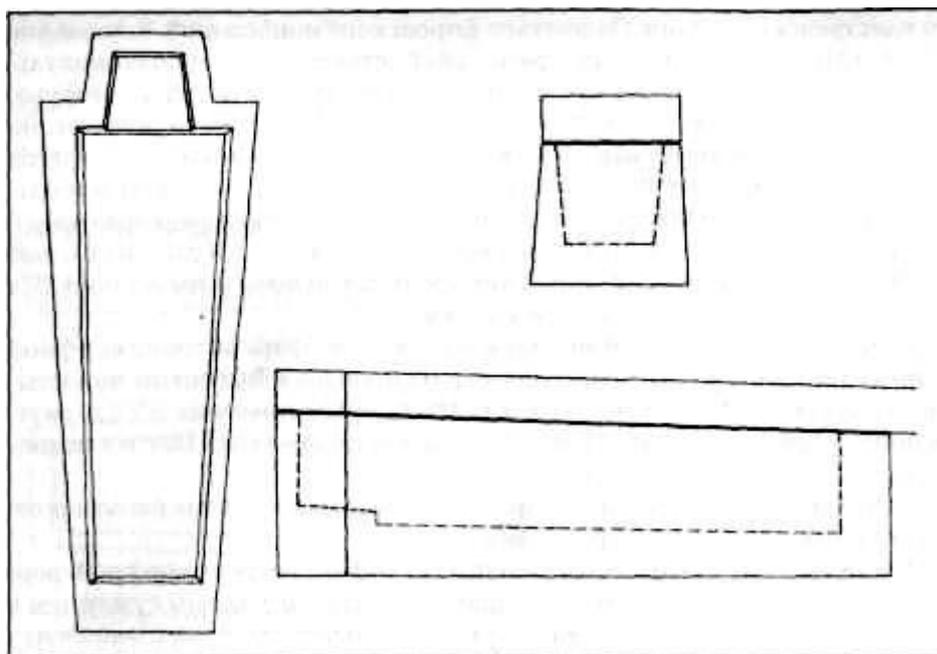

Рис. 30

30. Саркофаг антропоморфной формы с подквадратным оголовьем. Москва. Кремль. 1571. Белый камень. План, разрезы

Подвид Б. Этот подвид включает в себя пять антропоморфных саркофагов, выступающее оголовье которых имеет четкую прямоугольную форму. Все они зафиксированы в некрополе церкви Вознесения Московского кремля. Интересно, что эти саркофаги были использованы для погребений в 1569 и 1571 гг. (ил. 30) двух жен Ивана IV и княгинь из рода Старицких (наблюдения автора).

Таким образом, саркофаги антропоморфного типа нашли применение в погребальном обряде начиная со второй половины XII и до середины XVII в. Удаётся проследить очень важные временные признаки изменения их форме, что облегчает работу исследователей средневековья (далеко не все саркофаги, особенно ранние, имеют подписные крышки). Как правило, саркофаги антропоморфного типа имеют плоские крышки; в ранний период существования этих гробов (XII-XV вв.) они бывают двухчастными. У крышек XVI-XVII вв. отмечены углубления на тыльной стороне.

Тип 3. Саркофаги ладьевидной формы.

К третьему типу отнесены саркофаги так называемой ладьевидной формы. Такие гробы-монолиты имеют расширение в средней или верхней части изделия и сужаются к головной и ножной его частям. Саркофагов данного типа известно сегодня пятнадцать, и все они происходят из

[89]

некрополей Новгорода и его округи (ил. 31: а). Один из гробов, датированный XIV в., найден при раскопках в Софийском соборе. Он сделан из белого камня и имеет крышку с ребристой поверхностью[105]. Аналогичный саркофаг, датированный автором раскопок XII в.[106], обнаружен при исследовании руин церкви Бориса и Глеба в Новгородском кремле. Еще четыре саркофага этого типа зафиксированы в южном приделе церкви Спаса на Ковалеве[107]. Более подробно изучены находки девяти саркофагов ладье-

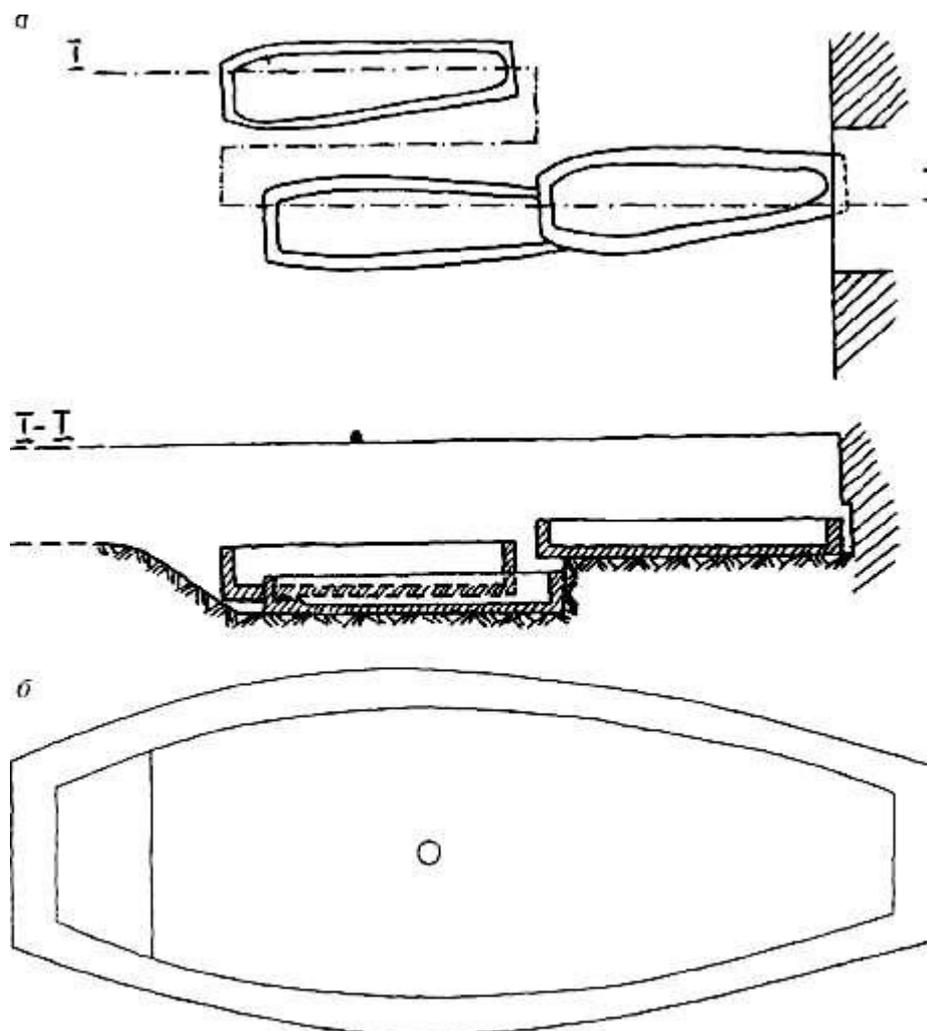

рис. 31

31. Каменные саркофаги ладьевидной формы: а) Новгород. Церковь Спаса на Нередице. XIV в. Серый известняк; б) Новгород. Аркажский монастырь. XIV-XV вв. Серый известняк. Планы, разрезы

[90]

видной формы при раскопках в Аркажском монастыре под Новгородом. Сделаны они из монолита серого известняка. Приведем размеры одного из них: длина 2,12 метра, ширина в головах 0,43 метра, в ногах 0,4 метра и в самом широком месте, в 0,9 метра от головного торца, — 0,85 метра[108]. Датируются саркофаги третьего типа из Аркажского монастыря XIV-XV вв. (ил. 31: б). Интересно отметить, что крышки таких саркофагов, как правило, имеют корытообразную выемку с тыльной стороны и ребристую поверхность.

Данных для однозначного решения вопроса о происхождении формы ладьевидных саркофагов нет. Скорее всего, их стали делать по аналогии с деревянными погребальными сооружениями. Правда, в настоящее время известен только один случай употребления деревянной колоды с расширением в средней части — это захоронение второй половины XVI в. в Суздале[109].

Тип 4. Саркофаги с закругленной головной частью.

К четвертому типу отнесены саркофаги прямоугольной формы с закругленной головной частью. Они представлены двумя экземплярами небольших детских гробов из монолита, найденных в комплексе захоронений Вознесенского монастыря в Московском Кремле (ил. 32: а) и датируемых XVI — первой половиной XVII в. (наблюдения автора). Еще один саркофаг такой конфигурации с территории Кремля также лишен точной

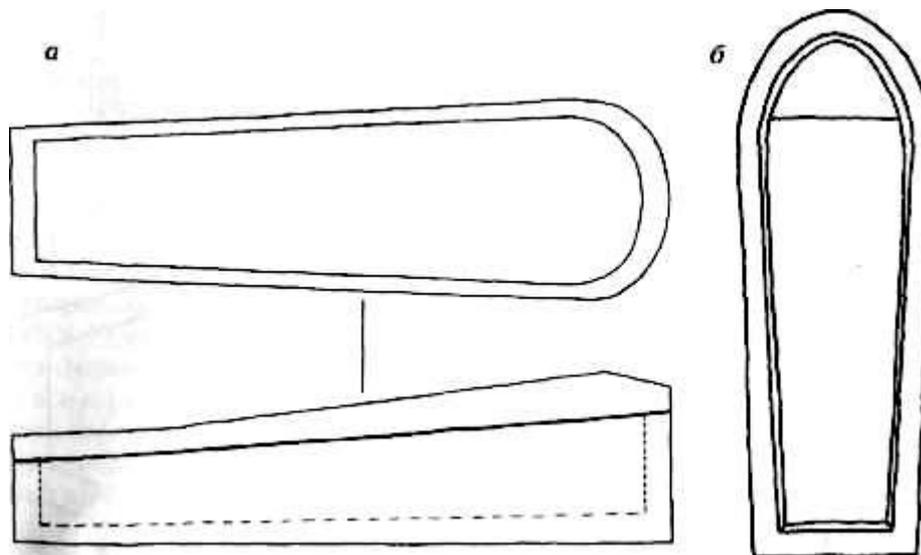

Рис. 32

32. Прямоугольные каменные саркофаги с закругленной головной частью: а) Москва. Вознесенский монастырь. Вторая половина XV — начало XVI в. Белый камень. План, разрез; б) Москва. Кремль. XVI — начало XVII в. Белый камень. План

[91]

датировки, но по ряду признаков может быть отнесен ко второй половине XV — началу XVI в. (ил. 32: б). Интересно, что внутри одного из детских гробов выделена ниша для головки погребяемого. Немногочисленные аналогии данному типу погребальных сооружений есть среди деревянных долбленых колод с закругленной головной частью, датированных концом XVI — началом XVII в.

После рассмотрения типов каменных погребальных сооружений необходимо остановиться на отдельных деталях их устройства, присущих некоторым из них.

Одной из первых отметим специальное возвышение внутри саркофагов в головной части — подголовье (ил. 33). Оно предназначалось для помещения на него головы погребяемого; это возвышение называют также каменной подушкой. В каменных саркофагах подголовья появляются не ранее XII в. Они редко устраивались в гробах-ящиках — здесь в качестве подушек отмечены случаи употребления камней, кирпичей, плиток. Зафиксировано подголовье в саркофаге-ящике прямоугольной формы XII в. из Белгородки с дополнительным углублением в нем^[110]. Каменная подушка зафиксирована практически во всех гробах антропоморфного типа, во многих гробах ладьевидной формы, в одном из гробов четвертого типа. Причем в погребальных сооружениях XII — первой половины XVI в. подголовье имеет пологий склон к днищу или завершается скосом. Но начиная с середины XVI в., за редким исключением, подголовья имеют форму четкой ступени. Анализу назначения каменных подушек как свидетельства аскетической жизни погребенного в захоронениях городских некрополей средневековых русских городов посвящена специальная публикация, поэтому не будем подробно останавливаться на этом вопросе^[111]. Привлекает внимание и такая необычная деталь, как отверстия в днищах каменных саркофагов практически всех типов. Одним из самых ранних гробов с отверстием в конструкции является саркофаг XI столетия, в котором был похоронен князь Ярослав Мудрый^[112]. В белокаменном саркофаге XII в.

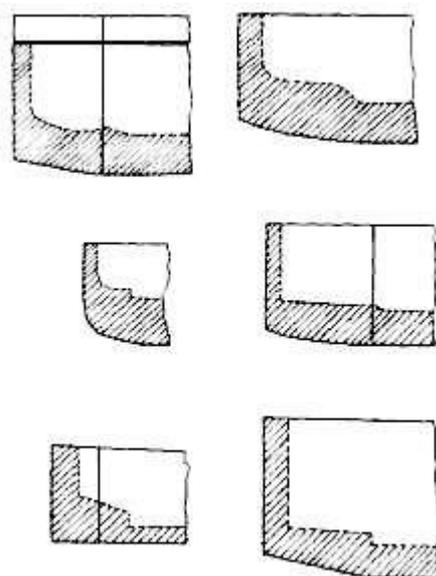

Рис. 33

33. Формы подголовий в каменных саркофагах XII-XVI вв. Разрезы

[92]

из Белгородки зафиксированы два отверстия, каждое диаметром 0,04 метра, на расстоянии 0,2 метра друг от друга[113]. Уникален в этом смысле шиферный составной гроб, найденный в Михайловском соборе Выдубицкого монастыря в Киеве. В его днище просверлены семь отверстий диаметром 8 — 9 миллиметров, расположенных по кругу диаметром 0,15 метра. Видны следы разметки, сделанные от руки[114]. И хотя в саркофаге было отмечено захоронение XVII в., он, несомненно, должен быть датирован не позднее XII в. Каменные погребальные сооружения с отверстиями в днище отмечены и в Новгороде. При исследовании некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря был найден саркофаг-монумент трапецевидной формы, в центре днища которого пробито круглое отверстие диаметром 0,1 метра (ил. 34: а). Погребение датировано 1233 г.[115] Зафиксированы отверстия в днищах саркофагов ладьевидной формы XIV-XV вв., например в погребении № 4 из Аркажского монастыря оно пробито в центре дна саркофага и имеет диаметр 0,05 метра.

Интересно, что эта деталь зафиксирована и в конструкциях более позднего времени. Так, отверстие обнаружено в каменном антропоморфном гробу 1538 г. (захоронение матери Ивана IV Елены Глинской). Оно проходило через ножной торец от днища наружу (ил. 34: б). Квадратная дыра имела размеры 4х4 сантиметра (наблюдения автора). Из этого же комплекса захоронений Вознесенского монастыря в Московском Кремле происходит безымянный детский саркофаг с отверстием в днище ближе к ножному торцу (ил. 34: в). Саркофаг датируется второй половиной XVI — первой половиной XVII в. Отверстия в гробах столь позднего времени фиксируются впервые.

Необходимо отметить, что аналогичная деталь в устройстве каменных погребальных сооружений зафиксирована в средние века на достаточно широкой территории континентальной Европы. Так, в одном из саркофагов меровингского периода (VI-VIII вв.) в Сен-Дени были пробиты два отверстия в днище[116]. Большое отверстие (около 0,2 метра в диаметре) обнаружено при изучении погребения в каменном саркофаге в соборе города Винчестера (Англия). Оно располагалось в области таза человека, погребенного в середине XII в., видимо, священнослужителя[117].

На территории Германии аналогичное погребальное сооружение принадлежало также духовному лицу — аббату Адельгейде (1043 г.). Здесь отверстие устроено в районе груди погребенной (ил. 34: г)[118]. Большая группа гробов с отверстиями в днищах найдена на территории Боснии и Герцеговины (Сараево и его окрестности). Не все они четко датированы, но основная их масса относится ко второй половине XIV — XV в. (ил. 34: д). Отверстия, как правило, имеют диаметр 0,1 метра и располагаются ближе к ножной части гроба; обнаружен здесь и саркофаг с двумя отверстиями[119]. На сегодняшний день практически ни в одной публикации погребальных сооружений с такой деталью в устройстве нет объяснения их назначения.

[93]

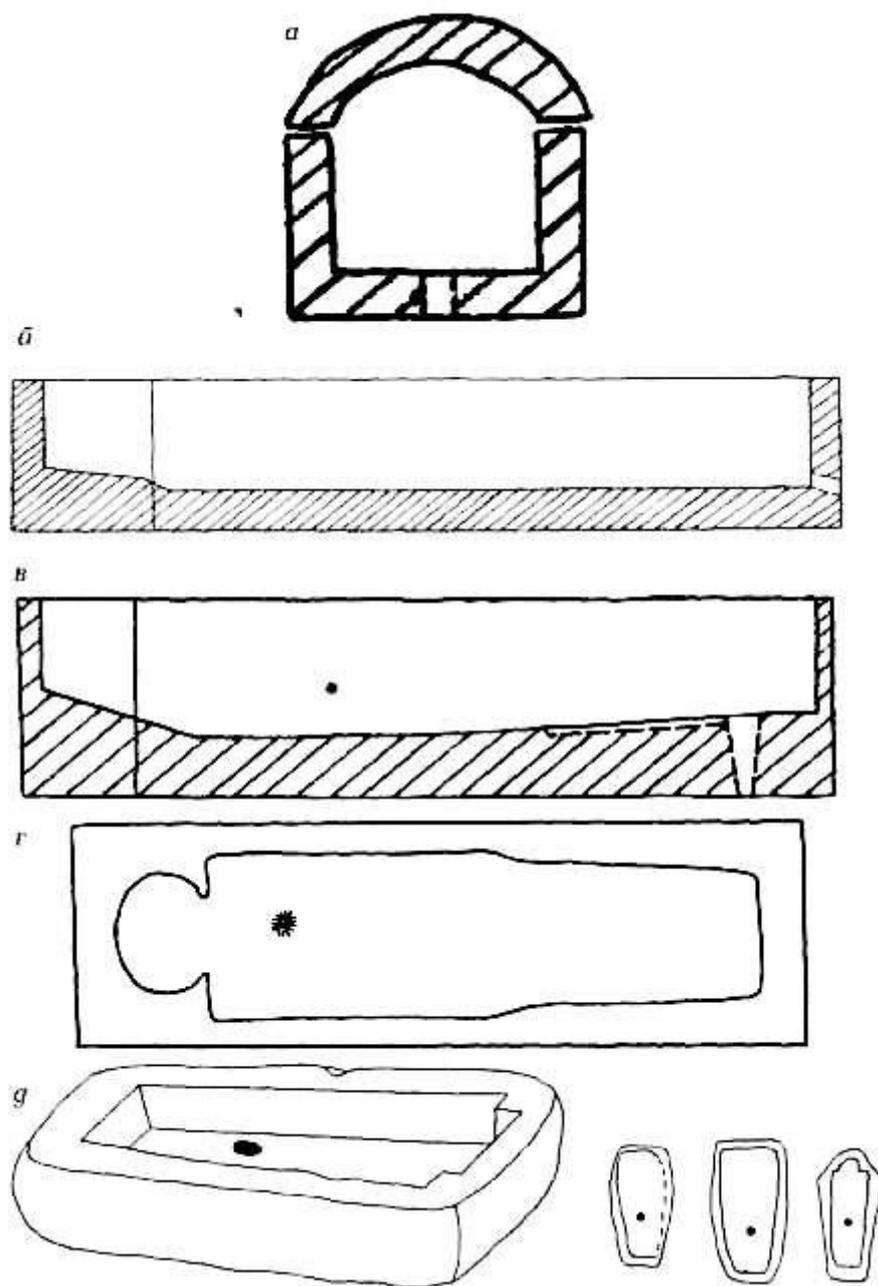

Рис. 34

34. Саркофаги с отверстиями в днищах: а) Новгород. 1233; б) Москва. 1538; в) Москва. Вторая половина XVI — первая половина XVII в.; г) Германия. XI в.; д) Сербия, Босния, Герцеговина. XIV-XV вв. Планы и разрезы

[94]

Выше мы уже обращали внимание на форму крышек каменных погребальных сооружений средневековой Руси. Наиболее распространенными в XI-XVI вв. были крышки в виде простых плоских плит (в XIV-XVI вв. они иногда состояли из двух частей). Отметив незначительное число высоких двускатных крышек для Северо-Восточной Руси (Владимир, Ростов и другие), необходимо остановиться на такой редкой их форме, как сводчатая. Это покрытие называют еще коробовым. Самый ранний саркофаг (XII в.) с крышкой данного вида найден в Белгородке. Сам гроб имеет прямоугольную форму, а крышка — сводчатую, с гребешком и насечками поверху. Кроме того, вся крышка украшена изображением килевидной черепицы[120]. Иногда этот орнамент называют чешуйчатым или листовым. Находка подобного памятника уникальна для территории Древней Руси. Одно из известных ранних погребальных сооружений с аналогичным принципом орнаментации крышки происходит с территории Греции, где в Афинах до середины III в. существовали мастерские по производству так называемых аттических саркофагов. Это саркофаг конца II в. из собрания Строганова, хранящийся в Эрмитаже, двускатная крышка которого орнаментирована лещадками[121]. Несколько гробов с аналогично украшенными крышками известны на территории Италии, в основном в Ломбардии. Один из саркофагов, датированный IV в., двускатная кровля которого покрыта резьбой в

виде лемеха, хранится в Милане[122]. Есть среди аналогий и саркофаги со сводчатой крышкой, подобной гробу из Белгородки. Таков саркофаг Иоанна V (613 г.), находящийся в одной из церквей Равенны[123]. Интересен саркофаг из часовни Галлы Плакидии (Равенна), принадлежавший императору Гонорию (423 г.). Его сводчатую крышку также украшает изображение черепицы или лемеха[124]. Примерно в это же время (V—VII вв.) использовались саркофаги с аналогично украшенными крышками и на территории Франции. Один из них зафиксирован в некрополе монастыря Сен-Жермен де Пре в Париже[125], другой — в одной из церквей в Бордо[126]. Необходимо отметить, что приведенные выше аналогии отделены от Белгородской находки значительным периодом, не позволяющим предполагать прямое влияние при создании саркофага в Киевской земле. К тому же единичность находки на территории Древней Руси лишает нас возможности подробнее анализировать тип саркофага со сводчатой орнаментированной крышкой и дает право ограничиться только констатацией факта. Вторая находка гроба начала XIII в. с гладкой крышкой такой формы зафиксирована в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде.

Кирпичные гробницы

В следующую группу погребальных сооружений выделены кирпичные гробницы. На сегодняшний день при исследовании древнерусской архитектуры зафиксировано около ста двадцати таких находок, поэтому устройство кирпичных гробниц восстанавливается достаточно точно.

[95]

Тип 1. Кирпичные гробницы прямоугольной формы.

По археологическим данным выделяется один тип сооружений из кирпича — гробница прямоугольной формы. Отметим наличие двух видов при рассмотрении этого типа погребальных сооружений.

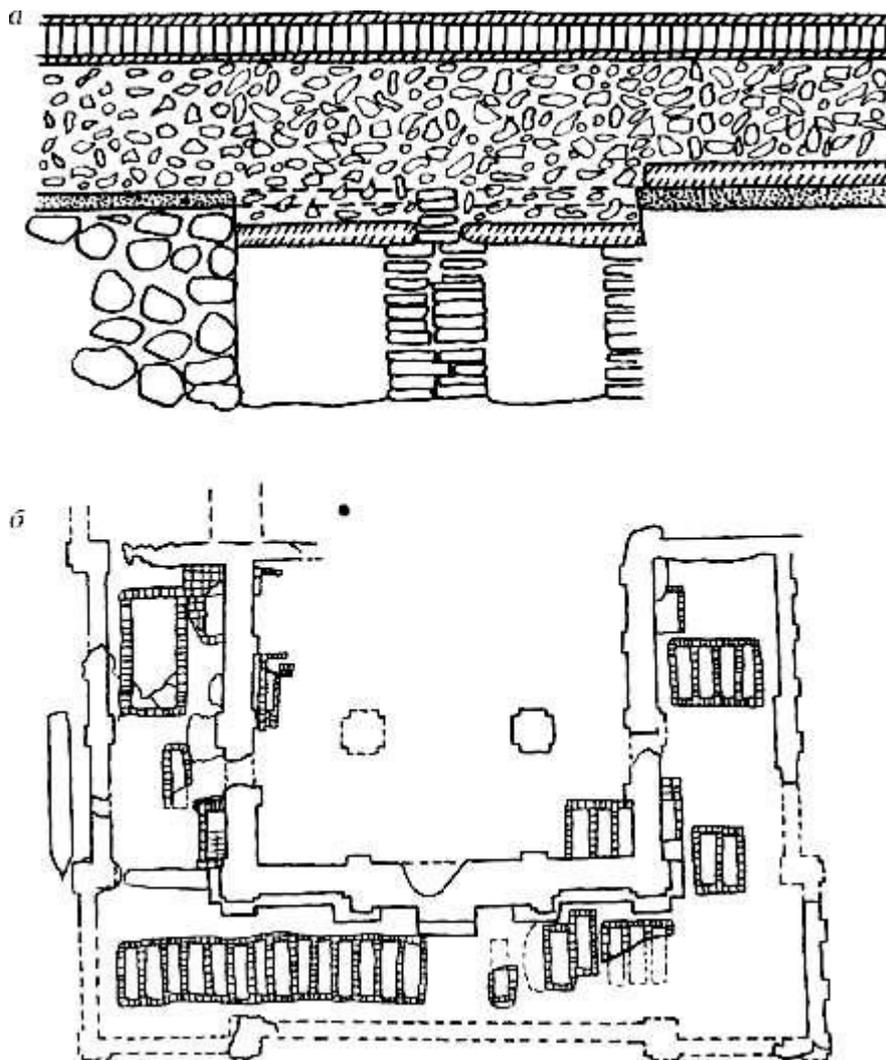

Рис. 35

35. Кирпичные гробницы: а) Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. XII в. Разрез; б) план храма с захоронениями в кирпичных гробницах. Полоцк. Первая половина XII в.

[96]

Вид 1. Подземные кирпичные гробницы.

Этот вид объединяет кирпичные гробницы, устраивавшиеся в земле под полом культовых построек. Стенки гробниц выкладывались, как правило, в один кирпич, дно выравнивалось раствором или выкладывалось кирпичом, изредка плитками. Сверху гробницы из кирпича перекрывались каменными плитами или деревянными досками, в некоторых случаях перекрытия заливались известковым раствором. Иногда места гробниц отмечались в полу поливными плитками. Изнутри стенки гробниц оштукатуривались и раскрашивались (ил. 35: а).

Впервые кирпичные гробницы начинают использоваться в погребальном обряде уже в XI в. Они зафиксированы при раскопках храма этого времени в бывшей митрополичьей усадьбе в Киеве. Одна из таких гробниц, в юго-западном углу храма, сложена из плинфы на глине, ее дно выложено квадратными поливными плитками[127]. В подклете выявленного недавно в Чернигове храма XI в. находилась усыпальница, в южной части которой были расчищены остатки гробниц из плинфы[128]. Для XII-XIII вв. характерно значительное увеличение городских центров, где в некрополях применялись кирпичные гробницы. По-прежнему такие погребальные сооружения бытовали в южных землях. Наиболее четко зафиксированы кирпичные гробницы при раскопках Кловского монастыря в Киеве. И здесь, и в других местах встречаются гробницы, составляющие целые ряды погребальных камер, приложенных одна к другой. В Кловском монастыре изучена двойная гробница. Стенки ее сложены из плинфы на глине. Длина помещений 2 метра, ширина 0,6-0,65 метра. Только над южной камерой сохранилось перекрытие из шиферной плиты. Глубина камер 0,7 метра, дно выложено плинфой толщиной 4 -4,5 сантиметра. Стенки камер внутри обмазаны цемяночным раствором[129]. Эта конструкция кирпичных гробниц XII в. дает полное представление о том, каким образом устраивались погребальные сооружения такого типа.

Они зафиксированы также в Чернигове: в Благовещенской церкви XII в.[130], в Борисоглебском соборе[131], в церкви Спаса[132]. В развалинах храма конца XI в. в Зарубе были найдены сделанные из плинфы гробницы, накрытые каменными плитами[133]. К середине — второй половине XII в. относится аналогичная гробница церкви Воскресения Переяслава-Хмельницкого[134]. Стенки кирпичной камеры сложены на известковом растворе и оштукатурены. Перекрывала гробницу шиферная плита, другая служила дном погребального сооружения. Сооружение вплотную примыкало к фундаменту северной стены и было заглублено в землю на 0,65-0,7 метра ниже уровня древнего пола храма.

Наиболее показательны кирпичные гробницы, раскрытые при исследовании храма-усыпальницы Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Здесь их обнаружено двадцать семь, среди них одиночные, двойные, тройные и т. д. В западной галерее гробницы составляли ряд из четырнадцати сооружений, которые постепенно пристраивались одна к другой (ил. 35: б). Стенки

[97]

кирпичных склепов большей частью имели толщину, равную длине кирпича, но некоторые стенки более тонкие: они сложены из помещенных продольно узких кирпичей[135]. Датируются погребения XII-XIII в. В этот период в западных землях, кроме Полоцка, необходимо отметить широкое использование кирпичных гробниц в храмах Смоленска. Пять из них зафиксированы в церкви Петра и Павла XII в.[136], две — в церкви Иоанна Богослова XII в.[137], одна — в церкви на Воскресенской горе[138], две — в храме на Рачевке XII в.[139]. В Северо-Восточной Руси для этого времени известна только одна кирпичная гробница, найденная в Старой Рязани[140]. Очень редки захоронения в кирпичных сооружениях первого вида в храмах Новгорода. Две гробницы зафиксированы при исследовании руин церкви Бориса и Глеба[141], три — в Георгиевском соборе Юрьева монастыря[142], две, не позднее первой трети XIII в., найдены при раскопках Мартирьевской паперти Софийского собора[143]. Известные сегодня материалы свидетельствуют о широком применении данного типа погребальных сооружений в XII-XIII вв. Один из поздних примеров устройства кирпичных гробниц отмечен в Благовещенском соборе Чернигова, где они датируются XIII-XIV вв.[144]. Через несколько столетий, в конце XVII в., кирпичные склепы вновь будут использоваться, но уже на других принципах, с обязательным помещением в них дополнительных погребальных сооружений — деревянных гробов и каменных саркофагов.

Вид 2. Наземные кирпичные гробницы.

Значительный интерес представляют редкие случаи устройства кирпичных гробниц в интерьерах храмов-усыпальниц, прослеженные только археологически. Знаменательно, что все эти находки датируются в основном XII в. и в другое время отмечены крайне редко. В Спасской церкви XI в. в Переяславе-Хмельницком, в юго-восточном углу центральной части храма, была обнаружена гробница, сложенная из кирпича XII в. на известковом растворе без цемянки. Она перекрыта шиферной плитой, от которой остались лишь обломки на дне сооружения. Гробница примыкает к оштукатуренной и расписанной фресками поверхности южной стены и юго-восточного столба. Сама

она также оштукатурена и внутри и снаружи, а роспись, синхронная дате гробницы, переходит и на участки стены и юго-восточного столба[145].

В Новгороде, в Мартирьевской паперти Софийского собора, между лопатками столбов южной стены основного храма в середине XII в. была также устроена гробница из плинфы, оштукатуренная и расписанная в технике фрески (полиплитией). На стене над сооружением был помещен семифигурный Деисус[146].

В западных землях только в полоцких храмах отмечены случаи устройства кирпичных гробниц в интерьере. Так, в храме Евфросиниевского монастыря начала XII в. к западным частям северной и южной стен примыкали кирпичные гробницы — из них сохранились лишь три в юго-за-

[98]

падном углу[147]. В Софийском соборе XI в. также зафиксировано пять сложенных из плинфы гробниц[148]. Кирпичная камера XII в. в интерьере храма Заруба интересна тем, что в ней обнаружены остатки шиферного саркофага[149]. Гробница из плинфы есть и в комплексе захоронений XI-XIII вв. в храме Юрьева под Киевом[150]. При исследовании церкви на Нижнем Замке в Полоцке в ее западной части найдены куски обмазки с росписью от кирпичных гробниц, находившихся в интерьере[151].

Большая группа пристенных кирпичных гробниц выявлена в церкви Иоанна Богослова (XII в.) в Смоленске. Здесь они располагались так: одна-у южной стены северо-восточного придела, две — у северной стены южной галереи, две — у южной стены северной галереи[152]. Аналогичная гробница зафиксирована в интерьере храма XII в. на Рачевке. Размеры ее 2,3х0,8 метра (внутри 1,8 метра). Она была оштукатурена и покрыта росписью[153]. Отметим кирпичные гробницы с интересными деталями в их устройстве. Так, одна из них находилась у северной стены Спасской церкви снаружи (Переяслав-Хмельницкий). Захоронение XII в., располагавшееся под землей, было перекрыто шиферной плитой, на которой находилось кирпичное сооружение без передней стенки с остатками фресковой живописи внутри[154]. Интерес представляет находка остатков кирпичной гробнички 1218 г. в Рождественском приделе Софийского собора Новгорода, содержавшей захоронение княжича Владимира Мстиславича. Некоторое время это погребение находилось в интерьере храма, возвышаясь над полом, и только с настилкой нового пола было частично разрушено[155].

Аркусолии — погребальные ниши

Одной из групп погребальных сооружений, использовавшихся в храмах-усыпальницах средневековой Руси, являются аркусольные ниши или аркусолии. О широком их распространении говорит тот факт, что аркусолии выявлены в сорока пяти храмах-усыпальницах восемнадцати древнерусских центров. Сразу отметим, что основной период, когда наиболее часто устраивались погребения в аркусолиях, это XI — первая половина XIII в., то есть домонгольский период. На него приходится сорок храмов с аркусолиями в пятнадцати русских городах, причем выделяется центр, где концентрируется очень большое число храмов с нишами для погребения — это Смоленск. В нем выявлены тринадцать таких усыпальниц XII-XIII вв., столько же, сколько в это время существовало в Новгороде, Пскове, Ростове, Старой Ладогe, Кидекше, Владимире, Юрьеве-Польском и Суздале, вместе взятых. В южных землях в этот же период было тринадцать храмов с аркусолиями в пяти городах — Киеве, Переяславе-Хмельницком, Чернигове, Каневе и Владимире-Волынском. Начиная с середины XIII столетия храмы со специальными нишами почти не строились для XIV-XV вв. выявлено на сегодняшний день только несколько таких

[99]

построек в Новгороде, Нижнем Новгороде, Коломне и Рязани, причем к XV в. относится одно сооружение — храм Михаила Архангела в последнем из отмеченных центров.

Выделяется большая группа памятников, в которых аркусолии располагались в стенах центральной части храма, тяготея к западной его половине. Причем чаще аркусольные ниши размещались симметрично друг против друга в западных частях северной и южной стен. Здесь могло быть по одной погребальной нише, как, например, в церкви Бориса и Глеба XII в. в Кидекше[156], по два аркусолия, как в церкви Петра и Павла XII в. в Смоленске[157]. В некоторых храмах дополнительно к аркусолиям в северной и южной стенах устраивались ниши в западной стене. Так, в церкви Кирилла в Киеве кроме двух ниш в южной стене есть еще две ниши в западной стене[158].

В храме XII в. в Переяславе-Хмельницком кроме пары ниш в южной и северной стенах была еще одна ниша в западной стене, в юго-западном углу[159]. Отмечены случаи, когда в северных стенах устраивались по две ниши, а в южной только одна. Это зафиксировано в храме Георгия в Каневе[160] и в соборе Ивановского монастыря в Пскове[161].

Таким образом, выясняется, что кроме аркусолий, в которых соблюдалась каноническая ориентация захораниваемого, устраивались погребальные ниши с ориентацией тела погребенного с севера на юг. Видимо, церковь допускала подобное отклонение от канонов христианства, строго соблюдавшихся и на обычных городских кладбищах, и в престижных усыпальницах для высшей знати. Подобные аркусолии (с ориентацией север — юг)

впервые зафиксированы в памятниках XII в. Поскольку эта деталь обряда достаточно интересна, перечислим памятники, в которых она прослежена. Это Борисоглебский собор XII в. Старой Рязани, где аркосолии выявлены в западных стенах южного и западного приделов[162], храмы XII в. в Переяславе-Хмельницком и Киеве, упоминавшиеся выше, и церковь Пирогощей, где два аркосолия располагались в западной стене, причем не только внутри, но и с наружной стороны храма[163]. Один аркосолий прослежен в северо-западном углу (в западной стене) Успенской церкви XII в. в Старой Ладобе[164], аналогично расположена ниша в Успенской церкви XII в. во Владимире-Волынском[165].

В XII в. неканоническое размещение аркосолиев отмечено в двух храмах с галереями. В западных стенах западных галерей Борисоглебского собора в Чернигове[166] и Борисоглебского собора в Смоленске[167] зафиксировано соответственно шесть и девять ниш с захоронениями. И в XIII в. большая группа из десяти храмов имела в разных частях (в галереях, приделах, притворах) специальные ниши для захоронений. Причем в основном это были церкви в Смоленске (восемь) и только два храма в Киеве и Суздале.

Для XIV в. зафиксированы лишь три храма с аркосолиями — церковь Михаила в Нижнем Новгороде, церковь Лазаря в Новгороде и Богоявле-

[100]

нский собор Голутвина монастыря в Коломне. Судя по летописным данным, аркосольные ниши были и в Успенском соборе Московского Кремля постройки 1326 г. (перестроен в 1479 г.).

В XV в. отмечен только один храм с погребальными нишами — Архангельский собор в Рязани. В дальнейшем традиция погребения в них исчезает. Выше уже отмечалось, где чаще всего устраивались аркосолии в храмах. Крайне редко зафиксированы случаи их расположения в алтарных частях церквей. Причем, как правило, все они связаны с дьяконником, в южной стене которого и размещали нишу для захоронения. Такие аркосолии зафиксированы в церкви Спаса Нередицы XII в. Правда, здесь аркосолии есть и в северной стене жертвенника, а не только в дьяконнике (единственный такой случай). Сделан аркосолий в южной стене дьяконника Успенского собора в Ростове[168] и в южной стене дьяконника Архангельского собора XV в. в Рязани[169]. В последнем из упомянутых памятников два аркосолия были устроены в западной части северной и южной стен дьяконника.

Интересны редкие случаи, когда аркосолии устраивались в алтарных частях храма, но с наружной стороны стен. Так, в Успенском соборе Княгинина монастыря во Владимире по одному аркосолию было в северной и южной стенах алтарной части. Раскопками подтверждено наличие галерей у храма, и эти ниши выходили в галереи[170]. В Георгиевском соборе Юрьева-Польского у северо-восточного угла существовал придел-усыпальница. Один из аркосолиев этого придела находился в северной стене храма снаружи. Оба памятника датируются началом XIII в. На сегодняшний день в храмах-усыпальницах выявлено около двухсот аркосольных ниш для погребений, в части из которых удалось исследовать захоронения. Сохранность аркосолиев в каждом из памятников разная, поэтому далеко не всегда удается выявить полные размеры этих сооружений и их конструкцию. Как правило, ниши для погребений представляют собой прямоугольное углубление с арочным завершением в толще стены культовой постройки. Среди них можно выделить несколько видов по способу оформления захоронений.

Вид 1. Открытые ниши-аркосолии.

Прежде всего рассмотрим открытые аркосольные ниши, в которые могли помещаться захоронения в деревянных или каменных погребальных сооружениях. Необходимо отметить, что до нашего времени сохранилась достаточно большая группа открытых аркосолиев (часть из них выявлена при архитектурно-археологических исследованиях), но древние захоронения в них не зафиксированы. Находясь открыто, в интерьере храма, они подвергались переделкам, переносам, уничтожению в результате стихийных бедствий и нашествий. Данные раскопок и наблюдений говорят о том, что открытые аркосолии появляются в обряде погребения уже в XI в. Две такие ниши обнаружены в подклетном помещении усыпальницы двухъярусного храма в Чернигове[171]. Зафиксированы остатки

[101]

аркосолиев при исследовании руин Успенского собора Киево-Печерской лавры[172]. Сохранились ниши и в храмах XII в., например в церкви Спаса на Берестове[173], в храме Бориса и Глеба в Кидекше[174]. Шесть аркосольных ниш выявлено в храме «Старая кафедра» возле Владимира-Волынского[175]. Их размер в плане примерно 2,3х0,9 метра. Отмечены две открытые ниши в одном из храмов Чернигова XII в. [176] Практически единственный случай сохранения древнего (XII в.) захоронения в открытой нише зафиксирован в Успенском соборе Ростова, где в южной стене дьяконника сохранился аркосолий с белокаменным саркофагом (ил. 36: а). Здесь в XII в. был перезахоронен епископ Леонтий, умерший в XI в. Глубина ниши 0,75 метра[177]. Самый поздний случай устройства и использования аркосольной ниши с белокаменным саркофагом в ней отмечен в Архангельском соборе Рязани[178]. Причем и здесь ниша находилась в южной стене дьяконника. Захоронение в ней, несомненно, было совершено в XV

— начале XVI в. (судя по форме саркофага), хотя гроб содержит сегодня погребение начала XVIII в. (он использован вторично).

Вид 2. Полузакрытые ниши-аркосолии.

К этому виду относятся аркосолий, в которых, для того чтобы совершить захоронение, возводили из кирпича или каменной плиты переднюю стенку, образовывавшую вместилище для тела погребаемого. Получившуюся камеру перекрывали сверху плитой (или другим способом). Аркосолий приобретал вид полускрытой ниши, под сводом которой, на остававшейся открытой тыльной стене, помещали росписи (орнаментальную или сюжетную). Интересно отметить, что основная часть находок погребальных ниш исследуемого вида сосредоточена в одном центре — Смоленске. В других городах такие сооружения крайне редки. В Смоленске же еще в конце XIX в. при раскопках развалин одного из древних храмов были изучены ниши с вместилищами для тела погребаемого. Их ширина составляла 2,13 метра, высота от пола 1,17 метра[179]. Всего обнаружено четыре ниши, вместилища для тела в которых были перекрыты двумя рядами кирпичей на растворе; в одной из ниш сохранилась фресковая роспись на своде арки — фигуры архангелов[180]. Аналогичным было устройство аркосольных захоронений в церкви Иоанна Богослова XII в. (их выявлено пять). Одна из ниш имела длину 1,91 метра при ширине 0,65 метра. Вместилище для тела было перекрыто плитой из песчаника[181]. Этот аркосолий юго-восточного придела имел интересную деталь в оформлении: ряд широкошляпочных фресковых гвоздей в уровне перекрытия камеры для тела, закреплявших пелену, которая покрывала погребение в нише. При исследовании еще одного аркосолия выявились шесть рядов кладки его защитной стенки (передней).

При раскопках развалин церкви на Окопном кладбище зафиксированы погребальные ниши длиной 1,7 метра и шириной 0,7 метра. Прослежено, что пол аркосолия в северной стене лежал на уровне пола церкви, а пол аркосолия в западной стене на 0,16 метра выше пола храма[182]. Необходимо

[102]

отметить аналогичные аркосольные захоронения в храме на Рачевке XII в.[183], в Воскресенской церкви. Выясняется следующая схема совершения захоронения в такого вида аркосольных нишах. В нише устраивалась невысокая передняя (защитная) стенка, как правило, из кирпичей. В образовавшееся вместилище (камеру) помещали тело погребаемого без дополнительного погребального сооружения. Тело засыпали грунтом — землей, иногда глиной, то есть условно предавали земле. Камеру или перекрывали каменной плитой, или засыпку внутри уплотняли и покрывали сверху кирпичами и поверх всего заливали известковым раствором. Раствор заглаживался и затем расписывался под камень или ткань. Во многих случаях свод ниши и ее тыльная стенка покрывались росписью — изображениями деисусного чина. Интересно отметить, что аркосольные захоронения второго вида почти неизвестны в других центрах. Можно привести данные о подобных конструкциях в церкви Иоанна Предтечи в Пскове (XII в.). Здесь у трех аркосолий (двух — в северной стене, одном — в южной) камера для погребения была образована с помощью каменной плиты, которая представляла собой переднюю стенку вместилища[184]. Видимо, аналогичное устройство имели аркосолии в церкви Михаила в Киеве[185].

Вид 3. Закрытые аркосолии.

Так называемые закрытые аркосолии зафиксированы в нескольких древнерусских центрах. Они представляют собой ниши, которые после помещения в них тела погребаемого полностью закладывались стенкой, как правило, в один кирпич. Одна из первых находок захоронений в закрытых аркосолиях была зафиксирована в начале XX столетия в Смоленске при обследовании развалин храма Бориса и Глеба на Смядыни (ил. 36: б). Во время разборки стен в юго-восточном углу галереи обнаружили «правильную выемку в стене 3 аршина длины и 12 вершков ширины», где были уложены человеческие кости[186]. Два аркосолия располагались в южной и западной стенах (в юго-западном углу). Захоронения в этом храме относятся к XII-XIII вв. Еще в одной церкви Смоленска, соборе Троицкого монастыря на Кловке конца XII в., были устроены аркосольные ниши, заложённые стенкой в один кирпич[187]. В Переяславе-Хмельницком в Воскресенской церкви (вторая половина XII в.) зафиксированы пять аркосолий, которые по мере совершения в них захоронений закладывались кирпичной стенкой, о чем свидетельствует характер фресковой росписи (ил. 36: в)[188]. В церкви Спаса в Чернигове (придел с северной стороны храма) также исследован аркосолий, заложённый кирпичной стенкой[189].

Видимо, первоначально были закрытыми аркосолии в Успенском соборе Владимира. Они вскрыты во время реставрации храма в 1891 г. При этом выяснилось, что одни из них были заложены стенкой в полкирпича, а ниша с захоронением епископа Луки (1189 г.) закрыта стенкой из «крупного старинного кирпича»[190]. Сегодня все эти ниши открыты. Интересно отметить случаи, когда в храме некоторые ниши были открытыми, а некоторые закрытыми, заложёнными, как, например, в Успенском со-

[103]

боре XII в. Владимира-Волынского[191], в Рождественском соборе XIII в. Суздаля[192].

Среди аркосолий выделяются погребальные ниши, украшенные фресковой росписью. Это, как правило, полузакрытые аркосолии, в которых открытая часть ниши — ее тыльная стена, своды, а иногда и само верхнее перекрытие погребения покрыты росписью. Причем по материа-

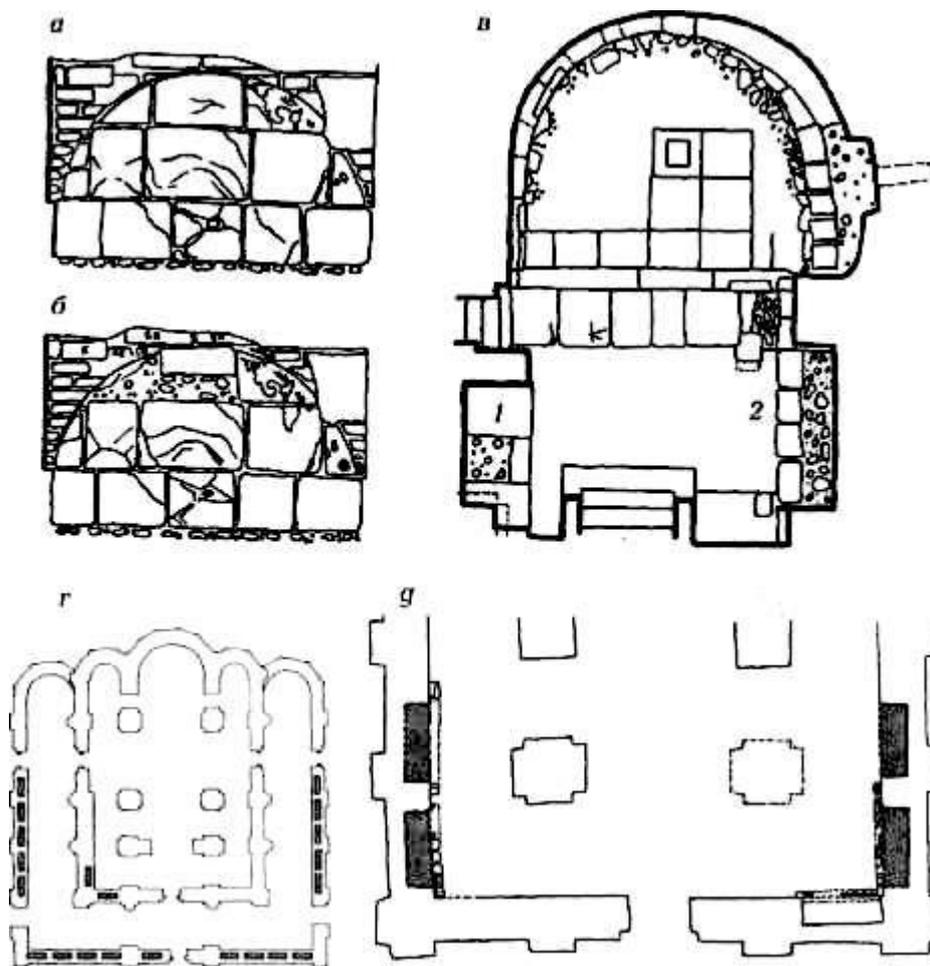

Рис. 36

36. Аркосолии в храмах: а, б) отрытый аркосолии епископа Леонтия в южной стене дяконника в процессе расчистки. Ростов. Успенский собор. XII в.; в) план дяконника с отрытым аркосолием епископа Игнатия в северной стене (1) и отрытым аркосолием епископа Леонтия в южной стене (2). Ростов. Успенский собор. XII в.; г) закрытые аркосолии. Смоленск. Борисоглебский храм на Смядыни. XII в.; д) закрытые аркосолии. Переяслав-Хмельницкий, Воскресенская церковь. XII в.

[104]

лам исследований выделяются два вида росписи: орнаментальная и сюжетная. Храмов с росписями в аркосолиях не так много, и среди них основное место занимают памятники Смоленска. Здесь в семи культовых постройках находились аркосолии с фресковой росписью. Встречена роспись в погребальных нишах отдельных церквей в Новгороде, Кидекше, Суздале, Владимире, Ростове, Гродно, Чернигове, Переяславе-Хмельницком, Владимире-Волынском. Сразу отметим, что аркосолиев с растительными мотивами в украшавшей их росписи значительно меньше, чем с сюжетными. Так, в Успенском соборе XII в. Ростова в аркосолии епископа Леонтия зафиксированы остатки растительных мотивов его росписи[193]. Таков же характер росписи в аркосолии Луки (1189 г.) в Успенском соборе Владимира (каймы, орнамент)[194]. Аналогичная роспись отмечена в аркосолиях западной стены Рождественского собора XIII в. в Суздале, где в юго-западной погребальной нише сохранилась фреска XIII в. (цветы, стебли). В северо-западном углу аркосолии имеет роспись XVII в., видимо, возобновленную по старой графье[195].

Немаловажен тот факт, что в суздальском Рождественском соборе есть аркосолии и с сюжетной росписью. Он расположен в северной стене, а захоронение в нем принадлежало княгине Февронии[196]. В отдельных случаях росписи содержали изображения святых, соименных погребенным в аркосолиях лицам. Так, в Кидекше в Борисоглебском соборе XII в. в росписи аркосолия северной стены изображена мать Всеволода III греческая принцесса со святой Марией, а в этой нише погребена, как известно, вдова князя Бориса Юрьевича Мария[197]. Очень интересный подбор изображений в аркосолиях храма XII в. Спас-Нередицы в Новгороде: в самой престижной

части храма, в юго-западном углу, в аркосолии южной стены изображен, видимо, князь — ктитор этой постройки, с моделью церкви в руках. Во втором аркосолии южной стены (в апсиде) был написан Илья Пророк, в апсиде северной стены — Петр Александрийский, а в западной части северной стены — святая Фекла[198]. Все же наибольшее распространение получили в качестве росписи погребальных ниш деисусные композиции, трех-, пяти- и семифигурные. Наиболее часто такие изображения зафиксированы в росписях погребальных ниш храмов Смоленска — в церкви Екатерины, храме на Кловке (XII-XIII вв.), на Рачевке, в Воскресенской церкви и других. В некоторых случаях сюжетные росписи сочетались с растительными мотивами. В церкви на Протоке достаточно интересное оформление выявилось при исследовании аркосолия западной стены. На арках этой ниши еще в XIX в. были обнаружены изображения двух архангелов. А на тыльной стенке ниши над захоронением был помещен Деисус на голубом фоне. От фигуры Христа сохранилось лицо и часть голубого гиматия на левом плече, от изображения Богородицы и Иоанна Предтечи — фрагментарно только лица[199]. В северной галерее этого храма пятый аркосолий был украшен композицией из семи фигур на темно-синем фоне. Сохранность фрески очень

[105]

плохая. Удастся определить только четвертую фигуру — Иоанна Предтечи, пятая, видимо, — монашеская, седьмая — детская (?). Возможно, все семь фигур представляют патронов самого погребенного (Иоанна) и членов его семьи (все фигуры исполнены в фас и не обращены в молении к центральному персонажу — Иоанну Предтече). В южной галерее, очевидно, все аркосолия были расписаны, но сохранилась трехфигурная композиция восьмой ниши: в центре — Христос, слева — поясной святитель (Никола?), справа едва видна женская фигура. В седьмом аркосолии прослеживаются: слева — святитель, в центре — изображение Богородицы Знамение, справа — какая-то женская фигура[200].

В этом же храме в некоторых аркосолиях сохранилась интересная роспись, которая украшала переднюю стенку, отделявшую захоронение в нише от интерьера храма. Второй с запада аркосолий сохранил фреску, воспроизводившую наброшенную на гробницу пелену из дорогой заморской ткани. Роспись состоит из разделенных светло-охровыми полосами поясов, заполненных повторяющимися парными изображениями птиц по сторонам древа[201]. Видимо, роспись под пелену делалась не случайно. Захоронения в нишах могли в действительности покрываться богатыми покровами. Как показали исследования, в церкви Иоанна Богослова XII в. захоронения в аркосолии перекрывались с помощью каменной плиты, а сверху их прикрывала спускающаяся до пола реальная драгоценная пелена, крепившаяся к стене над плитой-перекрытием обычными широкошляпочными гвоздями. Ряды таких гвоздей сохранились в аркосолии[202].

В церкви Воскресения есть в украшении аркосолий роспись, имитирующая пелену из узорчатой ткани, полилтий (коричневый тон с белым и желтым набрызгом), Деисус. В западном аркосолии южной стены тыльную стенку ниши занимал Деисус; найдена часть лика Богородицы в коричневом мафории и лик архангела с пышной прической[203]. В храме XII в. на Рачевке кроме декоративной росписи передней стенки и покрытия захоронения в аркосолии (черные процветшие кресты и красные гвоздики) были в нишах и фигурные композиции. В четвертом аркосолии зафиксированы остатки росписи, видимо, трехфигурной композиции типа моление в полукруге[204]. При изучении Троицкого собора на Кловке в Смоленске выяснилось, что храм в целом не был расписан. Между тем в аркосолиях притворов найдены фрагменты фресок, в основном фоны и фрагменты орнамента, но иногда и части фигур[205]. Были расписаны (характер росписи неизвестен) притвор и аркосолии храма Дмитрия XII в. близ Владимира-Волынского[206].

Таким образом, четко выделяется регион, где нашло широкое распространение украшение аркосольных ниш фресковой живописью, как орнаментами, так и деисусными композициями. Это центры Владимиро-Суздальской земли и Смоленск. После устройства аркосолия и совершения захоронения в нем его украшали росписью разного характера. На тыльной

[106]

стене ниши обычно писали Деисус или композицию моления или предстояние, что было вполне понятным проявлением заботы о загробной судьбе души погребенного. Все случаи украшения погребальных ниш фресковой живописью отмечены в основном в XII — начале XIII в.

Раки и сени

Некоторое внимание необходимо уделить такой форме захоронения как рака (от латинского «агеа» — ящик, гроб). Рака представляет собой погребальное сооружение прямоугольной формы, которое — с останками человека внутри — устанавливалось в интерьере храма-усыпальницы. Самые ранние из сохранившихся на сегодняшний день средневековых рак, а вернее, их фрагменты в виде крышек с резными и рельефными изображениями и некоторых других деталей, относятся к XVI в. Это крышки деревянных рак 1566 г. соловецких чудотворцев Зосимы (хранится в

Государственной Третьяковской галерее) и Савватия (хранится в Музеях Московского Кремля), новгородского архиепископа Евфимия (первая половина XVI в.) и Иоанна (1552 г.)^[207], неизвестного святителя середины XVI в. и преподобного Варлаама Хутынского (1560 г.)^[208]. Значительно лучше представлены в храмах-усыпальницах и музейных собраниях раки более позднего происхождения — XVII столетия и далее.

Необходимо отметить, что широкая волна поновлений средневековых рак, постоянно проводившаяся церковью, особенно в XVII-XIX вв., во многих случаях лишила нас возможности судить об их древнем первоначальном виде. Известны случаи, когда установленная в интерьере рака носила чисто декоративный, символический характер и не содержала захоронения — оно находилось под полом храма.

В связи с погребениями в интерьере храмов-усыпальниц необходимо становиться на такой их детали, как сени. Сени устраивались над почитаемыми захоронениями в раках и представляли собой столбовые или пристенные конструкции с шатром, под сенью которого и сохранялось погребальное сооружение.

Одно из первых упоминаний о подобном сооружении мы встречаем в писании перипетий при переносе и устройстве на новом месте рак с мощами князей Бориса и Глеба в Вышгороде в 1115 г. Отмеченный при этом «терем серебрян», который предполагалось (в одном из вариантов размещения рак) «поставити над нима»^[209], несомненно и был конструкцией такого рода, та запись говорит о раннем появлении сеней в некрополях храмов древнерусского времени. Интересно, что указания письменных источников нашли подтверждение при исследовании одного из самых ранних и значимых храмов-усыпальниц Руси — Софийского собора Новгорода. Здесь у северной гены Мартирьевской паперти, вплотную к ней, между лопатками столбов южной стены основного храма выявлены остатки нескольких захоронений XII в., сложную историю последовательности которых мы рассматривать не

[107]

будем. Важно то, что с одним из них, 1163 г., связано сооружение сени-ниши с двускатным, видимо, завершением. Верх сени реконструируется примерно на высоте двух метров. С внутренней стороны стенки сени были декорированы фресковой росписью желтого и голубого цветов^[210]. Известные нам на сегодняшний день самые ранние сени датируются XVII в. В основном же сохранившиеся в некоторых храмах-усыпальницах конструкции такого рода относятся к XIX — началу XX столетия. В качестве примера можно назвать сени Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля. Следует отметить, что эта деталь интерьера некрополя средневековой Руси почти не привлекает внимание исследователей, что практически делает невозможным ее более глубокий анализ.

Крипты

На территории Древней Руси в домонгольское время отмечено использование и такого специфического вида погребальных сооружений, как крипта. В средневековой западноевропейской архитектуре так называли часовни под храмом, служившие для погребений. Однако следует сразу отметить, что широкого применения крипт на Руси не было. Случаи их устройства в подпольном пространстве храмов-усыпальниц единичны, причем практически все они зафиксированы в Полоцке и его окрестностях. Данных для реконструкции этих подземных погребальных камер очень мало, поскольку археологически четко изучена только одна из них — в храме-усыпальнице конца XII в. Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Здесь большая 2x4 метра камера была устроена под полом в северной галерее храма; пол камеры и территория вокруг были украшены мозаикой из смальты желтого, зеленого и коричневого цветов^[211]. В Пятницкой церкви XII в. Бельчицкого монастыря под Полоцком крипта располагалась под всем зданием храма, исключая алтарь^[212]. В этом же монастыре в XVIII в. были раскопаны остатки еще одного древнего храма. В сохранившихся записках отмечалась глубокая яма в апсиде церкви. Можно предположить и в этой постройке наличие крипты, но в алтарной части храма^[213]. Указанными примерами ограничивается число случаев использования крипт в храмах-усыпальницах домонгольского времени. Концентрация их практически в одном центре говорит, возможно, об участии в строительстве храмов Полоцка мастеров, хорошо знакомых с традициями устройства крипт в церковной архитектуре романского Запада. Заимствование западных традиций здесь несомненно.

Пещерные комплексы

В истории погребального обряда интересной, но малоисследованной формой некрополя являются пещерные комплексы. Использование для захоронения подземных галерей, созданных, как правило, искусственно,

[108]

не было широким. Необходимо отметить раннее появление таких погребальных комплексов. Письменные источники уже в XI в. упоминают о первых захоронениях в пещерах в Киеве в 1074 г.: «Бе же Феодосии заповедал брати положити ся в пещере... Тако же и другый брат именем Еремей иже помняше крещение земли Руськой»^[214].

Интересно отметить, что пещеры Киево-Печерской лавры уже в древности являлись только частью монастырского комплекса, где наряду с ними существовала и обычная наземная застройка (храмы, кельи). Об этом говорят русские летописи: «Исакий монах Печерского монастыря... разболеся в пещере и несоша и больна в монастырь»^[215], «... принесен бысть Феодосей в монастырь ис пещеры; положиша в церкви»^[216]. Пещерный монастырь представлял собой длинные подземные галереи с небольшими пещерами (углублениями) по сторонам, которые со временем стали служить в основном погребальным целям. Раскопки и исследования здесь проводились редко, они не всегда были квалифицированными. Наиболее интересные данные получены в результате работ в конце XX в., когда были выявлены новые галереи длиной 105 метров с подземной церковью конца XI — начала XII столетия (сохранились даже росписи) и сто восемьдесят пещер-крипт с захоронениями. Найдены погребения и под полом галерей в сосновых и дубовых колодах^[217]. У входа в одну из пещер обнаружена надпись 1150 г. В ней указан год сооружения пещеры для захоронения какого-то лица, имя которого не уцелело^[218]. Необходимо отметить, что в XIX в. подземный комплекс захоронений лавры подвергся значительным переделкам. Были поновлены все наиболее известные погребения (положены в новые однотипные гробы и т.д.). Это уже не дает возможности проследить историю развития обряда захоронения в таком специфическом некрополе. Аналогично шло оформление погребений в другом пещерном монастыре Киева — Зверинецком^[219]. Очень краткие упоминания о пещерных церквях и погребениях в пещерах связаны с Троицким Ильинским монастырем в Чернигове^[220]. В последние годы началось изучение захоронений еще одного крупного пещерного комплекса — Псково-Печорского монастыря. Он выделяется уникальными для средневекового погребального обряда надгробными памятниками XVI в. Плиты выполнены из глины, изображения и надписи на них сделаны рельефом (плиты поливные). Памятники имеют форму пятигранника. Мы не выделяем эти изделия в отдельный тип, так как изучены они пока очень слабо, появляются только в конце исследуемого в данной работе периода и практически не нашли распространения вне пределов Псково-Печорского монастыря^[221]. Число пещерных погребальных комплексов столь незначительно, что говорить о традиции их использования на Руси в период средневековья нельзя. Все они связаны с очень ограниченным числом монастырей, в основном Киевской земли.

[109]

Картографирование данных по типам погребальных сооружений (кроме деревянных, распространенных повсеместно) помогает полнее представить всю сложность процесса формирования и развития этой стороны обряда захоронения, особенно в первоначальный период христианизации Руси — XI-XIII вв. (ил. 37). В это время отмечается повсеместное применение саркофагов-ящиков из монолита, а также широкое использование составных саркофагов из плит практически во всех землях, кроме Владимиро-Суздальской и Рязанской. Именно во Владимиро-Суздальской земле зафиксированы самые ранние находки двух саркофагов антропоморфного типа, больше нигде не нашедших распространения и в более позднее время. Только в двух центрах — Новгороде и Василеве — обнаружены каменные погребальные сооружения, имитирующие по форме составные гробы из плит. В южных и северо-западных землях отмечено использование кирпичных гробниц (подземных и наземных), не применявшихся практически в центрах Северо-Восточной Руси. В период XI-XIII вв., на первый взгляд, широко практиковалось погребение в аркосолиях, так как храмы с таким типом погребальных сооружений отмечены во многих древнерусских городах. Однако только в одном центре — Смоленске — эта форма захоронения зафиксирована в большом числе памятников, в то время как в других число храмов с аркосолиями-нишами не превышает одного-двух.

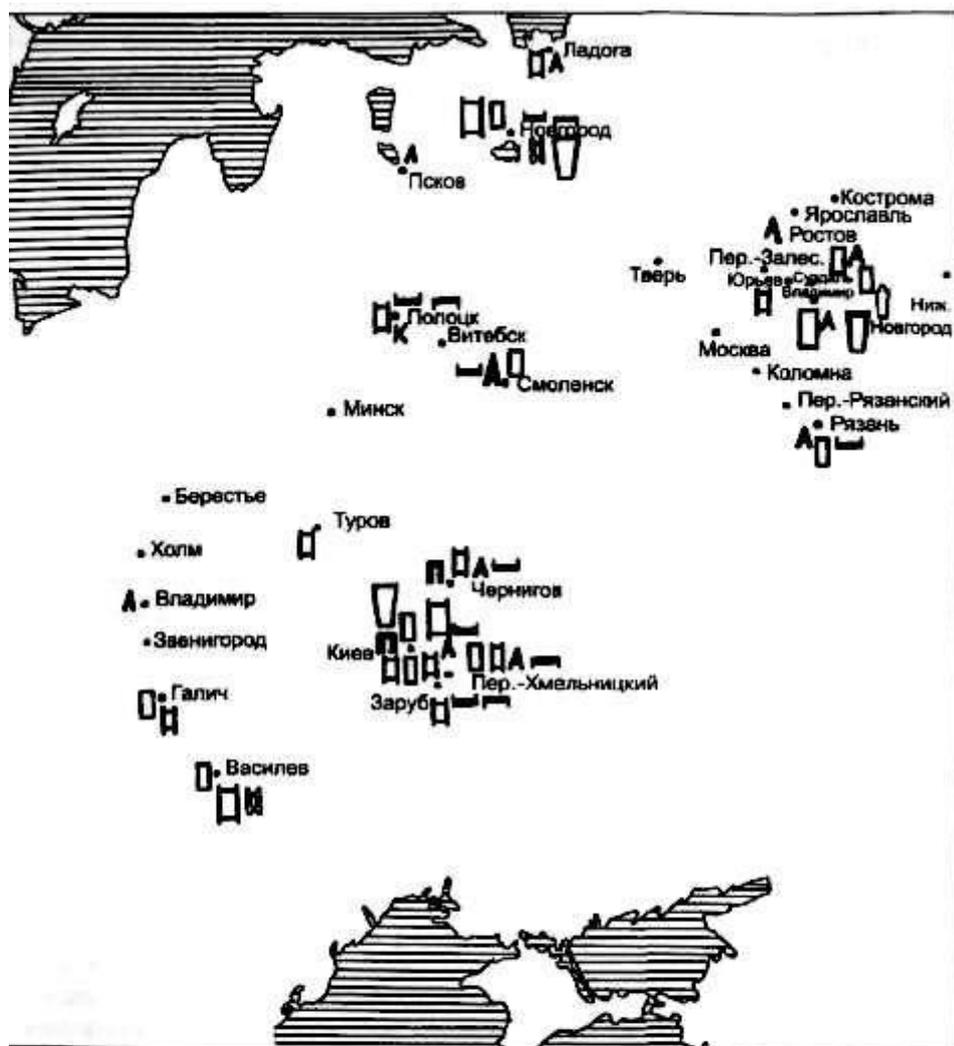
Крайне редки в XI-XII вв. пещерные погребальные комплексы, известные в ранний период только в Киеве и Чернигове; лишь в одном центре — Полоцке — обнаружены крипты.

Совсем иную картину представляет карта данных по типам погребальных сооружений более позднего времени — XIV-XVI вв. (ил. 38). На ней приведены сведения по территории Северо-Восточной Руси и Новгородской земле. В этот период широкое распространение получили саркофаги антропоморфной формы, зафиксированные в основном в Москве и Подмосковье, а также отдельными находками представленные в Суздале, Владимире, Рязани. Редкие виды саркофагов-ящиков с нишкой внутри и гробов с закругленной головной частью были применены только в одном некрополе Москвы. Единственным районом, где применялись саркофаги ладьевидного типа, был Новгород и его округа, а пещерный погребальный комплекс в это время известен лишь один — в Печорском монастыре под Псковом.

В XIV-XV вв. отмечены и захоронения с использованием аркосолиев, но традиция совершения погребений в сооружениях такой формы практически исчезает. Можно указать лишь по одному храму этого периода с аркосольными нишами в Рязани, Новгороде, Нижнем Новгороде и, видимо, Москве.

Следует отметить, что в XIV-XVI вв. и позднее основной формой погребального сооружения становятся деревянные гробы разных видов,

[110]

 – Аркосолий	 – Саркофаги, составные
 – Крипты	 – Саркофаги антропоморфной формы
 – Пещерные некрополи	 – Саркофаги трапециевидной формы
 – Саркофаги прямоугольной формы	 – Погребения кирпичные
 – Составные саркофаги	 – Наземные кирпичные гробницы

Рис. 37

37. Карта распространения каменных саркофагов, кирпичных гробниц, аркосолий, крипт, пещерных некрополей в XI-XIII вв.

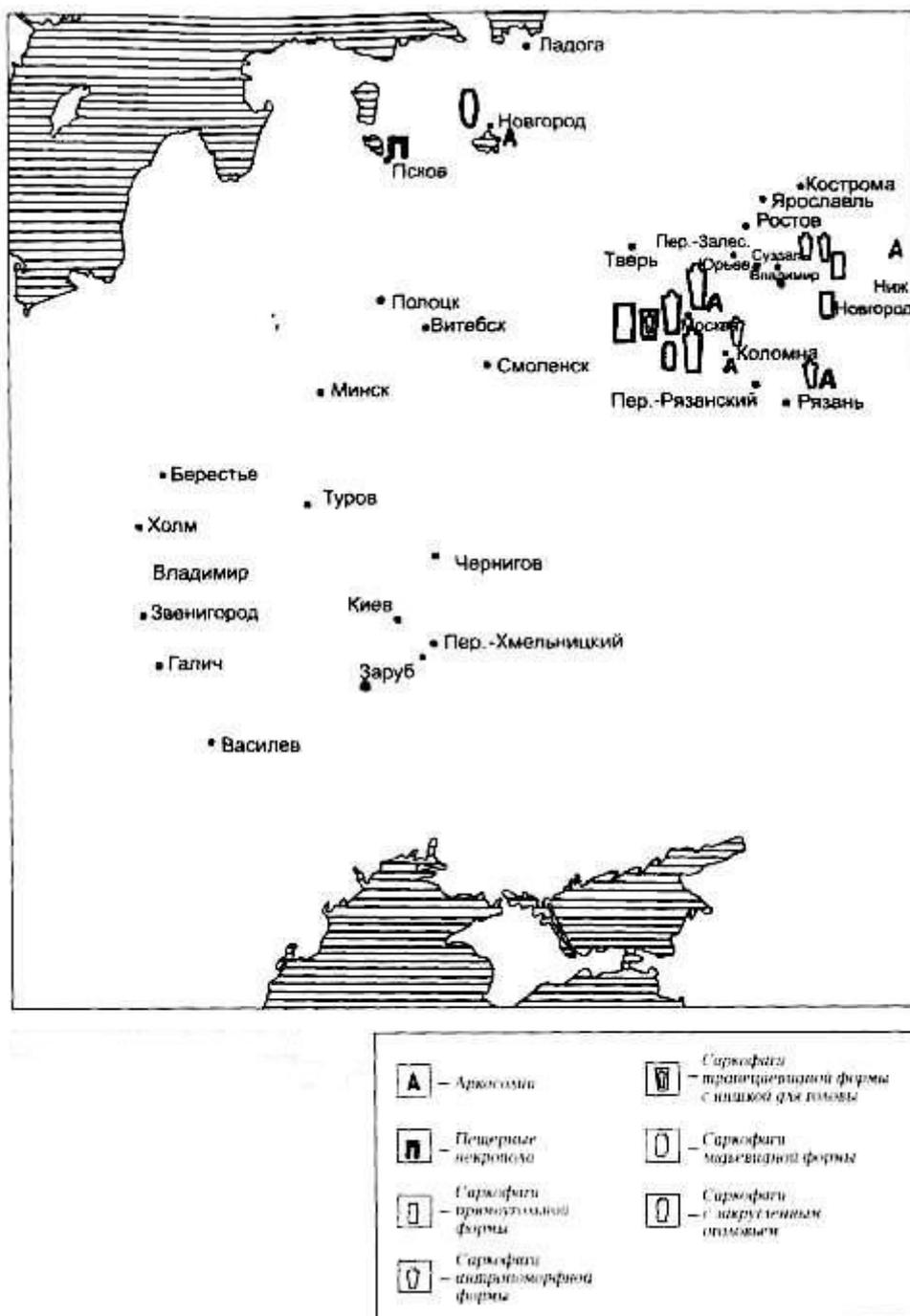

Рис. 38

38. Карта распространения каменных саркофагов, аркосолий и пещерных некрополей XIV-XVI вв.

[112]

применение которых зафиксировано на грунтовых городских кладбищах практически во всех русских средневековых центрах.

Намогильные плиты

Намогильные плиты — самый распространенный в средневековой Руси тип памятника, отмечавшего место захоронения человека. Эти надгробия из камня прошли длительный путь развития от простой, лишенной надписи и орнамента плиты до великолепных образцов резьбы по камню с пышными многострочными эпитафиями и орнаментальными украше-

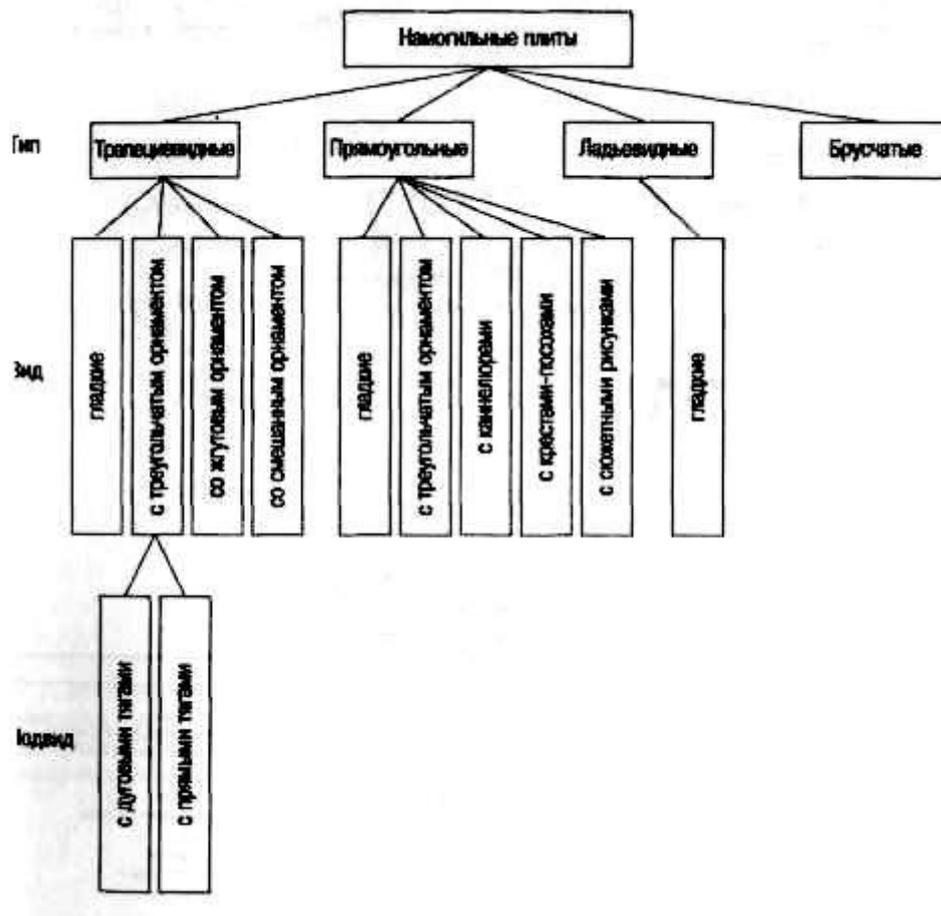

Рис. 39

39. Типологическая таблица намогильных плит. XI-XVI вв.

[113]

ниями. История намогильных плит включает в себя не только изменения их формы, размеров, характера рисунков на их внешней стороне, величины и содержания надписей. В эволюции надгробных памятников прослеживаются региональные различия, позволяющие изучить своеобразие отдельных видов плит, наличие центров по их производству и своеобразие изготовлявшихся в них изделий (ил. 39).

Для анализа группы каменных надгробных памятников-плит привлекаются данные о более чем четырехстах находках. Кажется бы, материалов для исследования и выработки типологии намогильных плит более чем достаточно. Но следует учитывать, что многие памятники зафиксированы при раскопках во фрагментах, причем очень незначительных. Это не всегда позволяет точно установить, например, форму плиты, а значит отнести ее к определенному типу, хотя и дает информацию о системе орнаментации или характере надписи. Часто невозможно использовать материалы отчетов из-за пренебрежительного отношения исследователей к данным такого рода. Группа каменных намогильных памятников подразделяется по форме на четыре типа. Необходимо отметить общий для них принцип применения в обряде погребения. Плиты помещались сверху на засыпанную землей могильную яму, то есть использовались на городских грунтовых кладбищах. До сих пор зафиксированы только несколько случаев находок плит в храмах-усыпальницах над грунтовыми погребениями.

Тип 1. Плиты трапециевидной формы.

Первый тип объединяет плоские плиты, расширяющиеся к головной части. Среди них выделяются четыре вида памятников.

Вид 1. Гладкие плиты трапециевидной формы.

К первому виду относятся надгробные плиты трапециевидной формы с гладкой лицевой поверхностью (без орнамента и надписи). Найдены такие памятники крайне редко. Одна из наиболее ранних датируется второй половиной XIII — началом XIV в. и обнаружена на грунтовом кладбище Московского Кремля [222].

Вид 2. Плиты трапециевидной формы, украшенные треугольным орнаментом.

Ко второму виду относятся намогильные памятники, на лицевую поверхность которых нанесен орнамент из врезных треугольников (этот орнамент еще называют «волчий зуб»). Первые плиты этого вида были зафиксированы на территории Москвы, где они датировались второй половиной XIII — началом XIV в. (ил. 40: а, б). Применяя единственный прием — выемчатый треугольник, мастера создавали разнообразные схемы рисунков на плитах,

компоную по-разному ленты из врезных треугольников. Не останавливаясь подробно на характеристике схемы рисунка каждой из плит, можно отметить в основном полосы сдвоенных треугольников, обращенных вершинами друг к другу, которые окаймляли плиты по периметру.

[114]

Иногда поле плиты было дополнительно разделено продольной полосой по центру надгробия и украшено также кругами или полуклеймами из полос таких же треугольников[223]. Плиты с аналогичной схемой рисунка найдены, кроме Кремля, также и в Китай-городе Москвы[224].

Первоначальный период в истории развития намогильных памятников, украшенных треугольниками, отличается достаточным разнообразием рисунков. Это говорит о том, что его окончательный вариант еще не сформировался. Только в начале XV в. появляются надгробия с орнаментом, который надолго станет основным на намогильных памятниках средневековой Руси и закончит свое существование только в первой половине XVII в.

Подвид А. К нему относятся плиты трапециевидной формы с дугвыми верхними тягами в рисунке. Рисунок на этих надгробиях состоит из лент треугольников по периметру плиты, круглого клейма в центре, от которого вниз отходит прямая тяга, а вверх — две дугвых тяги. Есть еще дополнительные детали орнамента, несколько усложняющие его, но в дальнейшем схема украшения значительно упростилась. В XV в. встречаются памятники с очень сложной схемой рисунка, что говорит о поисках мастеров в этой области. Одна из таких плит первой половины XV в. найдена в Даниловом монастыре Москвы[225].

Необходимо отметить, что ранние намогильные плиты изучаемого типа (вторая половина XIII — первая половина XV в.) украшены орнаментом из крупных равнобедренных треугольников, четко выделяющихся в лентах рисунка (ил. 40: б). Во второй половине XV в. характер треугольников начинает меняться — они становятся мелкими, клинообразными; крупные равнобедренные еще некоторое время сохраняются только в заполнении верхнего и центрального клейма. Таковы плиты из некрополя церкви Вознесения в Московском Кремле (наблюдения автора), из Высоцкого монастыря в Серпухове[226]. Плита размером 1,6х0,56х0,45 метра при толщине 0,1 метра имеет особенности в орнаменте: верхние дуги здесь прямые, а верхнее клеймо как бы подвешено на двух коротких тягах, а не примыкает к верхней линии орнамента[227]. Концом XV в. датируются две плиты из Троице-Сергиевой лавры под Москвой. Это надгробие Юрия Романовича Алексеева[228] 1494 г. (ил. 40: в) и плита с захоронения новгородского архиепископа Сергия (1484-1495 г.)[229]. Две последние плиты уже снабжены эпитафиями. К тому же в схеме рисунка у них появилась так называемая «внутренняя рамка» — дополнительный (третий) ряд треугольников в верхней части памятника.

Для этого времени (конец XV в.), как и для последующего периода существования плит, работу по их изучению значительно облегчает появление надписей. Точные датировки намогильных плит позволяют проследить и уточнить любые изменения в схеме их орнаментации.

С первой трети XVI в. намогильные плиты украшались рисунком из полос мелких клиновидных треугольников. Это полностью относится и к

[115]

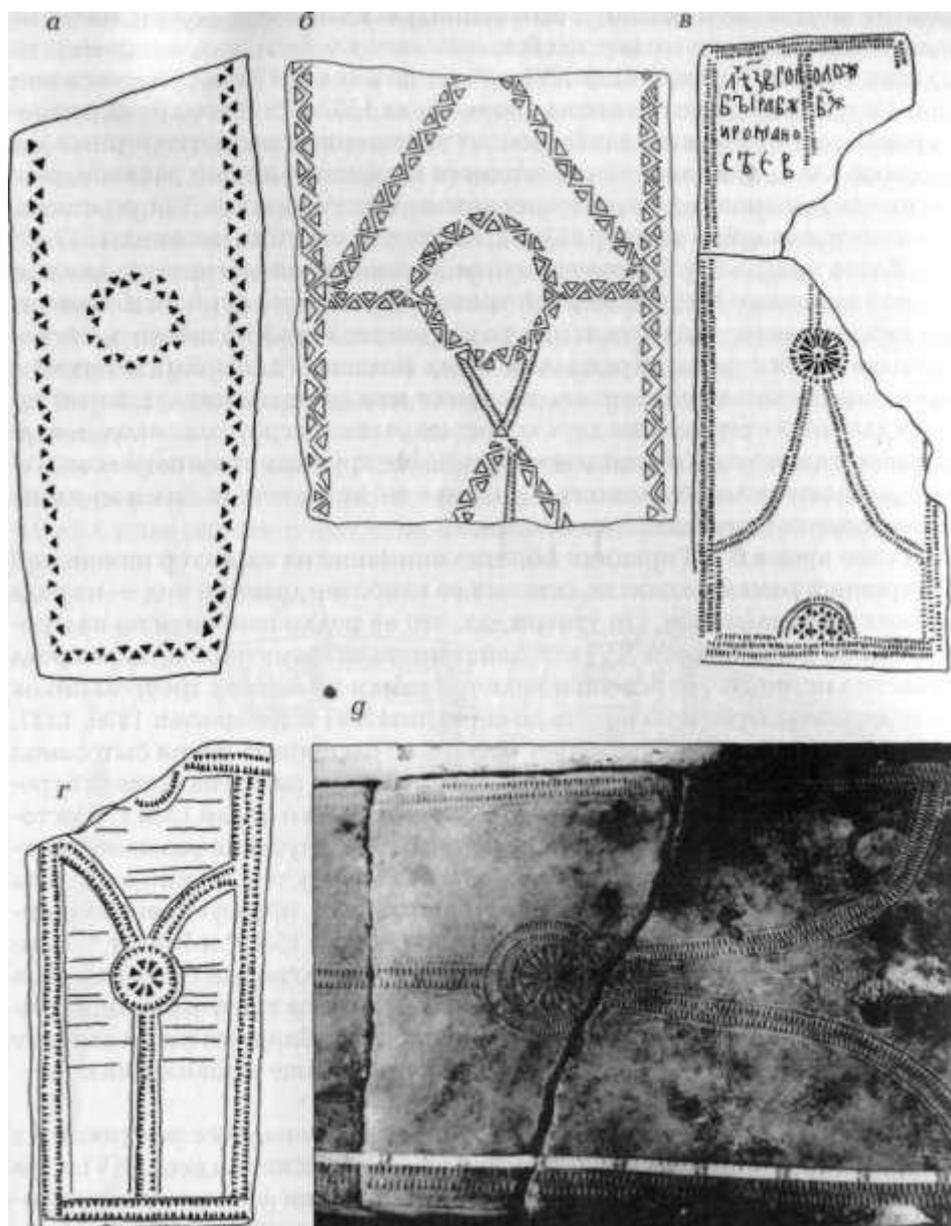

Рис. 40

40. Намогильные белокаменные плиты: а) плита трапецевидной формы с орнаментом «волчий зуб». Москва. Конец XIII в.; б) фрагмент плиты. Москва. Первая половина XV в.; в) плита Юрия Флексеева. Троице-Сергиев монастырь. 1494; г) плита. Москва. 1517. Рисунки; д) центральная часть плиты. Москва. Кремль. Первая треть XVI в. Музеи Московского Кремля

[116]

декору внутренней рамки. В этот период встречаются случаи, когда не имеют заполнения верхние клейма (или полуклейма), как, например, на плитах инокa Сергея начала XVI в. [230], памятнике 1517 г. из Подмоскoвья (ил. 40: г) [231], надгробии Демиана Сакмышева 1527 г. [232] В это время зафиксирован такой пережиточный элемент украшения плит, характерный для изделий XV в., как заполнение верхнего клейма крупными равнобедренными треугольниками, скомпонованными крестообразно. Так украшены верхние полуклейма плиты 1513 г. [233], надгробие княгини инокини 1517 г. [234] Наиболее поздние примеры такого заполнения клейм отмечены даже во второй половине XVI в. К первой трети XVI в. нужно отнести анэпиграфическую плиту, найденную при разборке строений Вознесенского монастыря в Московском Кремле (ил. 40: д). Большая (2,18x0,7x0,54 метра) и очень тщательно выполненная, она имеет между верхними духовыми тягами длинный стержень из двух полос мельчайших треугольников, завершающийся конусом, составленным из более крупных треугольников. Такой дополнительный элемент в рисунке не встречен до сих пор ни на одном другом памятнике этого типа. В свое время В. Б. Гиpшберг обратил внимание на характер изменений внутренней рамки на плитах, отмечая ее наиболее древний вид — из ряда мелких треугольников. Он утверждал, что ее редко наносили на надгробия позже первой трети XVI в. [235] Действительно, памятников такого рода известно немного. Но все-таки наличие рамки из

мелких треугольников на надгробиях отмечено вплоть до середины XVI в. (на плитах 1526, 1527, 1540, 1542, 1547 гг.), что позволяет несколько расширить время бытования этой детали орнамента. Тем более, что внутренняя рамка из крупных треугольников появляется в единичных случаях только после 1536 г. В исторической литературе до сих пор не проводилось изучение развития внутренней рамки из крупных треугольников. Между тем можно выделить два их вида. Во-первых, это крупные треугольники, образующие внутреннюю рамку, которые впервые отмечены на плитах 1538 [236] и 1543 гг. [237] Наиболее широко они применялись в орнаменте надгробий 60-70-х годов XVI в. Во-вторых, это крупные, удлиненной формы треугольники, скомпонованные попарно, гипотенузами друг к другу. Впервые такой вариант внутренней рамки отмечен в 1536 г. [238], бытует он чаще на памятниках 40- 60-х годов XVI в.

Анализ материалов показывает, что каменные плиты с рисунком из выемчатых треугольников использовались на протяжении всего XVI в. и в первой трети XVII в. Один из самых поздних случаев использования такого памятника отмечен в Зарядье (Москва) — это надгробие Никиты Ширяева 1632 г. [239]

Подвид Б. Это плиты трапециевидной формы с прямыми верхними тягами в рисунке. Если выше были рассмотрены плиты с дугвыми верхними тягами, то в подвид Б собраны памятники с интересной особенностью в схеме рисунка. Значительная часть известных на сегодня в Серпухове на-

[117]

могильных плит имеет четко оформленные прямые верхние тяги, идущие от центрального клейма. Причем памятники с таким рисунком достаточно равномерно распространены на протяжении всего XVI в. Есть находки, датированные не только началом столетия — 1513 г. [240], но и его серединой — 1565 г. [241] — и второй половиной 1587 г. Эта локальная особенность не слишком отличает данные памятники от плит с традиционной схемой рисунка и может лишь свидетельствовать о наличии собственного производства намогильных плит в XVI в. с заложенной еще в раннее время традицией исполнения одного из элементов рисунка. Отметим, что наряду с плитами подвида Б на территории Серпухова есть и памятники с дугвыми тягами, встречающиеся, правда, значительно реже. Надгробия с прямыми верхними тягами в рисунке пока более нигде не зафиксированы.

Вид 3. Плиты трапециевидной формы, украшенные жгутовым орнаментом.

Во второй половине XVI в. наряду с плитами второго вида в погребальном ритуале используются памятники со жгутовым орнаментом (ил. 41: а). Самая ранняя точно датированная находка такого надгробия отно-

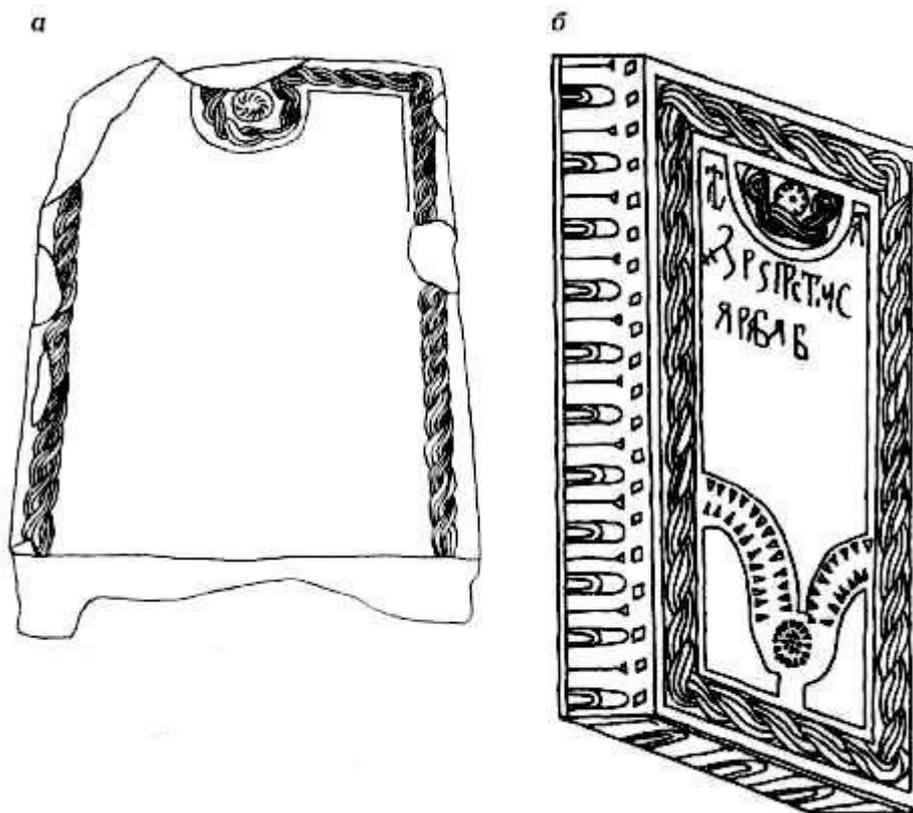

Рис. 41

41. Намогильные белокаменные плиты с орнаментами:

- а) плита со жгутовым орнаментом. Троице-Сергиев монастырь. 1598;
б) плита со смешанным орнаментом. Коломна. 1598. Рисунки

[118]

сится к 1568 г.[\[242\]](#) Интересно отметить, что в основном все находки плит со жгутовым орнаментом в период с 1560-х по 1660-е гг. концентрируются в Москве и Подмоскowie. Кроме Москвы они зафиксированы в таких подмосковных центрах, как Спас-Тушино[\[243\]](#), Серпухов[\[244\]](#), Волоколамск[\[245\]](#). Единичные надгробия конца XVI в. со жгутовым рисунком отмечены на кладбищах середины XVII в. Новгорода-Северского[\[246\]](#) и Твери[\[247\]](#). Несколько плит с таким же орнаментом найдены в Трубчевске, где они датируются 30-60-ми годами XVI в.[\[248\]](#), но характер рисунка наводит на мысль об их более позднем происхождении (возможно изготовление новых плит для ранних погребений в конце XVI — начале XVII в.).

Вид 4. Плиты трапециевидной формы со смешанным орнаментом.

Памятники этого вида украшены рисунком из жгута, но отдельные детали рисунка выполнены с применением орнамента «волчий зуб» (ил. 41: б). Как правило, с помощью треугольников украшены тяги и клейма, полностью или частично. Казалось бы, памятники со смешанным орнаментом являются переходными от одного вида орнаментации к другому. Однако интересно, что такие плиты появляются только в последние годы XVI в. и отмечены в первой половине XVII в. наряду с памятниками второго и третьего видов согласно нашей типологии. Это говорит о том, что изделия с рисунками всех трех видов существовали какой-то период одновременно. Плиты четвертого вида также использовались в основном на кладбищах Москвы и Подмоскowie (Коломна, Боровска и других). Одна находка такой плиты отмечена в Новгороде[\[249\]](#).

Тип 2. Намогильные плиты прямоугольной формы.

К этому типу надгробных памятников отнесены плиты прямоугольной формы без расширения к головной части. Среди них также выделяются несколько видов, в основном по способу их орнаментации.

Вид 1. Гладкие плиты прямоугольной формы.

В первую очередь во втором типе выделены гладкие плиты, лишенные каких-либо украшений на внешней поверхности. Они появляются на городских кладбищах Древней Руси достаточно рано, в XII-XIII вв. Находки таких надгробий отмечены в Василеве (Западная Украина)[\[250\]](#), где зафиксированы плиты размером 1,05x0,7x0,15 метра и 1,25x0,6x0,14 метра (детские захоронения). Аналогичные по форме пять плит обнаружены возле: храма-усыпальницы в Замчище (Ивано-Франковская область), где под ними были совершены погребения второй половины XII — первой половины XIII в.[\[251\]](#) В последующее время гладкие плиты прямоугольной формы не зафиксированы.

Вид 2. Плиты прямоугольной формы с треугольчатым орнаментом.

Этот вид составляют надгробия, украшенные выемчатыми треугольниками. Памятники такого вида встречены на кладбищах второй половины XIII-XV вв. в Москве. Уже среди группы самых ранних надгробий с рисунком из врезных треугольников на грунтовом могильнике в Кремле (Моск-

[119]

ва) второй половины XIII — начала XIV вв. были зафиксированы плиты прямоугольной формы[\[252\]](#). Найдены аналогичные памятники и в некрополе Богоявленского монастыря в Китай-городе Москвы. Здесь они датируются рубежом XIII-XIV вв.[\[253\]](#)

Вид 3. Плиты прямоугольной формы с каннелюрами на внешней стороне.

Среди памятников прямоугольной формы небольшую группу составляют плиты, украшенные продольными желобками или каннелюрами (ил. 42). Зафиксированы такие плиты только в Новгородской земле. Несколько из них было найдено в Аркажском монастыре при исследовании кладбищ у церкви Михаила Архангела и церкви Успения[\[254\]](#). Они датируются XIV-XV вв. по аналогии с саркофагами ладьевидной формы, имеющими также украшенные крышки.

Вид 4. Плиты прямоугольной формы с изображением трехконечного креста или посоха.

К следующему виду отнесены надгробные плиты с изображением трехконечного креста или, как его еще называют, посоха. Памятники этого вида были найдены в основном в Твери и Тверской земле. Практически все сведения о тверских плитах с трехконечным крестом сегодня мы можем почерпнуть только из литературы XIX в., так как сами памятники до нас не дошли. Несколько аналогичных плит в последние годы найдено в районе Белоозера, в частности в Феропонтовом монастыре. Плиты четвертого вида датируются XV-XVI вв. (часто изображение креста сопровождается еще и надписью, что упрощает датировку).

Если рассмотреть изображения крестов на надгробиях, то можно выделить три их варианта. Самый простой вариант — это крест с прямым основанием, иногда доведенным до нижнего края плиты, иногда завершающимся, не доходя до края (ил. 43: а)[\[255\]](#). Второй вариант отличается от первого наличием на

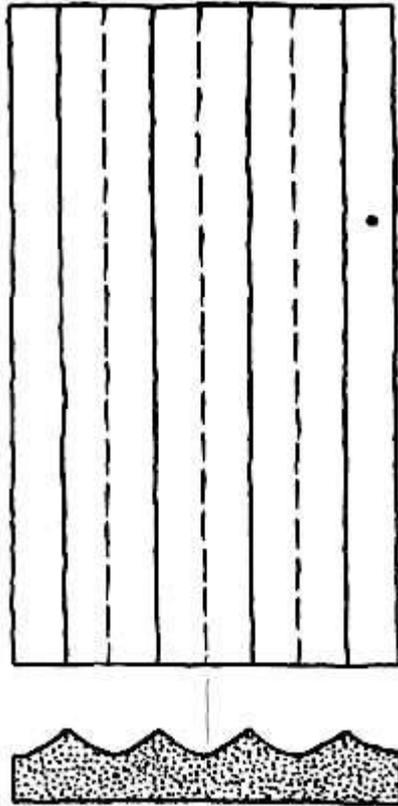

Рис. 42

42. Намогильная каменная плита с каннелюрами. Новгород. XIV- XV вв. Серый известняк. План, разрез

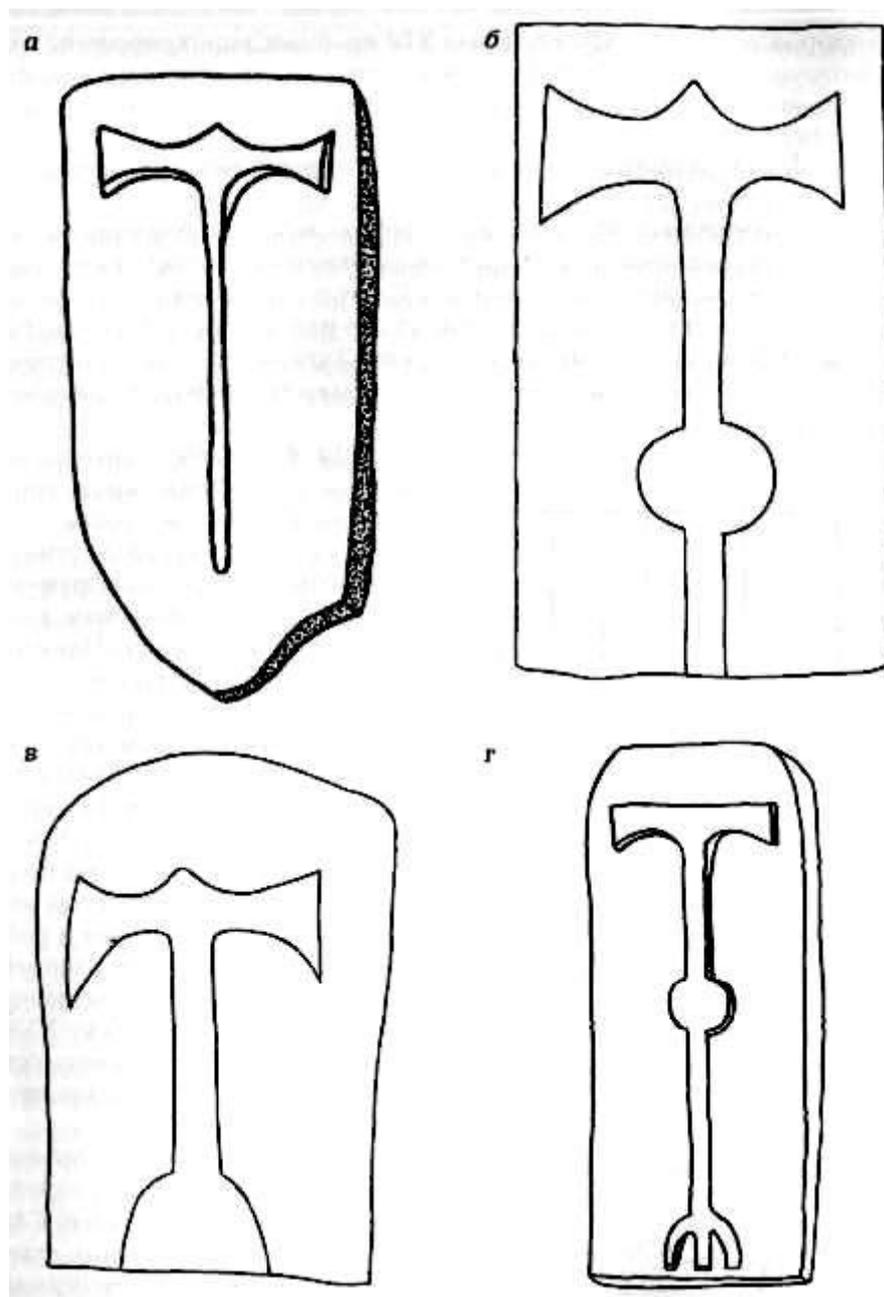

Рис. 43

43. Намогильные белокаменные плиты с изображениями креста. Тверская земля. XV-XVI в.: а) плита с крестом-посохом простой формы; б) плита с крестом, основание украшено яблоком; в) плита с крестом на подножке; г) плита с крестом на треножнике. Рисунки

[121]

основании яблока (ил. 43: б)[256]. Плита с таким рисунком была найдена и в Феропонтовом монастыре, где она датируется рубежом XV-XVI вв.[257] В третьем варианте рисунка имеется дополнительная подставка в нижней части основания. Иногда это простой полукруг (ил. 43: в)[258], иногда трехногая подставка (ил. 43: г)[259].

Вид 5. Плиты прямоугольной формы с сюжетными рисунками.

К памятникам пятого вида отнесены намогильные плиты с сюжетными рисунками на их внешней поверхности.

предполагать за этими смутными описаниями, также были характерны для территории Боснии и Герцеговины, где надмогильные памятники украшены всевозможными видами рисунков, в том числе петухов, лошадей, человеческих фигур, полумесяцев, крестов в круге и т.д. (ил. 44: б).

Тип 3. Плита с расширением в средней части (ладьевидная).

Данный тип представлен единственной находкой гладкой плиты с расширением в средней части. Это так называемые надгробия ладьевидной формы. Они имеют форму, аналогичную крышкам ладьевидных саркофагов Новгорода и Новгородской земли XIV-XV вв. (рассмотрены выше), плита этого типа также найдена в Новгороде, возле церкви Пантелеймона^[264] соименного монастыря.

Тип 4. Брусчатые надгробия.

Памятники этого типа имели вид узкого толстого бруска, несшего на верхней стороне надпись, а на боковых стенках орнамент из двух полос насечек и полосы двойных арочек между ними. Самый ранний из надмогильных памятников датируется 1533 г. (Москва, Новодевичий монастырь). Его размеры 1x0,29x0,28 метра^[265]. Отмечено использование брусчатых надгробий на протяжении всего XVI в. в основном на территории Москвы и Подмосковья, в частности в Серпухове.

Как показал анализ данных по надмогильным плитам, их появление в погребальном обряде средневековой Руси нужно относить к XII в., хотя применение надгробий в XII-XIII вв. подтверждается пока крайне ограниченным числом находок. Интересные выводы позволяет полу-

[123]

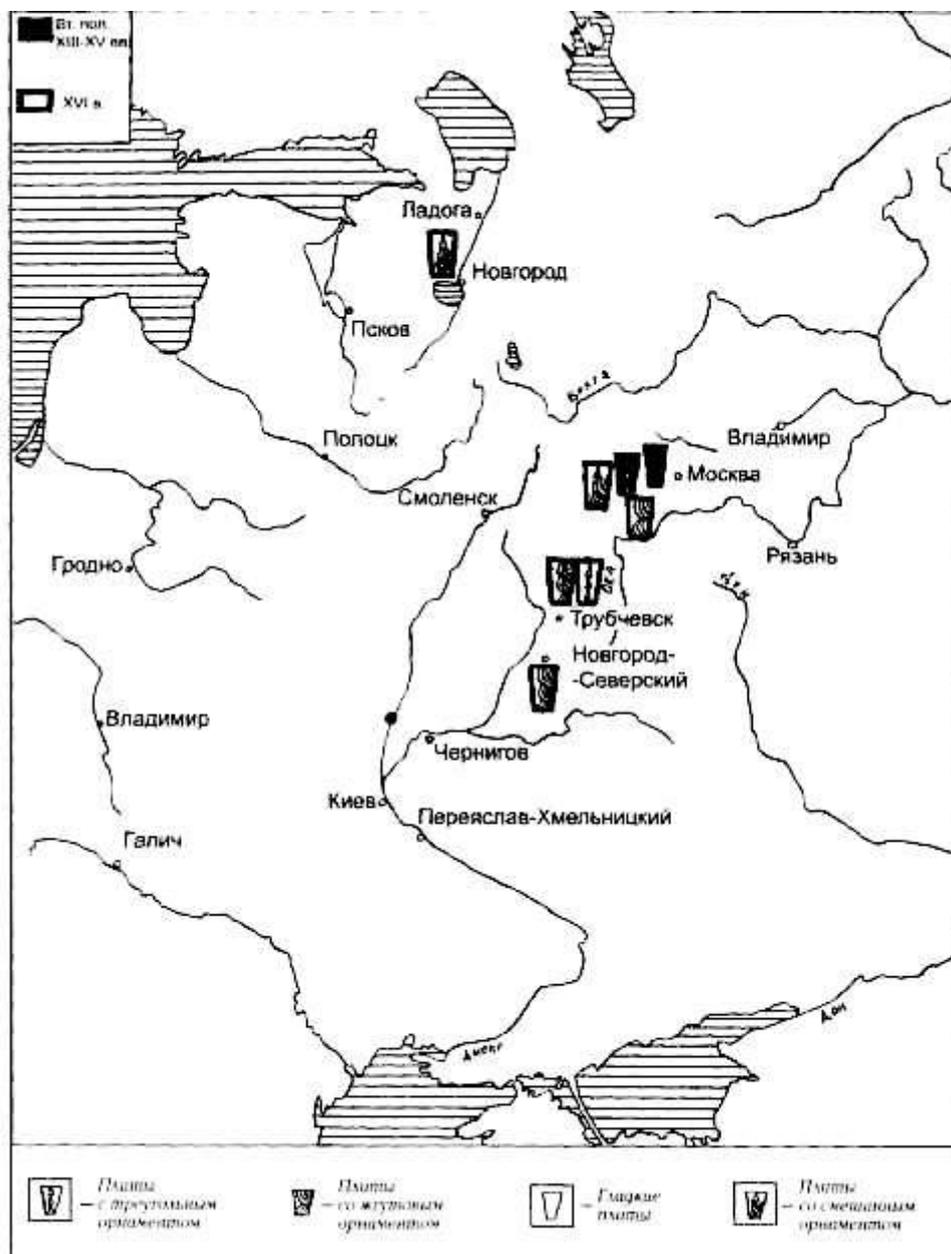

Рис. 45

[124]

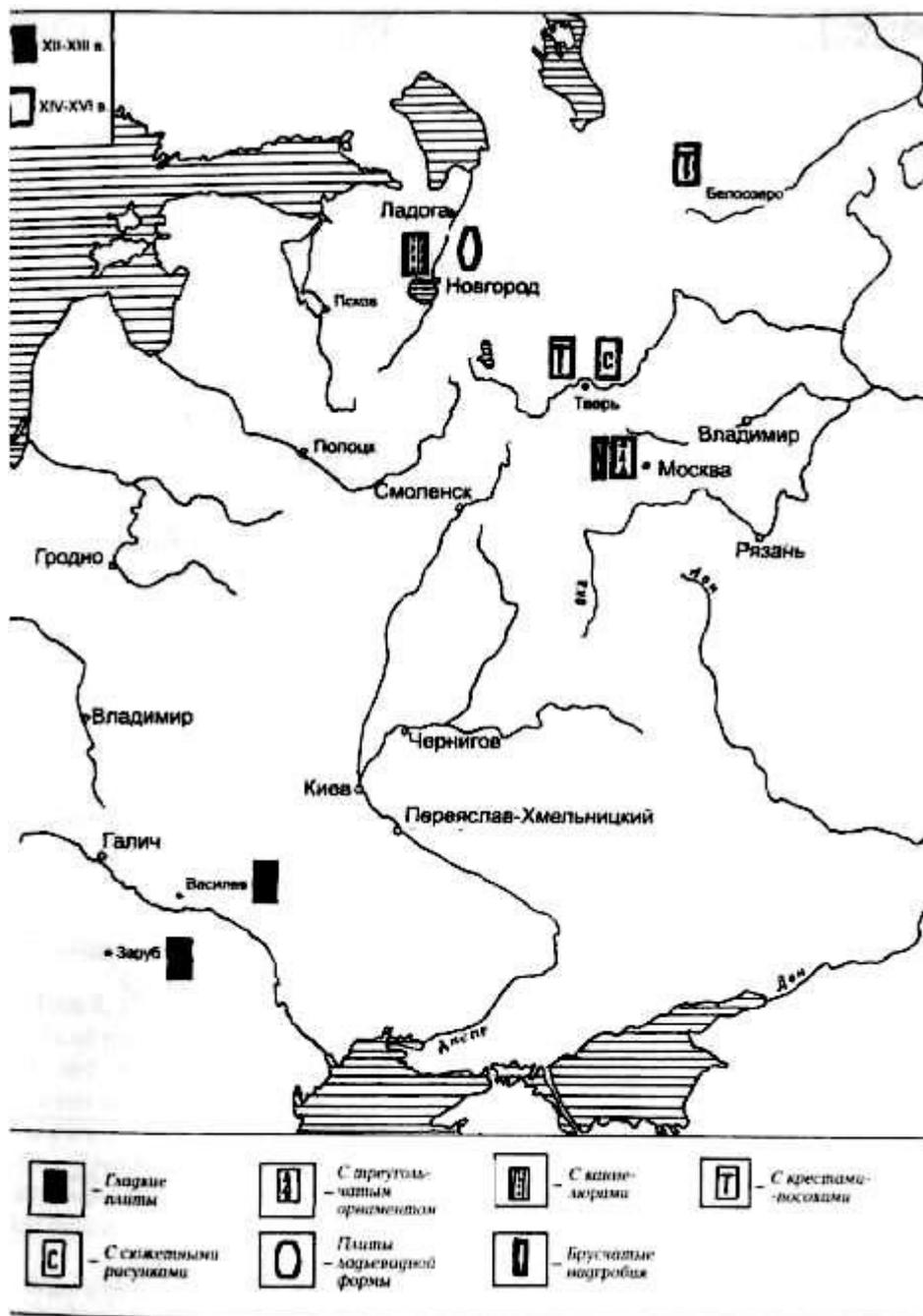

Рис. 46

[125]

чить картографирование материалов по двум основным типам надмогильных памятников — плитам трапецевидной и прямоугольной формы (ил. 45, 46).

Трапецевидные надгробия впервые появляются во второй половине XIII в. в Москве, и практически до середины XVI в. все находки таких памятников связаны именно с районом Москвы и Подмосковья. Причем это касается как плит с гладкой верхней стороной, так и надгробий с треугольчатым рисунком всех вариантов. Здесь же впервые отмечены надмогильные памятники со жгутовым и смешанным рисунком (середина — вторая половина XVI в.), отдельные находки которых в это время есть и в других центрах — Трубчевске, Новгороде и Новгороде-Северском. В более позднее время, на рубеже XVI-XVII вв. и в XVII в., аналогичные надгробия со жгутовым орнаментом получили более широкое распространение.

Намогильные плиты прямоугольной формы зафиксированы на городских кладбищах достаточно рано, уже в XII-XIII вв. (территория Киевской земли). Во второй половине XII-XIV вв. в Москве отмечены такие памятники, украшенные треугольным орнаментом. Один из видов прямоугольных плит с каннелюрами на внешней стороне применялся в обряде похорон только на территории Новгорода и более нигде не зафиксирован (XIV-XV вв.).

Интересная разновидность плит с изображением трехконечного креста или посоха использовалась в Тверской земле в XV-XVI вв. (ил. 46), и только в этом районе известны памятники с сюжетными рисунками.

Следует упомянуть плиты редких типов, представленные одной или небольшим числом находок. Так, однажды зафиксирована найденная в Новгороде плита ладьевидной формы, а брусчатые надгробия, появившиеся в XVI в., нигде в этот период, кроме Москвы и Подмосковья, не найдены.

Таким образом, памятники прямоугольной формы нашли не столь широкое применение в погребальном обряде средневековой Руси. Более разнообразны по способам украшения каменные намогильные плиты трапециевидной формы. Однако следует отметить, что использование в ритуале похорон надгробных плит связано вплоть до конца исследуемого нами периода с территорией Москвы и Подмосковья, дающей основную массу находок памятников этого рода.

Эпитафии и христианская символика на погребальных сооружениях и намогильных памятниках

Один из интереснейших вопросов — время появления эпитафий на намогильных памятниках и погребальных сооружениях (ил. 47). До сих пор в исторической литературе не выяснено время появления первых надписей погребального характера на Руси и устойчивой традиции поме-

Рис. 47

47. Надписи на белокаменных надгробных плитах: а) надпись-граффити на крышке саркофага великой княгини Евдокии Дмитриевны (умерла в 1407 г.). Нанесена около 1519 г. Музеи Московского Кремля; б) надпись на плите князя Василя Горбатого. Троице-Сергиев монастырь. 1508. Прорисы

[127]

щать эпитафии на надгробиях и гробах. И хотя в некоторых работах данная проблема затрагивалась, но она рассматривалась только на материалах Москвы и Подмосковья. При этом совершенно не учитывались находки из других городских центров средневековой Руси, не проводился их анализ в полном объеме. Археологические данные для домонгольского времени по изучаемому вопросу крайне редки. Самая ранняя специальная погребальная надпись датируется 1150 г. Она была обнаружена при исследовании Ближних пещер Киево-Печерской лавры[266]. На небольшой плите, имевшей арочное завершение и закрепленной над входом в пещеру, была выполнена древнерусская надпись в шесть строк: «В ЛЕТ(О) 6658 (1150) ИСКОПАХОМЪ МЕСТО СЕ. НА ПОЛОЖ(ЕНИ)Е ТЕЛ(А)... И М...». В надписи сообщается год сооружения пещеры для захоронения какого-то лица, имя которого не уцелело[267]. К XIII в. относится другая надпись такого рода. Находка была сделана в развалинах монастыря на Смядыни в Смоленске. Надпись вырезана на куске гранита неправильной формы. На одной его стороне читается: «МЕСЯЦА ИЮЛЯ 3 ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИЙ ЗИНОВИЙ ЧЕРНОРИЗЕЦ», а на другой — год смерти монаха: «1271». Интересно, что дата указана по современному летосчислению, а не от сотворения мира[268]. В характере надписи исследователи увидели свидетельство связей Смоленска с Западной Европой, в основном с Германией, поскольку дата сделана по немецкому способу счисления. Во всяком случае, это единственный пример

такого датирования на погребальных памятниках средневековой Руси вплоть до XVIII в. Фрагмент камня можно интерпретировать как надгробный памятник, но его вид еще далек от классического облика каменной надгробной плиты периода позднего средневековья.

О третьей по времени датированной погребальной надписи сохранились лишь очень краткие упоминания в краеведческой литературе XIX в. Связывается находка с территорией Твери (на месте бывшего Федоровского монастыря). Именно здесь среди других была найдена каменная плита с изображением трехконечного креста и надписью, датированной 24 октября 1400 г. [269] С Тверью связана и следующая находка подписной плиты, сведения о которой также крайне скудны. Близ церкви Знамения в XIX в. при устройстве городского сада нашли надгробие с надписью первой половины XV в.: «ТАКОГО-ТО ГОДА ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН ПОП МИКУЛА» [270]. Столь скудные данные трудно поддаются анализу. На сегодняшний день по археологическим данным можно сделать заключение о крайней редкости подписных надгробных памятников на Руси вплоть до конца XV в. Именно 1490-е гг. стали временем появления и широкого использования подписных надгробий. Здесь стоит перечислить ранние надписи, отметив, что не всегда они сохранялись полностью. Так, одна из них предположительно датируется 1492 или 1494 г. и нанесена на плиту, уже имевшую орнаментальное украшение [271]. Второе по времени надгробие датируется

[128]

1494 г. (найден в Сергиевом Посаде). Плита также имеет рисунок из треугольников, а надпись нанесена в четыре строки: «ЛЕТА 1494 ПОЛОЖЕН БЫС РАБ БОЖИЙ ЮРИЙ РОМАНОВ АЛЕКСЕЕВ» [272]. Другой памятник из Сергиева Посада, 1495 г., с места захоронения бывшего новгородского архиепископа Сергия, является прекрасным образцом того, что надписи еще не были в это время привычным атрибутом орнаментированной плиты — текст не вписан в элементы рисунка, а местами нанесен непосредственно на него. Надпись в семь строк: «ДОСКА; ИНОКА; АМАРТОЛОСА СЕРГИЯ БЫВШАГО АРХИЕПИСКОПА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И ПСКОВА ПОЛОЖЕН В ДЕ ЗГ МЦА АПРИЛЯ 10 ДНЬ» [273]. К этому же времени относится надгробие с остатками надписи, обнаруженное в Иосифо-Волоколамском монастыре (сильно повреждено): «В ЛЕТО 7003 (?) ПРЕСТАВИСЯ ИНОКЪ... ГУРОВЪ...», то есть 1494 или 1495 г. [274] Интересно, что в группе ранних надписей есть и тверские. Так, 1499 г. датируется надгробная плита, найденная в Твери в Троицкой церкви: «ЛЕТА 1499 МЕСЯЦА МАЙЯ 5 ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИЙ АФОНАСЕЙ ИВАНОВ СЫН ОСТОРОЖЕВ НА ПАМЯТЬ СВЯТЫЕ МУЧЕНИЦЫ...» [275]. Еще одна плита, сохранившаяся фрагментарно, также из Твери, датируется 1500 г. [276] К рубежу XV-XVI вв. относится плита инока Серапиона, найденная в районе бывш. Крестовоздвиженского монастыря в Москве [277]. Как показывают материалы Москвы и других центров, начиная с рубежа XV — XVI вв. наличие надписей на надгробных плитах становится обычным явлением. Надписи наносятся на плиты в верхней их половине, с учетом орнамента и четко вписываются в свободное пространство между его элементами.

Памятные надписи на каменные саркофаги, как свидетельствует анализ археологических данных, начали наноситься в начале XVI в., и в дальнейшем погребальные сооружения из камня редко не отмечены эпитафией, расположенной в верхней части крышки.

Таким образом, появление памятных надписей-эпитафий связано с последними годами XV — рубежом XV-XVI вв. Они наносились только на каменные надгробные плиты и крышки каменных саркофагов. Самое широкое распространение эти погребальные сооружения и надгробные памятники имели в указанное время в Москве и Подмоскowie. Именно здесь появились и получили широкое применение и эпитафии.

Не менее интересен вопрос о степени распространенности христианской символики на погребальных сооружениях и надгробных памятниках средневековой Руси. До сих пор он нигде не рассматривался. Археологические данные говорят о том, что практически такой традиции не было. Зафиксирован лишь один случай нанесения изображения креста на каменный саркофаг. Находка в Белгородке под Киевом уникальна тем, что в белокаменном гробу XII в. в головной части на внутренней стенке был выбит восьмиконечный голгофский крест [278]. Форма креста древняя, с прямо положенными и широко расставленными двумя верхними перекладинами и нижней косой перекладиной, идущей справа налево (ил. 48: а).

[129]

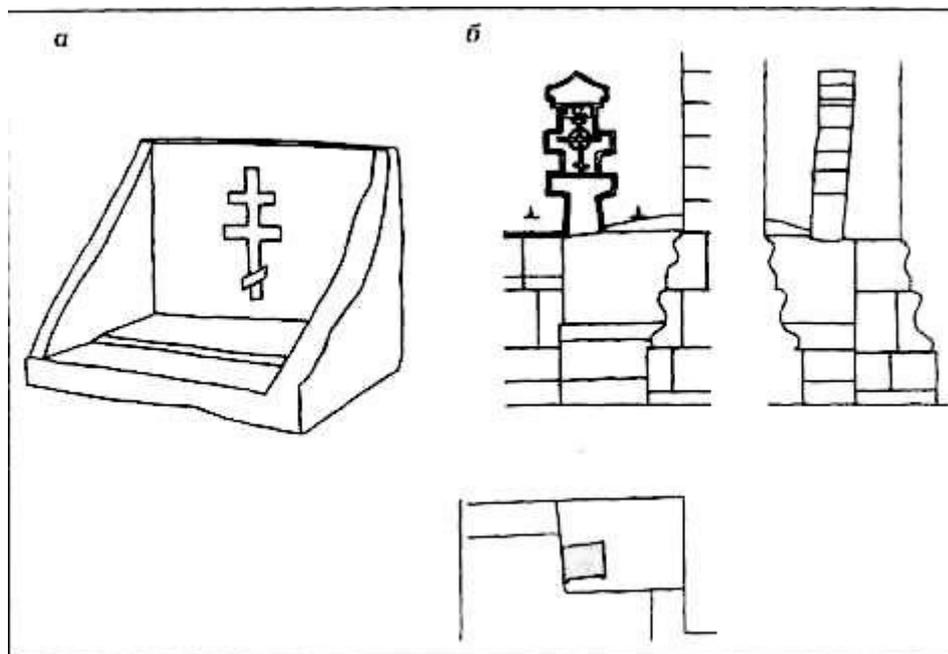

Рис. 48

48. Изображения крестов: а) белокаменный крест на стенке каменного саркофага. Киевская земля. Белгородка. XII в.; б) белокаменный крест у северо-западного угла Успенского собора. Москва. Кремль. XVв.

Других примеров изображения креста — символа христианской религии — на погребальных сооружениях XI-XVI вв. в средневековой Руси до сих пор не зафиксировано.

Намогильные памятники в интерьере храмов-усыпальниц

Один из важных вопросов — каким образом отмечали места захоронений в храмах-усыпальницах. Это касается, естественно, захоронений под полом. Среди ранних примеров можно назвать лишь несколько. Археологически прослежено, что в храме-усыпальнице XII в. в Евфросиниевском монастыре Полоцка крипта в северной галерее была отмечена в интерьере мозаикой из смальты [279]. Фресковой росписью украшались находившиеся в интерьере храмов домонгольского времени кирпичные гробницы прямоугольной формы. Возможно, что именно они дали толчок к появлению надгробных памятников в средневековых усыпальницах над местами захоронений, совершенных под полом. Надгробные памятники сохранились в достаточно большом числе в некрополях московских храмов; самые ранние из них относятся к концу XV-XVI в. Летописи впервые

[130]

49. Надгробные памятники захоронений царя Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича и царя Федора Ивановича в Архангельском соборе. XVI в.

упоминают подобные сооружения в усыпальницах также в конце XV в. Так, при разборке Успенского собора в Москве в 1472 г., чтобы вынести мощи митрополита Петра (умер в 1326 г.), было велено «разобрати над мощьми надгробницу...»^[280]. В 1479 г. при переносе захоронений в новый Успенский собор отмечалось, что после помещения погребений в храме «учиниша над ними гробницы камены»^[281]. Сегодня в Успенском и Архангельском соборах Московского Кремля стоят кирпичные надгробные памятники, пустотелые, прямоугольной формы (в Успенском соборе — с плоскими завершениями, в Архангельском — с двускатными усеченными). Все они украшены резными каменными плитами с орнаментом и надписями, памятными и из священного писания (ил. 49). Среди редких форм памятных знаков нужно отметить и другие. Так, в Успенском соборе Ростова (XII в., перестроен в 1408 г.) у юго-восточного угла снаружи была устроена специальная ниша, в которой установлено резное каменное изображение чудотворца Леонтия, погребенного в аркосолии южной апсиды внутри храма^[282].

Памятные знаки, кресты

Среди памятных надгробных знаков позднего времени самым распространенным являлся крест. Однако попытки определить время его появления в этом качестве пока не дают окончательных результатов. Кресты из

[131]

дерева, естественно, долго сохраняться не могли. К тому же письменные источники не упоминают их в связи с ритуалом похорон. Между тем некоторые косвенные данные позволяют говорить об использовании крестов на могилах уже в XIV-XV вв. Прежде всего об этом свидетельствуют новгородские материалы. Здесь хорошо известны каменные кресты, вмурованные в стены церквей, — так называемые закладные.

Многие из них, несомненно, были первоначально надгробными, о чем свидетельствует наличие ножек с шипами для закрепления их в плиты или валуны. Интересно, что в Новгороде сохранились до настоящего времени и два валуна с углублениями прямоугольной формы, соответствующими шипам на ножках крестов — один возле церкви Параскевы Пятницы на Ярославом дворе и второй у церкви Успения в Аркажах^[283]. Знаменательно, что основная масса храмов с надгробными крестами в стенах относится к XIV-XV вв. (лишь немногие — к XVI-XVII вв.). Это говорит о том, что в кладку стен храмов кресты могли попасть с близлежащих кладбищ.

Предположение о первоначальной функции закладных крестов Новгорода — отмечать место погребения — подтверждается и некоторыми другими материалами, пусть и немногочисленными. Так, например, в Успенском соборе Московского Кремля (XV в.) снаружи у северо-западного угла до сих пор сохраняется белокаменный резной крест под металлическим шатром, связываемый с погребением в соборе в северо-западном углу митрополита Ионы (ил. 48: б). Письменные источники отмечали и наличие изображения Ионы под крестом (ныне не существует). Еще в начале XX в. подобный памятный знак находился и у юго-западного угла, отмечая располагающиеся здесь погребения митрополитов Киприана и Фотия (первая половина XV в.). Об этом говорят и старые, середины XIX в., описи собора, упоминающие их изображения^[284]. Кресты были в обоих случаях установлены на специальных подиумах из камня. Однако ныне трудно выявить характер изображений митрополитов: скорее всего, они были выполнены в технике фрески и не сохранились, что могут подтвердить и следы раскраски самого креста в северо-западном углу, хорошо видимые до сих пор. Появление знаков такого рода нужно относить к периоду не ранее XIV-XV вв. Это один из первых случаев применения креста в виде памятника на месте погребения в городских некрополях и начало широко распространенной позже традиции установки крестов на могилах.

В данной главе книги представлена типология погребальных сооружений и надгробных памятников. Разработка типологии проведена на значительном археологическом материале. Выше отмечалось, что в письменных источниках практически нет указаний на формы гробов, на характер и формы захоронений на грунтовых кладбищах и в храмах-усыпальницах. Упоминаются только наиболее престижные погребения в храмах, причем чаще всего в связи с этим отмечено использование раков и арко-

[132]

сольных ниш. Между тем археологический материал дает возможность выделить разнообразные типы деревянных гробов, каменных саркофагов, кирпичных гробниц и т. д. Это же касается и такого погребального сооружения, как аркосольные ниши в храмах, где по результатам археологических и натуральных исследований удастся выявить три их вида.

Разработка предлагаемой типологии представляется важным этапом в истории изучения средневекового погребального обряда. До сих пор в исторической науке не было даже попыток подобных исследований, что приводило к значительным трудностям при датировке археологических находок, к их неправильной интерпретации.

Исследование погребальных сооружений показало, что предлагаемая типология снимает многие вопросы, особенно связанные со временем бытования того или иного типа каменного гроба, аркоколия или кирпичной гробницы. Как правило, здесь удается определить четкие временные рамки использования многих из них. Необходимо указать, что трудности вызвало выяснение происхождения некоторых типов погребальных сооружений, таких как саркофаги антропоморфной и ладьевидной формы (каменные саркофаги и деревянные гробы прямоугольной и трапециевидной формы распространены широко во времени и пространстве), гробы трапециевидной формы с нишкой для головы внутри (ил. 50). Выше уже отмечалась несо-

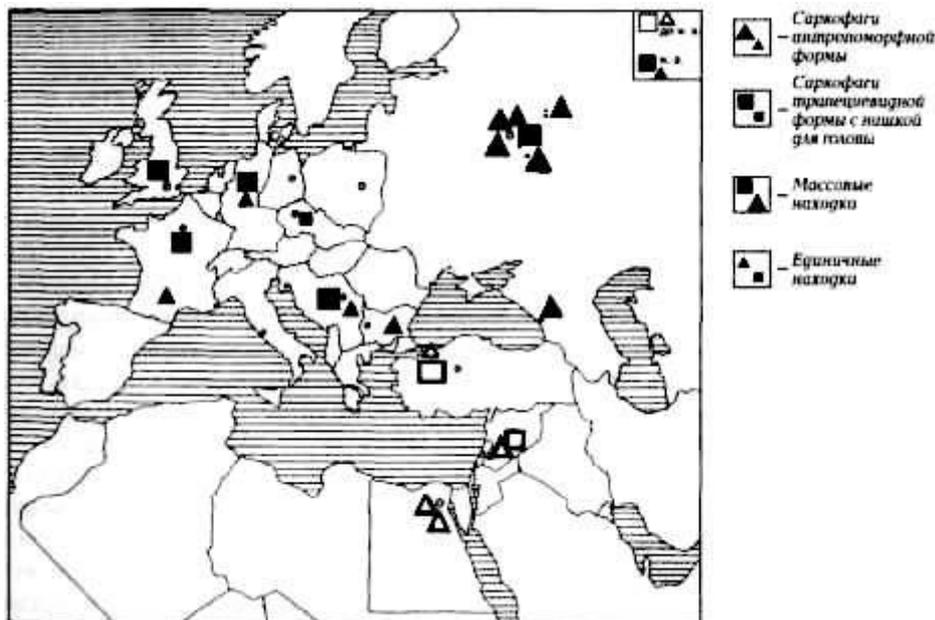

Рис. 50

50. Карта распространения каменных саркофагов антропоморфной формы и саркофагов трапециевидной формы с нишкой внутри. XVIII в. до н. э. — XVII в.

[133]

стоятельность отнесения саркофагов антропоморфной формы и гробов-ящиков с нишкой для головы внутри к одному типу. До настоящего времени в исторической литературе нет исследований по поводу истории развития каждого из них.

Сегодня не вызывает сомнений, что происхождение погребальных сооружений антропоморфного типа связано с фигурными саркофагами египетских фараонов периода Нового царства — древнейшими для данного типа (XVI-XIV вв. до н. э.). Наиболее известные среди них происходят из гробницы фараона XVIII династии Тутанхамона, умершего в 1392 г. до н. э. Антропоморфные гробы, незначительно видоизменяясь, и из более простых материалов (включая дерево), использовались и в дальнейшем — это подтверждает, в частности, и Геродот, оставивший подробное описание приемов бальзамирования покойников, принятых в Египте, и упоминавший «деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры»^[285].

Под влиянием погребальной культуры Египта гробы антропоморфной формы появляются в обряде стран Ближнего Востока и Малой Азии в I тыс. до н. э.^[286], а затем проникают в I тыс. н. э. на территорию Балкан^[287] и побережье Черного моря. В частности два таких саркофага VI в. найдены при исследовании района Сухуми и в Пицунде^[288]. В XII в. антропоморфные саркофаги начинают использоваться на территории Северо-Восточной Руси. Находки в Европе пока единичны.

Здесь очень широкое применение наряду с другими получил тип саркофага-ящика с фигурным оформлением внутреннего пространства, в том числе и с нишками для головы внутри. В европейской исторической науке именно этот тип гроба называют антропоморфным. История развития этого типа саркофагов прослеживается с середины I тыс. до н. э. (Финикия, Малая Азия). В начале I тыс. н. э. они появляются на территории Западной Европы и используются в погребальной культуре многих стран (Англии, Франции, Германии, Чехии, Балканского полуострова) вплоть до XVI в.^[289] На территории средневековой Руси этот тип саркофага-ящика практически не имел никакого распространения — известны только три находки конца XVI-XVII вв. в одном из некрополей Москвы. Как показывает впервые проведенный в исторической литературе анализ находок погребальных сооружений этих двух типов, их распространение шло разными путями и связано с разными территориями, при наличии очень небольшого числа исключений из этого правила.

Стоящие особняком во времени (только XIV-XV вв.) и пространстве (только Новгород и Новгородская земля), каменные саркофаги ладьевидной формы не вписываются последовательным звеном в один ряд с известными захоронениями в ладьях конца I — начала II тыс. н. э., нашедшими распространение в Скандинавии и в странах континентальной Европы и отмеченными также на территории Древней Руси в X-XI вв. Окончательное решение вопросов по этому типу гробов произойдет, видимо, в будущем, с расширением источников.

[134]

Изучение простых грунтовых могил показало возможность выделения среди них нескольких видов, в том числе захоронений в грунтовой могиле без какого-либо погребального сооружения, нашедших применение в основном на городских кладбищах и редко устраивавшихся в храмах-усыпальницах. Интересно выявление захоронений в грунтовых ямах, где костяки были частично огорожены в могилах (период XI-XII вв., район Киевской земли). Широкого распространения такие погребения не нашли. Отмечены они в основном в местах расселения южных славян на Балканах. В грунтовых захоронениях этого типа привлекает внимание вид с применением бересты в качестве погребального сооружения. Неожиданным можно считать вывод, следующий из анализа этого вида погребений: широкого распространения они не имели. Район их применения в домонгольское время — Рязанская земля и Москва, в XIV-XVI вв. — в основном Новгородская земля.

Среди выявленных погребальных сооружений домонгольской Руси значительный интерес представляют кирпичные гробницы, устраивавшиеся под полом храмов-усыпальниц. Располагавшиеся же в интерьере сооружения такого типа послужили, видимо, прообразом известных с XV в. надгробных памятников в храмах над местами захоронений. Практически никогда не рассматривались в российской историографии принципы устройства погребений в аркосольных нишах в стенах храмов-усыпальниц Древней Руси. Впервые удается выявить три вида аркосолий, отметить неканоническое положение погребенных в нишах, устраивавшихся в западных стенах храмов (или их приделов и притворов).

История появления и развития такой интересной формы погребения в культовых постройках, как аркосолии, вообще на сегодняшний день изучена крайне слабо. Обычай располагать захоронения в нишах церковных стен берет свое начало в III в. н. э. и связан, как отмечают некоторые исследователи, с одним из типов погребений в римских катакомбах[290]. Уже в первый период их существования (Рим, IV в. н. э.) аркосолии украшались росписями сюжетного и растительного характера[291]. Судя по литературе, аркосолии как форма погребального сооружения использовались в византийских храмах. В частности они хорошо изучены при реставрации церкви Кахрие-Джами в Стамбуле. Здесь отмечены следы нескольких аркосольных ниш XIII в. с довольно высокими сводами (иногда более трех метров), с фресковыми изображениями светских лиц, религиозных сюжетов и орнаментов[292].

Крайне редки случаи использования ниш-аркосолий на Балканах. В Преславе (Болгария) в одном из храмов эпохи I Болгарского царства (начало X — конец XII в.) зафиксированы остатки двух аркосолий — в это время страна находилась под владычеством Византии[293]. Еще один храм того же периода с аркосолиями в крипте X в. найден в Преславе при раскопках в 1980-е гг. (наблюдения автора, болгарскими специалистами материал пока не опубликован). Следов росписи в этих случаях не обнару-

[135]

жено. Однако и на Балканах отмечено использование аркосолий с росписью в технике фрески — в монастырском храме Грачанице, причем ниша находилась в южной стене дьяконника[294]. Широкое применение аркосолий для захоронений в храмах средневековой Руси связано, несомненно, с влиянием византийских традиций. Только недостаток публикаций материалов этого рода не дает возможности более подробного анализа в настоящей работе.

Намогильные памятники русского средневековья не упоминаются в письменных источниках. Несмотря на кажущееся достаточным количество публикаций надгробий в российской исторической литературе, история их появления и развития все же изучена не полностью. Сложным вопросом остается до сих пор семантика рисунков на надгробных плитах, хотя несомненно, что основные орнаментальные мотивы («волчий зуб» и жгут-плетенка) привнесены на надгробия из народного искусства (резьбы по дереву, кости) и элементов декора древнерусской архитектуры.

Намогильные плиты средневековых городских кладбищ Руси, особенно начиная с XV в., опубликованы достаточно хорошо. Однако необходимо отметить, что впервые только в данной работе делается попытка проследить всю историю появления и развития этого вида надгробий в погребальном обряде на Руси, разработать их типологию, выявить региональные различия в использовании надгробий.

Особенно интересен последний вопрос. Так, среди намогильных памятников второго типа необычны плиты с каннелюрами на верхней стороне, отмеченные только в Новгородской земле (вид 3). Появление такого вида орнаментации на надгробиях (он отмечен также на крышках саркофагов ладьевидного типа) пока объяснить не удается.

К памятникам второго типа относятся и плиты с изображением трехконечного креста, находки которых зафиксированы в Тверской земле и в районе Белоозера (вид 4). В данном случае можно объяснить появление такой символики на надгробных плитах влиянием народного слоя культуры Балкан, а именно, земель Боснии и Герцеговины XIV-XVI вв., население которых было связано с богомилством. Для эпохи «второго южнославянского влияния» вообще характерно проникновение южнославянских традиций в русское искусство (прикладное, иконопись и т. д.). Изображения трехконечных крестов и других символов в основном на тверских надгробиях (вид 5) донесли до нас характерный для русской культуры данного времени факт сближения с миром южных славян. Это связано с периодом большой волны перемещения славянского населения Балкан, вызванного завоевательной политикой Турции во второй половине XIV в. Тверь, сепаратистские тенденции которой были весьма сильны (как светской, так и церковной власти), стала, видимо, благодатной почвой для богомильской ереси, нашедшей отражение в типичной для этого религиозного течения символике надгробных памятников.

[136]

К практически неразработанным в российской историографии также относится проблема появления эпитафий на надгробных плитах, рассматриваемая в данной главе на обширном материале в основном конца XV-XVI в. Пока не нашел объяснения факт появления и широкого использования эпитафий только на рубеже XV-XVI вв. (причем на каменных гробах это происходит позднее — в начале XVI в.) и именно на территории Москвы и Подмосквья. Некоторые из материалов, кратко отмеченные во второй главе, затрагивают вопросы истории отдельных форм погребальных сооружений или же кладбищ, разработка которых невозможна сегодня или из-за слабой их распространенности (крипты), или по причине плохой их изученности (пещерные комплексы). В каждом случае об этом говорится специально.

-
- [1] Панова Т. Д. О каменных саркофагах антропоидного типа // СА. 1991. № 2.
- [2] Монгайт А.Л. Дневник раскопок в Старой Рязани в 1948 г. — Архив ИА РАН, Р-1. 232, л. 4-5.
- [3] Монгайт А.Л. Работа рязанской археологической экспедиции в 1966-1970 гг. // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 68.
- [4] Ратич О. О. Древнерусский могильник в с. Копачинцы Станиславской области // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4. С. 25; Мальм В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 209.; Седова М. В. Ярополч-Залесский. М., 1978. С. 67.
- [5] Там же. С. 69.
- [6] Орлов Р. С, Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли южной Руси в XI -XIV вв. Киев, 1985. С. 45.
- [7] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М, 1949. 2. С. 68.
- [8] Воронин Н. Н. Древнее Гродно // Там же. 1954. 41. С. 179-180.
- [9] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952-1953 гг. // СА. 1954. № 20. С. 19.
- [10] Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани // ТРУАК. Рязань, 1888. Т. 3. С. 164.
- [11] Холостенко Н. В. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исслед. и реставрация. М., 1960. Т. 2. С. 104.
- [12] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979. С. 129.
- [13] Томенчук В. П. Звіт про охоронні розкопки на городище Замчище в с. Олешків Снятинського району в 1982 р. — Архив ИАНАНУ, 1982/123, л. 11-20.
- [14] Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. ПО. С. 36.
- [15] Томенчук В. П. Звіт про охоронні розкопки на городище Замчище в с. Олешків Снятинського району в 1982 р. — Архив ИАНАНУ, 1982/123, л. 12, 16-17.
- [16] Коваленко В. П., Куза А. В. Отчет о раскопках собора XII в. в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре в 1981 г. — Архив ИАНАНУ, 1981/37, л. 40.
- [17] Въжарова Ж. Погребальният обряд като исторически източник за етническата същност на българската народност // Археология. София, 1977. С. 42-44.
- [18] Минич Д. Средновековна некрополя над Великом Градцу код Доньег Милановца // Старинар. Београд 1970. Т. 20. С. 235-236; Он же. Манастир — праисторийско, античко и средновековно налазиште // Старинар. Нова серия. 1982-1983. Београд, 1984. Т. 33-34. С. 155; Мадасд., Гауич А. Надгробие плочи и гробови ктитора цркве Богородице Пречисте у комплексу Ждрела у Горњачкой клисури // Саопштенья. Београд, 1983. Т. 15, С. 231; Ерцегович-Павлович С. Больетин, средновековно населье и некрополя // Старинар. Нова серия. 1982-1983. Београд, 1984. Т. 33-34; Калич И., Попович М. Црква у Дежеву // Там же. 1985. Т. 36. С. 135.
- [19] Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М, 1955. 49. С. 189.
- [20] Судаков В. В. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 12119, л. 20.

- [21] Шеляпина Н. С. Археологические исследования в Успенском соборе // *Материалы и исслед. / Гос. музеи Моск. Кремля.* М., 1973. 1. С. 57.
- [22] Новгородская экспедиция. Раскопки на Ярославом дворище // *КСИИМК.* 1939. Вып. 1. С. 15.
- [23] Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // *КСИИМК.* 1949. Вып. 24. С. 101.
- [24] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // *МИА.* М., 1949. И. С. 161.
- [25] Харитонов Г. В. Отчет Кашинского отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР. Калинин. 1974 г. — Архив ИАРАН, Р-1. 5168, л. 10, 14.
- [26] Боровский Я. Э., Толочко П. П., Харламов В. О. Звіт Старокиївського загону Київської археологічної експедиції Інституту археології АН УРСР про археологічні розкопки під будинком № 3 по Володимирській вул. в 1975 р. — Архив ИАНАУ, 1975/25, л. 14, 17.
- [27] Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // *КСИИМК.* 1945. Вып. 11. С. 70, 72.
- [28] Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском // *МИА.* М., 1949. П. С. 200.
- [29] Иоаннисян О. М. Исследование Спасского собора в Ярославле // *АО* 1982. М., 1984. С. 57.
- [30] Полубяринова М. Д. Раскопки церкви Саввы освященного в Новгороде // *СА.* 1965. № 1. С. 300.
- [31] Археологическая хроника // *АИЗ.* М., 1893. 6. С. 268.
- [32] Монгайт А. Л. Работа рязанской археологической экспедиции в 1966-1970 гг. С. 61.
- [33] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // *СА.* 1946. № 8. С. 208.
- [34] Там же. С. 207.
- [35] Дубинин А. Ф. Отчет о работе московской археологической экспедиции за 1955 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 1110, т. 1, л. 124, 126.
- [36] Там же, л. 125-129, 136, 141-145, 151.
- [37] Седов В. В. Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. — Там же, 11299, т. 2, альбом 4, погр. 6, 49.
- [38] Глазов В. П. Археологические исследования в зоне исторического центра Гороховца. Владимир. 1983 г. — Там же, 9938, л. 13-14.
- [39] Дубинин А. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Зарядье в 1953 г. — Там же, 925, 926, л. 12, табл. 3, черт. 3.
- [40] Дубинин А. Ф. Отчет о работе московской археологической экспедиции за 1955 г. — Там же, 1110, т. 1, л. 151.
- [41] Седов В. В. Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. — Там же, 11299, т. 2, альбом 4, погр. 38, 54.
- [42] Хворостова Е.Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Старицкого городища Калининской области в 1980 г. — Там же, 8711, т. 1, л. 49.
- [43] Куглюковский П. И. Отчет об археологических разведках, проведенных в г. Суздале в 1972 г. — Там же, 4899, рис. 6.
- [44] Беляев А.Л. Отчет о работах 1985 г. Ферапонтов монастырь. — Там же, 11035, л. 13, рис. АРИ-4.
- [45] Хворостова Е.Л. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Успенском соборе Отроча монастыря г. Калинина. 1983 г. — Там же, 9308, л. 15-16.
- [46] Хворостова Е.Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г. — Там же, 7654, л. 12, 18, 43.
- [47] Каргер М. К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // *КСИИМК.* 1940. Вып. 4. С. 13, 18.
- [48] Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей. С. 46-47.
- [49] Алексеев А. В. Раскопки в Мстиславле // *АО* 1985. М., 1987. С. 444.
- [50] Кубышев А. М. Раскопки средневекового поселения XI — XV вв. у с. Комаровка // *Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968.* Вып. 2. С. 51.
- [51] Тарасенко В. Р. Древний Минск // *Материалы по археологии БССР.* Минск, 1957. С. 228.
- [52] Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. С. 36.
- [53] Молчанов А.Л. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. М., 1980 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 8490, л. 13.
- [54] Гуревич Ф. Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка // *КСИА.* 1983. Вып. 185. С. 51.
- [55] Толстой И., Кондаков П. Русские древности в памятниках искусства // *Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.* СПб., 1891. Вып. 1. С. 161 — 162.
- [56] Grabar A. *Sculptures byzantines du Moyen Age.* Paris, 1976. Vol. 11. P. 88.
- [57] Закревский Н. Описание Киева. М., 1868. Т. 1. С. 289.
- [58] Пастернак Я. Археология Украины. Торонто, 1961. С. 622.
- [59] Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // *КСИИМК.* 1960. Вып. 81. С. 64.
- [60] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 3832, л. 7, табл. 10.
- [61] Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк. Смоленск, 1898. С. 121.
- [62] Альфонский А. О. О трех древних гробницах, найденных близ Старой Рязани // *ТЛОИДР.* М., 1837. Ч. 8. С. 189.

- [63] Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях Старой Рязани. М., 1844. С. 10; Мансуров А. Старая Рязань. По материалам археологических раскопок. Рязань, 1927. С. 21, рис. 4.
- [64] Ратич А. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI-XIV вв. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 189.
- [65] Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском. С. 200, рис. 7.
- [66] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 76.
- [67] Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. М.; Л., 1941. С. 74.
- [68] Овсянников П. Н. Указатель тверской старины. Тверь, 1903. С. 40.
- [69] Макаренко Н. Поездка по верхнему течению р. Волги // ИАК. СПб., 1904. Вып. 6. С. 91.
- [70] Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. [Б.м., б.г.] С. 145.
- [71] Жизневский А. К. Тверские древности // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее за 1874-1876 гг. М., 1876. С. 7.
- [72] Извлечение из... отчета об археологических розысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 9.
- [73] Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии // Древности. М., 1895. Т. 15. Прил. С. 18.
- [74] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева, произведенные весной 1892 г. Киев, 1893. С. 36-40.
- [75] Милеев А. В. О раскопках Десятиной церкви в 1909 г. // ИАК. СПб., 1909. Приб. к вып. 32. С. 22-23.
- [76] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952-1953 гг. С. 18; Раппопорт П. А. Русская архитектура X-XIII вв. // САИ. Л., 1982. Вып. Е1-47. С. 37.
- [77] Мовчан И. И. Археологічні дослідження на Видубичах // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 102-103.
- [78] Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // СА. 1950. № 13. С. 40.
- [79] Тимощук Б. А. Древнерусские города северной Буковины // Древнерусские города. М., 1981. С. 139, рис.9.
- [80] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1910. Приб. к вып. 34. С. 98.
- [81] Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове//КСИИМК. 1965. Вып. 100. С. 136.
- [82] Раппопорт П. А. Отчет о работе архитектурно-археологической экспедиции 1979 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 7573, л. 16, рис. 14, 25.
- [83] Сабанеев Д. А. Заметки о древней Климентовской церкви близ Старой Ладogi // Записки РАО. Новая серия. М., 1886. С. 2, 4.
- [84] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1914. Приб. к вып. 52. С. 118.
- [85] Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 69-71.
- [86] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 39-44, рис. 6.
- [87] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1910. Приб. к вып. 34. С. 41.
- [88] Логвин Г. Н., Тимощук Б. А. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1961. Т. 3. С. 42, рис. 2, с. 44.
- [89] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 200-204, рис. 23, 24.
- [90] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 45-46, рис. 2.
- [91] Археологические исследования в РСФСР. С. 91, рис. 24.
- [92] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1905. Приб. к вып. 14. С. 31.
- [93] Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг. СПб., 1906. С. 7.
- [94] Дубынин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля (1936-1940 гг.) // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 97-98.
- [95] Воронин Н. Н. Боголюбский саркофаг // Там же. 1947. Вып. 14. С. 78-79, рис. 40.
- [96] Древности Российского государства. М, 1849. Отд. 1. С. 162.
- [97] Беляев Л. А. Отчет о результатах археологических исследований по памятнику истории и культуры собору Богоявленского монастыря в Москве за 1987 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 11996, л. 11, рис. АР1-15.
- [98] Хворостова Е. А. Пафнутьев-Боровский монастырь. Калужская область. Описание и фотофиксация шурфов в соборе Рождества XVI в. — Там же, 4064, л. 8, фото 11.
- [99] Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 113, рис. 2, с. 116, рис. 5.
- [100] Некрасов А. И. Возникновение Московского государства. М., 1929. Т. 1. С. 81, рис. 39.
- [101] Хворостова Е. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 7654, л. 151.
- [102] Воронин Н. Н. Боголюбский саркофаг. С. 82, рис. 42; Уваров А. С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 3. Табл. 2.
- [103] Толмачев Е. А. Архитектурно-археологическое исследование территории Высоцкого и Владычного монастырей в г. Серпухове. 1972 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4473, л. 7.

- [104] Беляев Л. А. Отчет о результатах археологических исследований по памятнику истории и культуры собору Богоявленского монастыря в Москве за 1987 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 11996, рис. АРИ-15.
- [105] Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. С. 100.
- [106] Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 70.
- [107] Археологические исследования в РСФСР. С. 21, рис. 4, с. 24.
- [108] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 22-23.
- [109] Куглюковский П. И. Отчет об археологических разведках, проведенных в г. Суздале в 1972 г. — Там же, 4899, л. 6-7.
- [110] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Там же, 3832, л. 8.
- [111] Макаров Н. А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // С. А. 1981. №2.
- [112] Высоцкий А. Про дослідження та первісне місце саркофага Ярослава Мудрого в Київській Софії // Славяно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 147.
- [113] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3832, л. 8.
- [114] Мовчан И. И. Археологічні дослідження на Видубичах. С. 103.
- [115] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 206, рис. 36.
- [116] Meyer O., Wyss M., Coxall D., Meyer N. Saint Denis recherches urbanis. 1983-1985. Saint Denis, 1985. P. 25.
- [117] Ottoway P. A burial from the South Aisle of Winchester catedral // The archaeological journal. London, 1982. Vol. 139. P. 130.
- [118] Wascher H. Der Burgberg in Quedlinburg. Berlin, 1959. S. 246.
- [119] Sergejevskij D. Archeologiski nalazi u Sarajevu i okolici // GZM Bosne i Hercegovine u Sarajevu. archeologia. Nova serija. Sarajevo, 1947. T. 11. S. 26; Zeravica L. Grobovi ispod stecaka na Pavlovcu kod Sarajeva // Там же. 1982. T. 37. S. 180, 182-183, tabl. I, 4-6, II.
- [120] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3832, л. 7.
- [121] Саверкина Н. Н. К характеристике стиля аттических саркофагов римского времени // Тр. ГЭ. Л., 1972. Вып. 13. С. 136, рис. 1.
- [122] Rivoira G. T. Lombardic architecture. London, 1910. Vol. 2. P. 207, fig. 296.
- [123] Уваров А. С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 1. Табл. 10, рис. 99.
- [124] Там же. Табл. 30, рис. 51.
- [125] Lacroix P. Les arts au Moyen Age et a l'epoque de la Renaissance. Paris, 1877. P. 320, fig. 229.
- [126] Fossard D. A propos des linteaux de moissac et de Saint Sernin de Thezels // Sintronon. Paris, 1968. Vol. 2. P. 223.
- [127] Картер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 231.
- [128] Коваленко В. П. Новые исследования черниговского детинца в 1985-1986 гг. // Все-союз. археол. конф.: Тез. докл. Суздаль. 1987. М., 1987. С. 117.
- [129] Толочко П. П. Звіт про дослідження кам'яних фундаментів на Клові — Архив ИА НАНУ, 1963/56, л. 3.
- [130] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 77.
- [131] Смоличев П. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських // Чернігів і північне лівобережжя. Київ, 1928. С. 133.
- [132] Макаренко М. Біля Чернігівського Спаса // Там же. С. 190.
- [133] Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря... С. 61.
- [134] Раппопорт П. А. Русская архитектура X — XIII вв. С. 37.
- [135] Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII в. // С. А. 1980. № 3. С. 149.
- [136] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1966 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3329, л. 8-11.
- [137] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1967 г. — Там же, 3713, л. 5-6.
- [138] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. С. 247.
- [139] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1963 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2683, л. 24.
- [140] Монгайт А. Л. Старая Рязань. С. 77.
- [141] Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 69.
- [142] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 207-208.
- [143] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 87.
- [144] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 77.
- [145] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком. С. 17-18.
- [146] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 31.
- [147] Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // С. А. 1977. № 1. С. 240.
- [148] Булкин В. А., Булкин Вас. А., Смирнов В. Н., Ратнер И. Е. Работы в Полоцке // АО 1978. М., 1979. С. 430.
- [149] Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря. С. 40.

- [150] Холостенко М. В. Нові дослідження Іоаннопредтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 333.
- [151] Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII в. С. 154.
- [152] Воронин Н. Н. Отчет Смоленской архитектурной экспедиции 1967 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3329, л. 5-7.
- [153] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1963 г. — Там же, 2683, л. 11-12.
- [154] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком. С. 18.
- [155] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 133.
- [156] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Западной Руси. М., 1961. Т. 1. С. 71, № 12.
- [157] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Рис. 35.
- [158] Холостенко Н. В. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве. С. 10, рис. 5.
- [159] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком. Рис. 14.
- [160] Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. Рис. 149.
- [161] Раппопорт П. А. Русская архитектура X — XIII вв. Табл. 14, № 129.
- [162] Монгайт А. Л. Старая Рязань. С. 78, рис. 44.
- [163] Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. Рис. 148.
- [164] Раппопорт П. А. Русская архитектура X — XIII вв. Табл. 15, № 120.
- [165] «История и культура Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 276.
- [166] Холостенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. №2. Рис. 16.
- [167] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Западной Руси. Рис. 12.
- [168] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова. С. 6.
- [169] Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г., л. 15.
- [170] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Западной Руси. С. 444, рис. 211.
- [171] Коваленко В. П. Новые исследования Черниговского детинца в 1985 — 1986 гг. С. 117.
- [172] Холостенко М. В. Нові дослідження Іоаннопредтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври С. 145, рис. 16 — 17.
- [173] Красницкий Д. Ф., Федоренко П. К. Усыпальница Юрия Долгорукого. М; Л., 1948. С. 26.
- [174] Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 240.
- [175] Раппопорт П. А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // СА. 1977. №4. С. 261.
- [176] Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исслед. и реставрация. М, 1961. Т. 3. С. 59, рис.6.
- [177] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова. С. 8.
- [178] Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 7654, л. 15, фото 24, 25.
- [179] Полески-Щепило М. И Раскопки развалин древнего храма Екатерины в восточном предместье Смоленска // Памятная книга Смоленской губернии на 1870 г. Смоленск, 1870. С. 15.
- [180] Там же. С. 16.
- [181] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской архитектурной экспедиции 1967 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 3713, л. 5-6.
- [182] Там же, л. 22.
- [183] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1963 г. — Там же, 2683, л. 4, 11-12, 18,23-24.
- [184] Михайлов С.П. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 76.
- [185] Сементовский И. Киев и его святыни, древности. Киев; СПб., 1900. С. 59.
- [186] Клетнова Е. Н. Доклад... о раскопках на Смядыни, произведенных СУАК в 1909 г. // Древности. Тр. МАО. М., 1912. Т. 4. С. 296, рис. 56.
- [187] Раппопорт П. А. Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске // СА. 1975. №4. С. 241, рис. 2.
- [188] Раппопорт П. А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 27-28.
- [189] Макаренко М. Біля Чернігівського Спаса. С. 188.
- [190] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. Владимир, 1891. С. 96-97.
- [191] Дверницкий Е. Археологические исследования в г. Владимире-Волынском и его окрестностях // Киевская старина. Киев, 1887. Т. 17. С. 41.
- [192] Варганов А. Д. К архитектурной истории суздальского собора // КСИИМК. 1945. Вып. 2. С. 103.
- [193] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектуры памятников Ростова. С. 8.
- [194] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. С. 97.
- [195] Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1974. С. 155, 163.
- [196] Варганов А. Д. Еще раз о Суздальском соборе // СА. 1977. № 2. С. 251.
- [197] Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. С. 240.
- [198] Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование // Практика реставрационных работ. М., 1950. Сб. 1. С. 155-157.
- [199] Каргер М. К. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1964. С. 107.
- [200] Воронин Н. Н. Смоленская живопись XII-XIII вв. М., 1977. С. 69.

- [201] Там же. С. 38.
- [202] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1967 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3713, л. 6.
- [203] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1965 г. — Там же, 3064, л. 22.
- [204] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской архитектурной экспедиции 1963 г. — Там же, 2683, л. 11.
- [205] Раппопорт П. А. Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске. С. 241.
- [206] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 142.
- [207] Плешанова И. И. Резные фигуры «старцев» в собрании Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. 1974 г. Л., 1975. С. 274, 277.
- [208] Померанцев Н. Н. Русская деревянная скульптура. М., 1967. Ил. 45, 46.
- [209] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 280.
- [210] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 42-44, рис. на с. 38, 39.
- [211] Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке. Рис. 1.
- [212] Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972. Ч. 2. С. 189.
- [213] Воронин Н. Н. К истории Полоцкого зодчества XII в. // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 103.
- [214] Ипатьевская летопись. Стб. 178, 180.
- [215] Там же. Стб. 189.
- [216] Новгородская ГУ летопись//ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 135-136.
- [217] Толочко П. П., Сагайдак МЛ. Вівчення стародавнього Києва у 1976-1980 рр. // Археологія. Київ, 1982. Т. 40. С. 108.
- [218] Высоцкий С. А., Мовчан И. И. Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры // СА. 1984. № 3. С. 193.
- [219] Эртель А. Д. Древние пещеры на Зверинце в Киеве. Киев, 1913. С. 17-25, 30-42.
- [220] Марков М. Б. О достопамятностях Чернигова. Чернигов, 1882. С. 23.
- [221] Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печорского монастыря // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 27.
- [222] Шеляпина Н. С. Надгробия XIII -XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. №3. С. 285, рис. 1.
- [223] Там же.
- [224] Толмачев Е.Л. Архитектурно-археологическое исследование территории Высоцкого и Владычного монастырей в г. Серпухове. 1972 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4473, л. 53-54.
- [225] Беляев Я.Л. Отчет об археологических исследованиях и результатах надзора за земляными и реставрационными работами на тер. Данилова монастыря (г. Москва) в 1984 г. — Там же, 9355, фото 13.
- [226] Колышницын Н. В. Серпухов. Высоцкий монастырь. Собор Зачатия XVI -XVIII вв. Отчет об археологических раскопках 1974 г. — Там же, 5897, л. 3.
- [227] Там же, рис. 113.
- [228] Николаева Т. В. О некоторых надгробиях XV -XVII вв. Загорского музея-заповедника // С А. 1958. № 3. Рис. 1.
- [229] Николаева Т. В. Новые надписи на каменных плитах XV-XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры//НЭ. М., 1966. Вып. 6. С. 211, рис. 1.
- [230] Там же. С. 213, рис. 2.
- [231] Белокуров С.А. Надгробные плиты XVI в. в с. Образцово Московской губернии. М., 1911. С.5.
- [232] Николаева Т. В. Новые надписи на каменных плитах XV -XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. С. 224, рис. 11.
- [233] Щепкин В. Н. Описание надгробий // Отчет... Российского Исторического музея за 1906 г., М. 1907. С. 75.
- [234] Николаева Т. В. Новые надписи на каменных плитах XV -XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. Рис. 5.
- [235] Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // НЭ. 1960. Вып. 1. С. 4-5.
- [236] Николаева Т. В. О некоторых надгробиях XV-XVII вв. Загорского музея-заповедника. Рис. 2.
- [237] Вишневский В. И. Отчет об археологических работах в Загорском и Дмитровском районах Московской области. Загорск. 1986 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 10961, л. 26.
- [238] Дробглав Д. А., Шилов В. В. Надгробия иноземцев из Серпухова // СА. 1979. № 2. Рис. 2.
- [239] Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // НЭ. 1962. Вып. 3. С. 242.
- [240] Шилов В. В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. 1979. № 3. С. 216-217.
- [241] Дробглав Д. А., Шилов В. В. Надгробия иноземцев из Серпухова. С. 251.
- [242] Щепкин В. Н. Описание надгробий. С. 79.
- [243] Каринский Н. М. Надпись XVI в. с именем Марка — сына палача // Тр. Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 268.
- [244] Шилов В. В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова. С. 213.
- [245] Колышницын Н. В. Памятник архитектуры XV -XVII вв. Иосифо-Волоцкий монастырь. Успенский собор XVII в. Отчет об археологических раскопках 1975 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 5983, фото 64.
- [246] Коваленко В. П., Куза А. В. Отчет о раскопках собора XII в. в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре в 1981 г. — Архив ИАНАНУ, 1981/37, л. 41-42.
- [247] Токмаков И. Ф. Посад Погорелое Городище Зубцовского района Тверской губернии. М., 1906. С. 12-13.

- [248] Левенок В. П. Надгробия Трубецких // СА. 1960. № 3. Плиты 2-5, 7-10.
- [249] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 153.
- [250] Логвин Т. Н., Тимошук Б. А. Белокаменный храм XII в. в Василеве С. 39-40.
- [251] Томенчук В. П. Звіт про охоронні розкопки на городище Замчище в с. Олешків Снятинського району в 1982 р. — Архив ИА НАНУ, 1982/123, л. 14-16.
- [252] Шеляпина Н. С. Надгробия XIII — XIV вв. из раскопок в Московском Кремле. С. 285, рис. 1, № 2, 3,5-8.
- [253] Беляев А. А. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в Москве за 1988 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 12672, л. 51.
- [254] Орлов С. Н. Отчет о раскопках на месте Аркажского монастыря под Новгородом. Сезон 1963 г. — Там же, 2760, рис. 2, 6.
- [255] Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. Рис. 2, № 44; Макаренко Н. Поездка по верхнему течению р. Волги. Рис. 2.
- [256] Жизневский А. К. Описание Тверского музея... Рис. 2, № 46.
- [257] Беляев А. А. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в Москве за 1988 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 12672, л. 147.
- [258] Крылов И. П. Надпись XVI в. на надгробной плите Симеоновской церкви в г. Старица // Тверская старина. Старица, 1911. Вып. 1. С. 18.
- [259] Макаренко Н. Поездка по верхнему течению р. Волги. Рис. 20.
- [260] Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV-XVI вв. М., 1979. Кат. №29.
- [261] Крылов И. Достопримечательности в уезде. Старица, 1915. С. 62.
- [262] Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. С. 212.
- [263] Крылов И. П. Археологические раскопки в бывш. Старицком Кремле, произведенные в 1903 г. Старица, 1907. С. 30.
- [264] Раппопорт П. А. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 172. Рис. 1.
- [265] Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. С. 22.
- [266] Толочко П. П., Сагайдак М. А. Вівчення стародавнього Києва у 1976-1980 рр. С. 108.
- [267] Высоцкий С. А., Мовчан И. И. Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры. С. 193.
- [268] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 355-356.
- [269] Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. С. 187.
- [270] Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 24.
- [271] Щепкин В. Н. Описание надгробий. С. 88, № 29.
- [272] Николаева Т. В. О некоторых надгробиях XV-XVII вв. Загорского музея-заповедника. С. 172.
- [273] Николаева Т. В. Надгробие новгородского архиепископа Сергия // СА. 1965. № 3. С. 266-267.
- [274] Молчанов А. А. Древнерусские надгробия из раскопок в Иосифо-Волоколамском монастыре // Всесоюз. археол. конф.: Тез. докл. Суздаль. 1987. М., 1987. С. 177.
- [275] Николаева Т. В. Произведения прикладного искусства с надписями XV -XVI вв. // САМ. М., 1971. Вып. EI-49. С. 15.
- [276] Там же. С. 16.
- [277] Векслер А. Г. Археологические наблюдения в Москве // АО 1978. М., 1979. С. 51.
- [278] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИАРАН, Р-1, 3832, л. 7-8.
- [279] Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке. С. 244.
- [280] Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 239.
- [281] Патриаршая или Никоновская летопись // Там же. 1862. Т. 9. С. 195-196.
- [282] Толстой М. Святыни и древности Ростова Великого. М., 1866. С. 33.
- [283] Матюшкина Г. И. Каменные кресты в архитектуре Новгорода: Дипломная работа. М: МГУ, 1968. С. 4.
- [284] Главная описная книга Московского Большого Успенского собора. — ОРПГФ Музеев Московского Кремля, ф. 4, № 98, л. 3.
- [285] Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 105.
- [286] Уварова П. С. Саркофаги Оттоманского музея // Древности. Тр. МАО. М., 1907. Т. 21. Вып. 2. С. 61,63-65.
- [287] Мано-Зиси Д. Нова базилика у Цариничином Граду // Старинар. Нова серия. 1958-1959. Београд, 1959. Т. 9-10. С. 295, 303, рис. 1.
- [288] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские саркофаги из Абхазии // ВВ. 1984. Т. 45. С. 207, рис. 1-3.
- [289] Панова Т. Д. О каменных саркофагах антропоидного типа.
- [290] Mancinelli F. Catacombes et baziliques Firenze. Paris, 1955. P. 8.
- [291] Grabar A. Le premier art Chretien. Gallimard, 1966. С. 117.
- [292] Underwood P. A. Notes on the work of the Byzantine Institute in Istanbul // DOP. Cambridge, 1958. Vol. 11. P. 275, 280; Он же. Notes on the work of the Byzantine Institute in Istanbul. 1957 // DOP. Washington, 1959. Vol. 13. Fig. 1-8.
- [293] Иванова В. Стари църкви и манастири // Годишник на народния музей за 1922-1925 гг. София, 1926. С. 468.

Глава 3. Погребальный инвентарь средневековых захоронений. Заключение

[147]

Среди проблем истории формирования и развития городского погребального обряда значительное место занимает вопрос об инвентаре средневековых городских захоронений. Крайняя скудость наших знаний об этой стороне обряда объясняется неразработанностью вопроса в исторической литературе. Кроме упоминаний об обязательном захоронении христианина с нательным крестом, в ней нет никаких других сведений об инвентаре погребений средневекового времени. Отсутствие каких-либо данных об этой стороне ритуала погребения в письменных источниках успешно восполняется археологическими материалами. Однако до сих пор археологическая литература только констатировала находки этого рода, не рассматривая их в свете истории обряда в целом или отдельных его деталей.

Детали языческого обряда захоронения в инвентаре погребений христианских некрополей

Прежде всего следует обратить внимание на черты языческого обряда захоронения, зафиксированные в христианских, по своим основным характеристикам, погребениях. Среди деталей ритуала захоронения, известных еще по находкам в курганных древностях, и пережиточных, отмеченных в городских христианских погребениях периода средневековья, зафиксировано и использование бересты. Эта деталь, как показывают археологические материалы, бытует в городских захоронениях длительное время, с XII в. и в отдельных случаях до XVII-XVIII вв. При этом прослеживаются интересные географические особенности в распространении погребений с берестой. Наибольшее количество находок таких захоронений концентрируется в Новгороде. Некоторое число погребений с берестой зафиксировано в центральных районах Руси, на ее северо-востоке и западе, что, несомненно, связано с распространением этой детали обряда в курганных древностях. Она широко отмечена в курганном материале вятичей на северо-востоке, что повлияло на ее сохранение и в период после принятия христианства. К тому же курганные захоронения совершались и после смены государственной религии, что также способствовало использованию этой детали в христианских городских погребениях. Наиболее ранние захоронения, в которых зафиксирована береста, относятся к XII-XIII вв. В Новгороде это несколько погребений Юрьева мо-

[148]

настыря. Интересно, что здесь береста использована в двух вариантах. Так, два монашеских погребения XII в. (скорее всего, игуменских), совершенных в деревянных колодах, имели обкладку из бересты поверх колод. Захоронение 1198 г. в двойном каменном составном саркофаге содержало обернутые берестой останки[1]. Аналогичная картина зафиксирована и при исследовании захоронений церкви Бориса и Глеба в Новгородском кремле, которые были совершены в дубовых колодах, обернутых берестой. Одно из погребений XII в. этого некрополя в каменном составном саркофаге содержало внутри дубовую колоду, крышку которой покрывала береста[2]. Большая группа погребений XII-XIII вв. (21 могила) в дубовых и сосновых дощатых гробах, обернутых берестой, найдена на Замчище в Минске[3]. Аналогичное захоронение обнаружено в Старой Рязани, возле притвора Борисоглебского собора[4]. Несколько ранних погребений древнейшего в Москве грунтового кладбища в Кремле также были совершены с использованием бересты[5]. В XIV в. береста использована в одном из погребений Переславля-Залесского, в Спасо-Преображенском соборе. Это захоронение принадлежало князю Ивану Дмитриевичу, умершему в 1302 г.[6] Погребения XIV-XV вв., обернутые в бересту, сосредоточены в Новгороде и его округе. В церкви Спаса на Ковалеве ею была покрыта колода с костяком и остатками тризны в горшке[7]. В одном из погребений на территории Аркажского монастыря, в каменном ладьевидном саркофаге, берестой был накрыт скелет ребенка[8]. Более десятка захоронений в деревянных колодах, обернутых берестой и датированных XV-XVI вв., зафиксировано в церкви Саввы в Новгороде[9]. Возле Никольского собора на Дворище обнаружено погребение XVI-XVII вв. в грунтовой яме, скелет в которой был завернут в бересту[10]. Самый поздний случай использования бересты в городском захоронении отмечен в Киеве, на территории, практически не дающей находок такого рода ни в древнерусское

время, ни позже. Среди погребений церкви Пирогощи в ее подкупольном пространстве в могиле № 2 верхняя часть скелета была покрыта березовой корой. Захоронение датируется XVII-XVIII вв.^[11] В небольшой группе городских средневековых захоронений встречается уголь или угольные прослойки. Этот пережиток языческого обряда трупосожжения отмечается в археологическом материале на территории средневековой Руси на протяжении долгого времени. Известно, что вера в очистительную силу огня в языческий период в славянском мире была очень сильна. Если мы рассмотрим факты использования этой черты обряда захоронения, то выявим ее широкое территориальное распространение. Это и Северо-Восточная Русь, и южнорусские земли. Широки и временные рамки сохранения данного пережитка в христианском ритуале похорон (XI-XVII вв.). В ранних захоронениях (XI-XIII вв.) следы разжигания ритуального огня встречаются в виде мелких кусочков угля в засыпке грунтовых могильных ям, и всегда при этом здесь же фиксируются обломки глиняной посуды, иногда зола, как это отмечено, например, в

[149]

Ярополче-Залесском на кладбище XI — начала XII в.^[12] В детском подплитовом захоронении XII в. в Василеве, кроме угля, были зафиксированы и кусочки пережженных костей животных — видимо, остатки тризны^[13]. Интересен случай, когда в одном из грунтовых захоронений начала XII в. на городище Старая Рязань рядом со скелетом был поставлен большой горшок, наполненный землей, смешанной с углем, рыбой чешуей и костями. Здесь также, несомненно, соединены остатки тризны и обряда трупосожжения, как пережиточные черты языческого ритуала похорон^[14].

Эти черты прослеживаются и в дальнейшем. Так, в Чернигове, в кирпичных склепах XII-XIV вв. (устроены в развале церкви XI-XII вв.) возле каждого костяка зафиксированы остатки битой посуды и угли^[15]. В более поздний период, когда ритуалы язычества стали забываться, уголь в захоронениях встречается крайне редко. Так, в погребении № 10 в Спасо-Преображенском соборе Новгорода-Северского уголь был обнаружен в виде тонкой прослойки в области грудной клетки, как при частичном трупосожжении^[16]. Интересно, что в нескольких захоронениях XVI -XVII вв. на кладбище Богоявленской церкви в Кашине также найдены обожженные костяки в деревянных гробах без инвентаря^[17]. Уголь был зафиксирован в погребении № 26 при исследовании кладбища XV-XVII вв. церкви Скорбящей Божьей Матери в Суздале, под черепом погребенного^[18].

Как показывает анализ поздних погребений с остатками угля в них, это было как бы частичное трупосожжение в отличие от более ранних захоронений, где уголь шел в засыпку могильных ям и в сочетании с остатками тризны. В поздних погребениях, как правило, уголь встречен без сосудов (или битой керамики) и без остатков тризны. Обряд тризны к этому времени практически был изжит полностью, но частичное ритуальное сожжение погребаемого еще кое-где сохранялось.

Интересной чертой ранних городских христианских захоронений, хотя и достаточно редкой, являются остатки тризны. Причем следует сразу отметить престижный характер некрополей, в захоронениях которых она зафиксирована. Это, как правило, усыпальницы в храмах, где погребали князей и представителей феодальной аристократии. Археологические данные свидетельствуют о том, что наиболее часто тризна совершалась в конце XII-XIV в. Выделяется территория, где традиция помещения пищи в могилу умершего прослеживается достаточно широко — это Новгород и его ближайшие окрестности. Зафиксирована данная деталь обряда похорон в трех захоронениях Георгиевского собора Юрьева монастыря. Так, в двойном каменном саркофаге, содержащем останки сыновей князя Ярослава, умерших в 1198 г., были найдены рыбы кости и чешуя. То же самое выявлено в захоронении № 6 (кирпичная гробница, XIII в.). В погребении новгородского посадника Дмитра Мирошкинича (1209 г.) есть остатки тризны, помещенные в большой горшок, обернутый берестой. Кроме рыбьей чешуи и костей здесь зафиксирована и яичная скорлупа^[19]. Аналогичная картина отмечена в одном из захоронений XIV в. в церкви Спаса на Ковалеве. Погре-

[150]

ение было совершено в деревянной колоде, обернутой берестой. В него и поместили горшок, возле которого зафиксированы рыбы кости и яичная скорлупа. Остатки тризны найдены и в Старой Рязани в захоронении XIII в., совершенном также в храме. Кроме рыбьей чешуи и костей в большом горшке были земля и уголь^[20]. Интересно, что в курганных материалах среди ритуальных жертвоприношений или пищи для умершего фигурируют: костные остатки лошади, коровы, свиньи, петуха и курицы. В христианский период характер тризны резко меняется — это в основном остатки пищи (рыба, яйца). Число захоронений, в которых прослежены остатки ритуальной пищи, незначительно. Это объясняется тем, что церковь запрещала ставить пищу в могилу, так как по христианским канонам душа за гробом не нуждается ни в чем материальном. Один из самых поздних случаев захоронения со следами тризны был зафиксирован в Москве, в некрополе Спасо-Преображенского собора, где в саркофаге второй половины XIV в. в захоронении великой княгини обнаружили баранью кость^[21].

В начальный период сложения и развития христианского погребального ритуала на Руси пережитки языческого обряда захоронения сказывались в нем еще достаточно сильно, что было показано на примерах, приведенных

выше. Наиболее ярко это демонстрирует наличие в средневековых погребениях различных украшений, столь характерных для курганных могильников, и не только языческой поры. Но широкие датировки некоторых городских захоронений (XII-XIII или XIII-XIV вв.) не всегда позволяют выделить четкие хронологические рамки в использовании украшений в инвентаре могил. Необходимо оговорить, что все захоронения с украшениями в инвентаре четко укладываются в рамки XII-XIV вв. и позже практически не встречаются. Только в XVI-XVII вв. в погребениях вновь начинают появляться перстни — единственное украшение, отмечаемое в позднее время достаточно часто. Анализ материалов погребений с инвентарем приводит к выводу о том, что основная группа захоронений с украшениями принадлежала представителям высшей знати средневековой Руси. Рядовые погребения с украшениями содержали, как правило, какую-либо одну вещь, редко две. В богатых инвентарем погребениях присутствует обычно целый набор украшений, а если это одна вещь, то только из драгоценных металлов (золото, серебро).

Среди наиболее распространенных вещей, встреченных в погребениях XII-XIII вв., выделяются дорогостоящие привозные (в основном византийские) золотые ткани, украшенные жемчугом и вызолоченным бисером. Они были зафиксированы в погребениях церкви Иоанна Богослова в Смоленске[22] и в Гродно[23], а также в Москве при исследовании грунтового могильника в Кремле[24]. Среди ранних находок отмечено несколько богатых головных украшений, таких как золотой венец, найденный в одном из саркофагов церкви Бориса и Глеба на Смядыни (Смоленск) и называемый еще короной[25]. Диадемы-повязки были зафиксированы в четырех захоро-

[151]

нениях церкви Бориса и Глеба в Новгороде, где они датировались XII в.[26] Интересное кожаное оплечье с металлическими накладками обнаружено в погребении XII в. в Минске на Замчище[27].

Широко распространены были в XII-XIII вв. ожерелья и украшения рук — перстни и браслеты. Ожерелья составлялись из янтаря, как в одном из погребений Новгорода[28], или из стеклянных бус, как простых, так и в сочетании с золочеными, из глиняных и шиферных бус, из бисера в сочетании с пронизками и раковинами каури[29]. Браслеты в погребениях зафиксированы не только стеклянные, но и из бронзы. Височных колец встречено несколько, все они серебряные. Среди перстней есть как золотые, со вставками, например в одном из захоронений XIII-XIV вв. в Гродно[30], так и простые, бронзовые и стеклянные. Крайне редки находки таких украшений, как серьги — их известно только четыре. Один из случаев зафиксирован в Новгороде в захоронении XII в. из церкви Бориса и Глеба[31], один — в Гродно и в погребениях в Старой Рязани. Практически это все категории вещей, входивших в состав инвентаря захоронений и широко распространенных на Руси в XII-XIV вв.

Редкой деталью погребального обряда является наличие в некоторых из них зерен злаков. Так, зерна ржи были зафиксированы в захоронениях церкви Бориса и Глеба в Новгороде, датированных XII в.[32] Причем в данном случае они находились под остатками деревянных гробов, то есть были насыпаны в могильные ямы перед помещением в них погребальных сооружений. В одном из погребений XIII-XIV вв., обнаруженном в Чернигове на Княжей горе, зерно ячменя находилось в горшке[33]. Третий вариант размещения зерен злаков зафиксирован при исследовании захоронений XV в. на кладбище при церкви Ильи на Славне в Новгороде. Здесь зерно было обнаружено под некоторыми костяками[34]. Отмечая редкость находок злаков в средневековых погребениях, необходимо учесть, что большая их часть сосредоточена в Новгороде.

Довольно необычно наличие в средневековых захоронениях растительных остатков. Если зерна злаков, отмеченные в погребениях, находят параллели в обряде языческой поры, то объяснить присутствие в захоронениях пучков травы трудно. Причем эта деталь обряда прослежена лишь на одном из кладбищ XVI-XVII вв. в Пскове, где более чем в ста погребениях зафиксированы пучки травы[35]. В некоторых захоронениях были обнаружены веточки вербы. Например, пучки красной вербы найдены при вскрытии погребения князя Изяслава Андреевича (умер в 1164 г.) в Успенском соборе Владимира[36]. Веточка вербы зафиксирована на левом бедре царицы Марии Нагой, умершей в 1608 г. и погребенной в церкви Вознесения в Москве[37].

Среди необычных деталей ритуала похорон можно отметить, например, захоронение из Спасо-Преображенского монастыря Новгорода-Северского, необычно ориентированное на юг, в котором в кисти левой руки зажат небольшой камень[38].

[152]

В одном из погребений в Зарядье (Москва) в долбленной колоде был найден кусочек воска вместе с поливной чашечкой. По времени это XV — начало XVI в.[39]

В инвентаре христианских городских захоронений средневековой Руси отмечается наличие костей животных. Причем в двух случаях это были амулеты-обереги из клыков диких животных. В первом случае в захоронении женщины, обнаруженном в аркосолии храма XII в. на Протоке в Смоленске, медвежий клык со сверлиной зафиксирован у пояса погребенной, к которому он был подвешен[40]. При раскопках в Киеве (конец XIX в.) в одном из захоронений древнерусского времени найден большой клык дикого кабана[41].

Несколько иной характер носят находки костных останков животных в других погребениях. Это отголоски языческого обычая помещать в могилу жертву (целую тушу или часть ее). В средневековый период можно отметить череп животного, обнаруженный в Старой Рязани в массовом захоронении двадцати пяти человеческих черепов. Находка сделана при исследовании Спасской церкви в XIX в. и датирована началом XIII в.^[42] Одна из самых поздних находок костей животных в могилах относится к XVI в. и зафиксирована в Кашине^[43].

Интересное подтверждение в археологическом материале получают распространенные поверья о вурдалаках и упырях. Представления о них хорошо известны по этнографическим данным, они нашли отражение и в художественной литературе. На сегодняшний день зафиксированы три городских захоронения, при совершении которых были приняты меры для обезвреживания покойников.

Один из ранних и точно датированных случаев отмечен на территории Киева. Гроб и тело в погребении оказались пробиты насквозь большим железным гвоздем — костью длиной в один метр, загнутым под днищем гроба. Исследователи определили захоронение XI в. как вампирское^[44]. К древнерусскому периоду относятся аналогичные по характеру захоронения, обнаруженные в районе Владимира-Волынского. Здесь зафиксированы костяки, черепа которых пробиты большими железными гвоздями в темя. Как отмечается в публикациях, в этом можно видеть обряд обезвреживания покойников-упырей^[45]. Затруднена датировка находки, сделанной в Москве в конце XIX в. Но по своим особенностям она вполне укладывается в один ряд с приведенными выше. Здесь в кирпичном склепе, засыпанном песком, находились порубленные кости четырех-пяти скелетов, а посередине был вбит деревянный кол^[46]. Показательны ранние находки на территории Украины, поскольку наиболее широко поверья об упырях были распространены в районах расселения южных славян.

[153]

Инвентарь христианских захоронений

Ниже будут рассмотрены материалы канонических светских христианских погребений, свободных от каких-либо пережиточных черт языческого ритуала, и захоронений священнослужителей и монахов. Прежде всего здесь нужно обратить внимание на погребальные одежды, использование ритуальных сосудов и атрибутов христианской религии при совершении обряда похорон. Письменные источники скупо говорят об этих деталях погребальной культуры средневековой Руси.

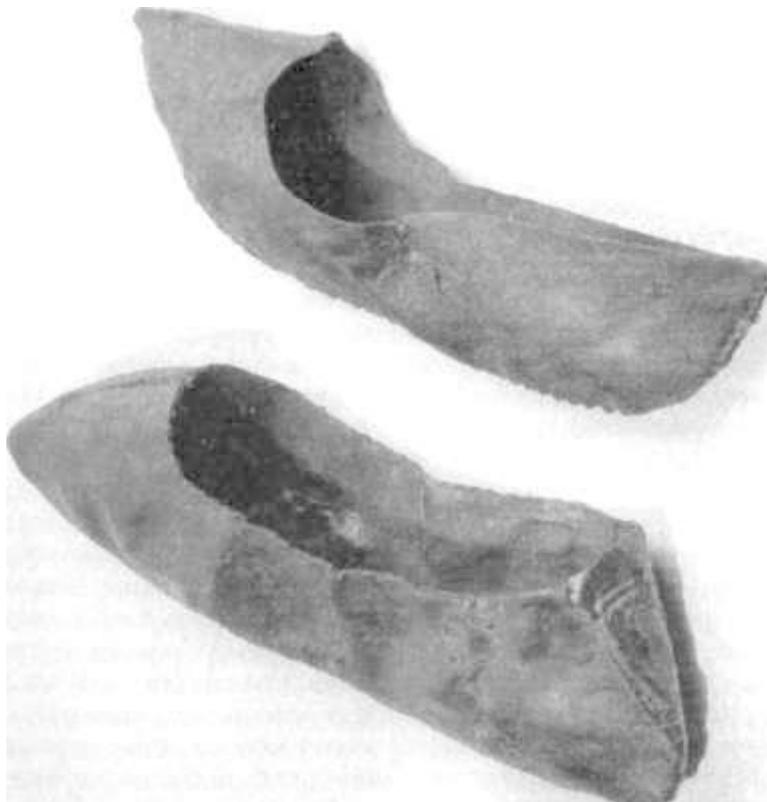
Довольно сложно решать вопрос о погребальных одеждах на материалах археологии. Как правило, ткани почти не сохраняются в захоронениях независимо от того, в каких погребальных сооружениях они были совершены. Незначительные фрагменты тканей, находимые в могилах XI-XV вв., практически не дают возможности для реконструкций как самой одежды, так и покровов. Хотя использование при этом дорогих привозных материй, отмечаемое в летописях, подтверждается и археологическими находками. Именно эти данные позволяют говорить в основном о светском характере захоронений населения средневековых русских городов, особенно в престижных храмах-усыпальницах. Так, из гробниц Андрея Боголюбского и его сыновей в конце XVIII в. были изъяты остатки шелковых одежд, в том числе испанской, с геральдическими изображениями на ткани^[47]. Фрагменты дорогостоящих парчи и аксамитов найдены в захоронениях XII-XIII вв. Старой Рязани, но и они позволяют судить о характере одежды погребенных^[48]. Вплоть до XVI в. археологические материалы из средневековых городских погребений содержат главным образом фрагменты тканей, по которым трудно восстановить тип одежды погребенных. Только к XVI в. относятся находки, сохранность которых позволяет в некоторых случаях провести реконструкцию одежды. Таковы рубахи и схимнический наряд из захоронений Ивана IV и его сыновей^[49], головные уборы-волосники XV-XVII вв. из захоронений Вознесенского монастыря в Москве^[50] и Покровского монастыря в Суздале^[51]. Выявляется в основном светский характер одежды, монашеские комплекты крайне редки. Материалы XV-XVI вв. говорят об использовании покровов из тонких шелковых тканей, чаще всего итальянской камки. Как показали натурные исследования захоронений XV-XVII вв. в московских усыпальницах, лицо погребенного было полностью закрыто специальным покровом^[52]. Все тело было завернуто так, что практически ни одна его часть не была видна. В археологическом материале полнее представлена обувь из кожи, которая сохраняется в захоронении лучше, чем ткани. Как правило, это туфли, шитые из одного куска кожи, без подметок — типично могильная обувь (ил. 51).

В археологическом материале некрополей средневековой Руси отмечено значительное количество находок сосудов в захоронениях. Традиция помещать сосуды в погребения известна с древности, будь то стек-

[154]

лянные бальзамари античной эпохи или глиняные горшки с остатками трупосожжения или тризны в курганах языческого периода на территории славян. Их функции в разные эпохи различны, но они были достаточно широко распространены во времени и пространстве. Какими же особенностями выделяются ритуальные сосуды захоронений христианского времени, обнаруженные в храмах-усыпальницах или грунтовых кладбищах на Руси?

Необходимо отметить интересные временные различия, прослеживаемые в распространении и использовании сосудов в погребениях. Если мы рассмотрим находки XI-XIII вв., то убедимся, что в этот период в захоронения чаще всего помещали глиняные сосуды или их обломки. Можно предположить, что в некоторых случаях мы имеем дело со следами обряда

51. Погребальная обувь из захоронений великих и удельных княгинь в Вознесенском соборе Московского Кремля. XV-XVI вв. Кожа. Музеи Московского Кремля

[155]

«битья посуды». Такое символическое значение отдельных обломков керамики в засыпке грунтовых ям можно предположить, например, в захоронении XI-XII вв. Юрьева, где были найдены пять фрагментов глиняного горшка[53]; в погребениях этого же времени на кладбище Ярополча-Залесского в засыпке могильных ям[54]; в некоторых грунтовых захоронениях Киева XII-XIII вв. Причем битая посуда встречается в указанных центрах только в грунтовых могилах, в их засыпке. Реже битые сосуды встречаются в несколько более поздних захоронениях. В кирпичных гробницах XIII-XIV вв., обнаруженных в Чернигове, возле каждого погребенного — остатки битой глиняной посуды[55]. В захоронениях XII-XIV вв. глиняные сосуды встречаются, как правило, в некрополях храмов. Часть из них, несомненно, связана с обрядом тризны, поскольку возле горшков были зафиксированы остатки пищи — рыбы кости и чешуя, яичная скорлупа. Это отмечено, например, в захоронении Дмитра Мирошкинича, погребенного в 1209 г. в Юрьеве монастыре под Новгородом[56], в одном из захоронений XIV в. в церкви Спаса на Ковалеве, в деревянной колоде[57], причем оба горшка были обернуты в бересту. Аналогичная картина прослежена и в Старой Рязани при раскопках Спасской церкви. В захоронении XIII в. был найден большой горшок, накрытый половинкой кирпича. В нем находилась земля, смешанная с углем, рыбными костями и чешуей[58]. Интересно, что в Киеве в качестве ритуальных сосудов в грунтовых захоронениях были использованы небольшие (иногда поливные) сосудики и в двух случаях амфоры[59]. В двух захоронениях владимирских епископов первой половины XIII в. в Успенском соборе зафиксированы небольшие глиняные сосудики[60]. Одна из интереснейших находок глиняного ритуального сосуда сделана в Пскове при исследовании церкви Дмитрия Солунского. Она связана, видимо, с первоначальным местом захоронения (в алтарной части) князя XII в. Всеволода-Гавриила — его захоронение через короткое время после погребения было перенесено в другой храм. При расчистке могильной ямы собраны фрагменты сосуда, венчик которого украшен рельефным изображением мужского лица (ил. 52: а). Исследователи предположили, что изображение мужчины носило портретный характер и было изготовлено специально для

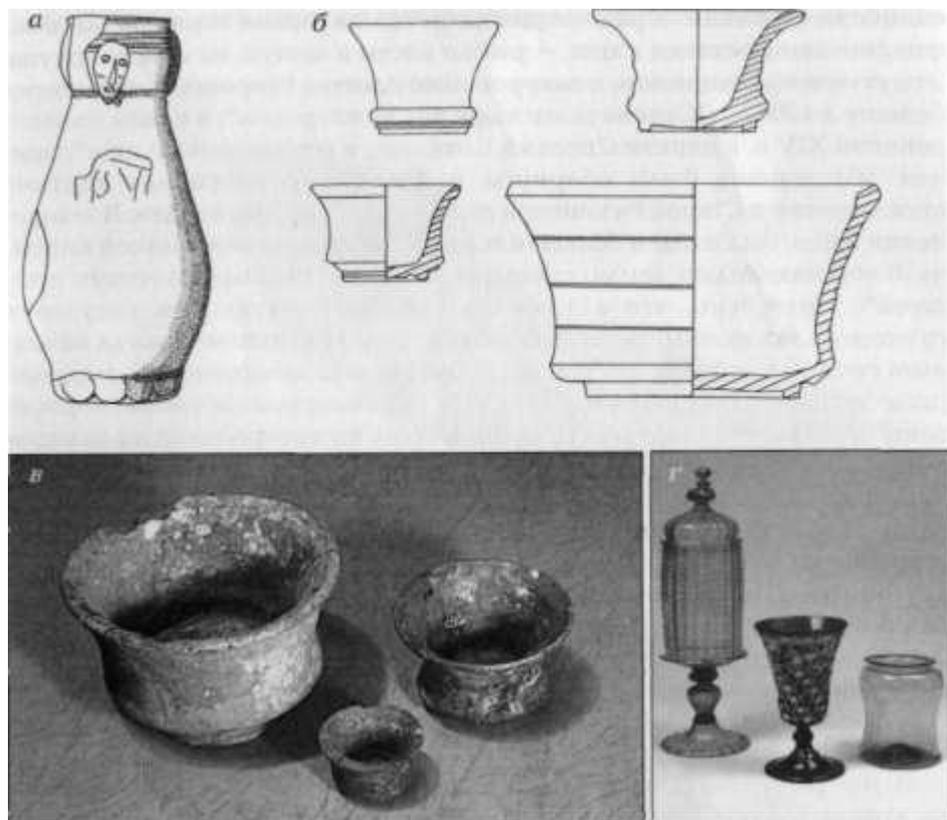
ритуала погребения данного человека[61]. Данный случай уникальный и не имеет аналогов в русском средневековом материале.

В этот ранний период отмечены находки и стеклянных сосудов, правда, крайне редкие. Так, один из них зафиксирован при изучении Успенского собора в Галиче в деревянном гробу в головах погребенного под полом западного притвора XII в.[62] Другой случай отмечен в Белгородке, где рядом с саркофагом одного из белгородских епископов XII в. также был найден стеклянный сосудик с ручкой[63]. Указанные находки сосредоточены в Киевской земле.

Интересно, что в XIV в. значительно сужается область распространения погребений с сосудами в них — в основном это район Москвы и Под-

[156]

московья, Новгород. Вплоть до XVI в. массовые находки захоронений с сосудами зафиксированы в некрополях и на грунтовых кладбищах Москвы. Ни один некрополь какого-либо другого средневекового центра не дает этого материала в таком количестве. Причем в характере сосудов происходят определенные изменения. В XIV — первой трети XVI в. это, как правило, простые глиняные чашечки, покрытые желтой или зеленой поливой. Они зафиксированы как в простых могилах, например в Зарядье[64], так и в дорогостоящих погребальных сооружениях членов великокняжеской семьи (ил. 52: б, в)[65]. В дальнейшем сосуды становятся более разнообразными по форме и материалу. В захоронениях XVI-XVII вв., которые

52. Ритуальные сосуды: а) сосуд с личиной из могилы князя Всеволода-Гавриила, Псков. 1138. Глина; б) сосуды из погребений великих и удельных княгинь в Вознесенском соборе Московского Кремля. XV в. Разрезы; в) сосуды из погребений великих и удельных княгинь в Вознесенском соборе Московского Кремля. XV в. Глина; полива. Музеи Московского Кремля; г) сосуды из погребений царя Ивана Грозного, царя Федора Ивановича и царевича Ивана Ивановича. Западная Европа. Вторая половина XVI в. Стекло. Музеи Московского Кремля

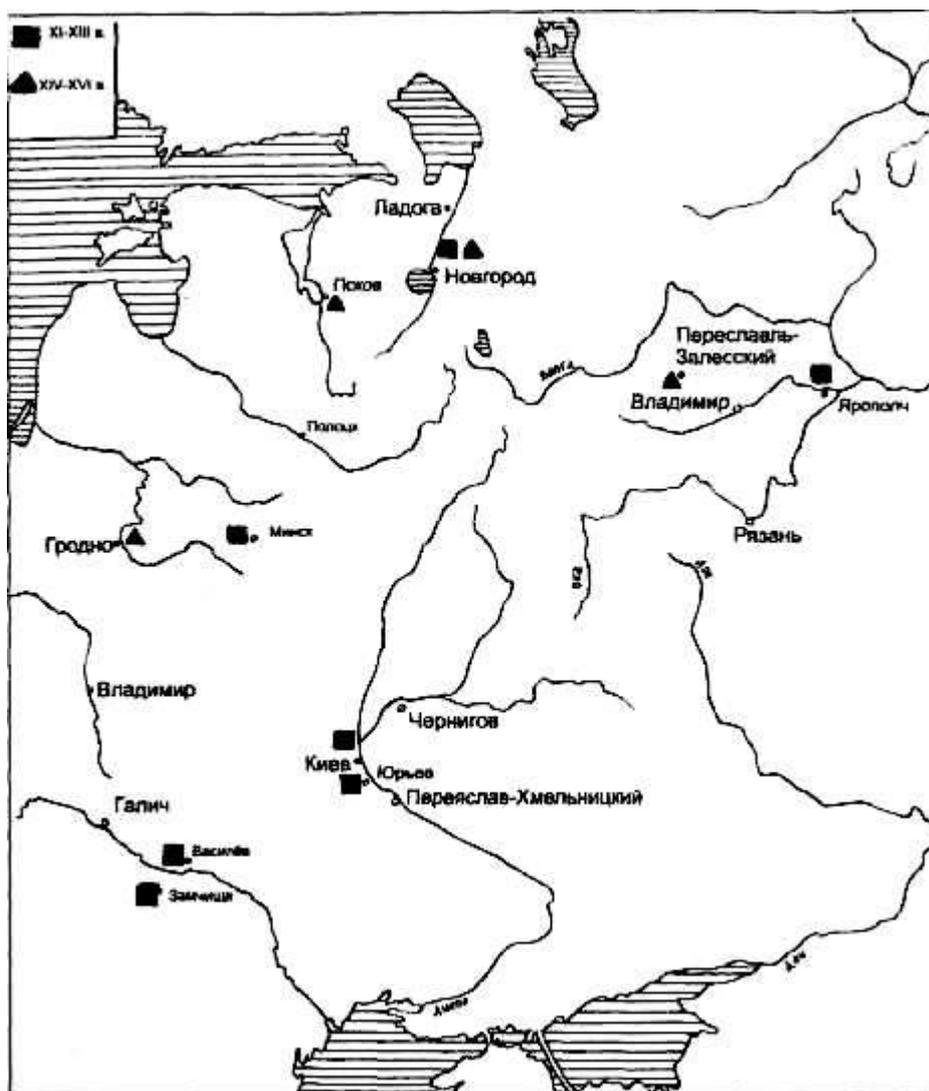
[157]

имеют уже более широкую географию по сравнению с периодом XIV-XVI вв., встречены сосуды из металла, дерева (редко) и в основном из стекла западноевропейского производства. Наряду со стеклянными сосудами обычных форм (колбообразные сосуды, стаканчики) обнаружены уникальные образцы продукции средневековых мастерских стран Западной Европы. Естественно, последние найдены в захоронениях высшей знати: в саркофагах царских усыпальниц Москвы — Архангельском соборе и церкви Вознесения в Кремле (ил. 52: г)[66].

В XVI в. ритуальные сосуды зафиксированы только в погребениях на территории Москвы. Единственное исключение — захоронение в Спасо-Преображенском монастыре Новгорода-Северского. Причем в погребении № 17 стеклянный стакан был зафиксирован в области грудной клетки^[67]. И только в XVII в., кроме Москвы, сосуды использовались в некрополях Суздаля, Рязани и других центров. Также широка территория распространения захоронений с сосудами в XVIII в., встречаются они и в XIX столетии. Иногда сосуды помещали не в погребальное сооружение, а в заполнение могильной ямы, на крышке гроба или чуть выше него, под надмогильными плитами. В гробу ритуальные сосуды помещали как в головной части, так и возле плеч, у пояса, у колен и в ногах погребаемых. Иногда отмечаются два сосуда в захоронении.

Толкования этой детали обряда нет ни в церковной, ни в научной литературе. Все объяснения опираются на сведения, сохранившиеся в ответах митрополита Киприана (в списках XVI в.) игумену Афанасию по вопросам о правилах погребения священнослужителей^[68]. Как явствует из ответов Киприана, сосуды применялись в ритуале отпевания покойника в церкви. Тело после отпевания крестообразно поливали (или обрызгивали) елеем, а остатки жидкости помещали в гроб в небольшом сосуде. Причем рекомендовалось помещать сосуд в ножной части гроба. Применение этой детали обряда отмечают и другие источники. Так, сосуд с маслом упомянут в «Чине, како подобает погребати братию», сохранившемся в рукописном сборнике Троице-Сергиевой лавры конца XV в.: «...поп же взем в сосуде масло, взлиет врху телесе. творяи. три кресты на лици на персех. и на колену, поя аллилуйя»^[69]. Правда, это чин погребения монаха, но, судя по наличию сосудов во многих светских захоронениях, данная деталь ритуала была обязательной для всех погребаемых, кроме детей.

Исследователи культуры и быта средневековой Руси до сих пор не задавались вопросом, насколько широко была распространена такая деталь обряда, как захоронение с символом христианской религии — нательным крестом (ил. 53). Сразу отметим, что вкладах из жилых слоев древнерусских городов найдено значительно больше крестов из разных материалов, чем в погребениях этого же периода. В городских захоронениях XI-XV вв. их зафиксировано крайне мало. Между тем представление об обязательности погребения человека с крестом на груди получило широкое распространение даже в научной литературе. Однако письменные ис-

53. Карта распространения захоронений с крестами-тельниками в XI-XVI вв.

точники умалчивают о том, что крест был обязательной деталью обряда погребения, и материалы археологических исследований это полностью подтверждают.

Если мы обратимся к данным городских захоронений XI в., то встретим единственную находку нательного креста в захоронении второй половины XI в. в Юрьеве (Киевская земля), в обычном грунтовом погребении[70]. Интересно отметить, например, что на кладбище Ярополча-Залесского XI-XII вв.

[159]

исследовано семьдесят одно захоронение и только в одном из них найден шиферный нательный крест[71]. В некрополях XII-XIII вв. случаев обнаружения погребений с крестами несколько больше. Все эти находки концентрируются в районе Киева и Новгорода, то есть двух центров, первыми подвергшихся христианизации. Интересна и другая особенность этих захоронений: практически половину из них составляют монашеские, где присутствие креста было, видимо, обязательным, а остальные принадлежали представителям феодальной аристократии. Особенно четко это прослеживается по материалам некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом, где зафиксирована группа захоронений XII — первой половины XIII в. с крестиками. Это пять погребений, среди которых три монашеских. Так, в двух из них, XII в., совершенных в деревянных колодах, были найдены кожаные кресты, плетеные из тонких ремешков. Причем в одном из этих погребений находились два креста, соединенные между собой плетеными шнурами (один был на груди, другой на спине погребенного). Аналогичный крест зафиксирован в захоронении княгини Евфросинии, в каменном саркофаге (умерла в 1244 г.). В парном захоронении детей князя Ярослава, умерших в 1198 г., найден маленький янтарный крестик. Фрагмент еще одного креста, из яшмы, сопровождал тело Дмитра Мирошкинича (умер в 1209 г.), помещенное в кирпичную гробницу[72]. Фрагмент кожаного плетеного креста зафиксирован в одном из погребений Аркажского монастыря, относящемся к XIII в.[73] Сведения о находке креста из дерева в саркофаге князя Изяслава Андреевича (умер в 1164 г.) в Успенском соборе Владимира сообщает краеведческая литература[74]. В двух захоронениях XII в. в

Минске на Замчище были зафиксированы кожаные плетеные кресты, что говорит о принадлежности их хозяев к монашествующей братии[75].

Второй крупный регион, где в домонгольское время отмечены несколько случаев использования крестов в обряде похорон, охватывает Киевскую землю. Так, небольшой крест-складень найден в захоронении древнерусского времени на Замчище — городе Василеве[76]. В Киеве, при наличии большого числа древних погребений, с крестиками их меньше, чем можно было бы ожидать. В материалах, обнаруженных НА. Хойновским в Киеве, упоминаются крест-энколпион из погребения в деревянном гробу и крест из зеленого мрамора в развале шиферного саркофага[77]. Интересные находки дали исследования захоронений городища Замчище (Ивано-Франковская область), датированных второй половиной XII — первой половиной XIII в. В погребении № 1 были зафиксированы в районе черепа два креста — из камня и бронзы. Единственный пока на весь домонгольский период крест из золота в захоронениях происходит из погребения № 21 (располагался на груди)[78].

В период XIV-XV вв. кресты в погребениях встречаются крайне редко. Так, в Гродно, в развалинах Верхней церкви в детском захоронении найден восьмиконечный крест-тельник из серого мрамора[79]. В Переславле-Залесском при исследовании Спасо-Преображенского собора были

[160]

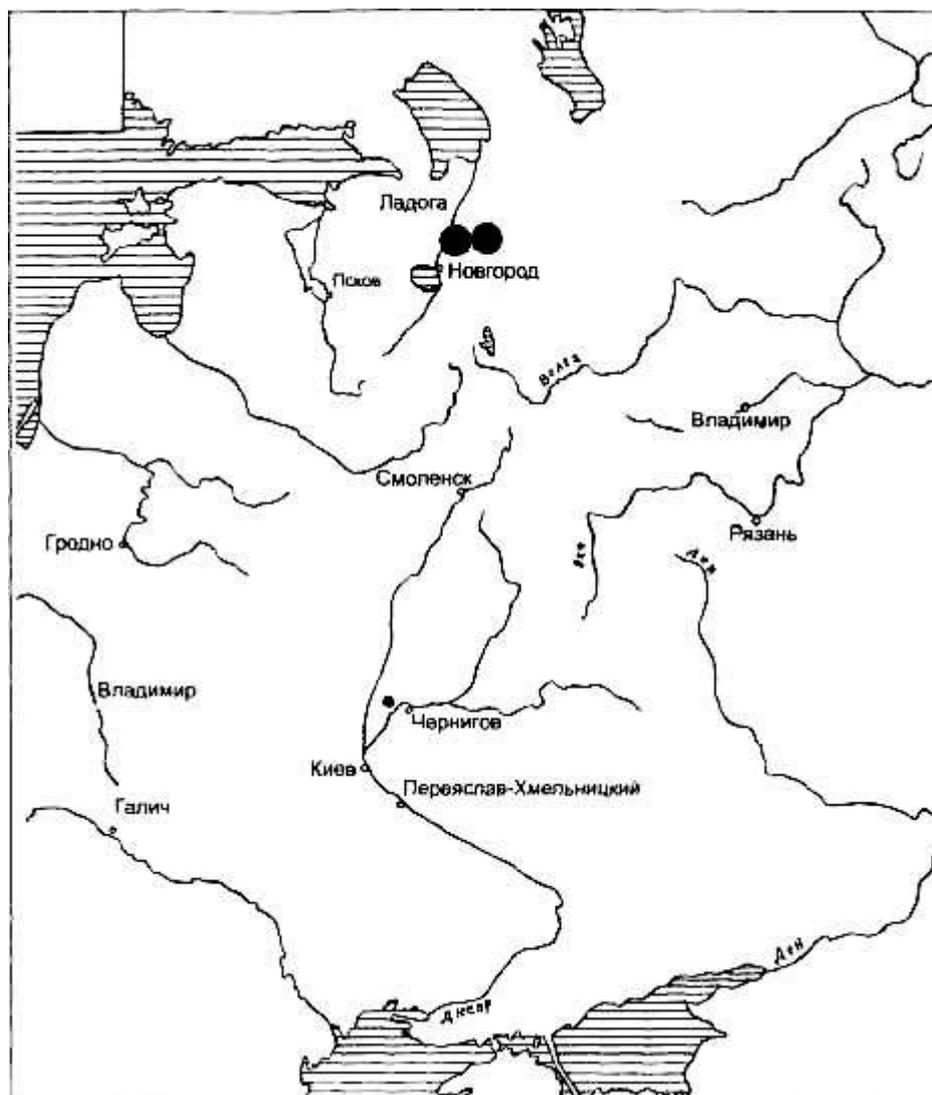
обнаружены несколько княжеских захоронений и возле них вырубленный из медной пластины большой крест. Предположительно, он связывается с захоронением князя Ивана Дмитриевича, внука Александра Невского, умершего в 1302 г.[80] К XIV-XV вв. относится находка плетеного из кожаных ремней креста в одном из каменных ладьевидных саркофагов Аркажского монастыря под Новгородом[81]. Как показывает анализ, более широкое использование крестов в захоронениях относится ко второй половине XVI в. В этот период уже около трети погребений городских кладбищ совершают с нателными крестиками. Так, например, в Пскове, на кладбище церкви Иоанна Милостивого, датированном XVI-XVII вв., где найдено более ста захоронений, уже тридцать три из них сопровождалось крестиками[82].

Таким образом, археологические материалы позволяют изучить историю развития этой детали погребального обряда XI-XVI вв. Выясняется, что захоранивали с нателным крестом в домонгольской Руси крайне редко, в основном в двух регионах, где раннее принятие и активное распространение христианства привело к появлению крестов в захоронениях представителей феодальной верхушки и монашества (Киев и Новгород). Значительную часть таких погребений следует относить к монашеским, где помещение крестов было обязательным и соблюдалось строго. В захоронениях светских лиц крестов мало. Очень редки находки захоронений с крестами в период XIV-XV вв. Только начиная со второй половины XVI в. применение крестов как детали обряда становится более частым. В этот период уже до трети захоронений сопровождаются крестами; охвачена этим явлением значительная территория, в отличие от раннего периода. Так, например, в трех захоронениях усыпальниц представителей правящего дома в Московском Кремле были найдены нателные кресты. Они зафиксированы также в виде вышивки на саванах, венчиках (налобных лентах) и куколях погребенных.

В итоге выясняется крайне позднее (XVI-XVII вв.) появление традиции захоронения с нателным крестом в городских средневековых некрополях русских городов, окончательное закрепление которой нужно относить только к XVIII в.

Интересен вопрос о времени появления и степени распространения монет в инвентаре средневековых городских захоронений (ил. 54). Использование монет в погребениях в качестве «обола мертвых» было широким на территории древнерусских земель в курганных захоронениях вплоть до XII в. Причем наиболее часто они встречаются на северо-западе Руси, в верховьях Днепра и на Черниговщине, а также в междуречье Оки и Волги. Несомненно, что обычай «обола мертвых» чаще отмечен в регионах со смешанным населением, среди которого силен финно-угорский элемент. Нельзя исключать влияние античной традиции «обола», сказавшейся на верованиях населения южнорусских территорий, связанных с Причерноморьем. Прекращение притока западноевропейских денариев на

[161]

54. Карта распространения захоронений с монетами. XV- XVI вв.

Русь в середине XII в. приводит к их постепенному исчезновению из экономической жизни и из захоронений. Если мы обратимся к материалам городских кладбищ средневековой Руси, то выясним, что появление монет в качестве «обол мертвых» нужно связывать с XV в. — периодом активного развития собственного монетного дела на северо-западе Руси. Территориально это Новгородская земля. Именно в Новгороде, на кладбище при церкви Ильи, в грунтовых захороне-

[162]

ниях XV-XVI вв. зафиксированы медные монеты. В некоторых захоронениях удалось отметить их точное положение. Так, в могилах № 3 и 9 монеты найдены у черепа, в захоронении № 23 — на черепе, в могиле № 4 монета была зажата в кулаке погребенного[83]. Серебряная новгородка зафиксирована в двойной составной гробнице в западном притворе церкви Аркажского монастыря, содержавшей несколько разновременных захоронений начиная с XIII в.[84] На территории Северо-Западной Руси эта черта обряда отмечается длительное время. Так, серебряная ливонская монета XVII в. найдена в одном из саркофагов в Аркажском монастыре[85], шведские монеты XVII в. — в Копорье в кирпичных гробницах в храме XVI в.[86], русские медные монеты — в захоронениях XVIII в. в Санкт-Петербурге[87]. Отмечены захоронения с «оболом» и в западных землях, на Волыни и в Смоленске (XVII-XIX вв.). Необходимо отметить, что традиция «обол мертвых» возродилась именно в тех землях, где она прослеживается по находкам в курганных захоронениях I — начала II тыс. н. э. И совершенно не отмечены монеты в погребениях на территории Северо-Восточной Руси.

До сих пор наличие предметов вооружения в могилах объяснялось языческим характером захоронений. Действительно, на обширной территории Руси оружие зафиксировано в курганных погребениях, будь то труположение или трупосождение. Единичные находки предметов вооружения в погребениях христианского времени получили пока слабую интерпретацию в научной литературе. На основании редких находок говорить о

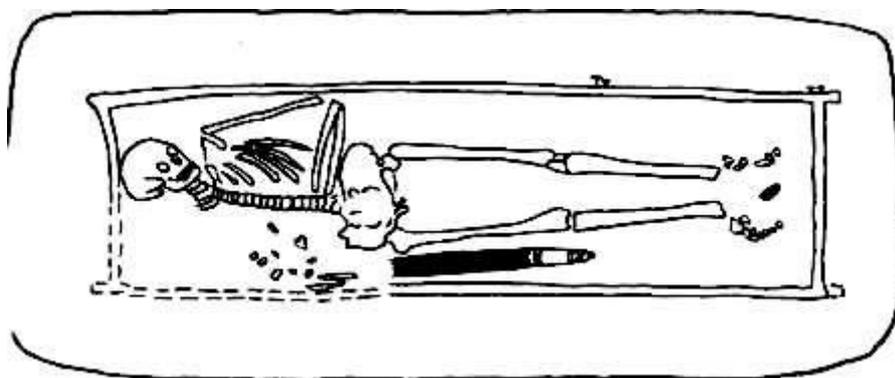
каких-либо традициях в ритуале захоронений средневековья невозможно. Но накопление такого материала со временем даст возможность решить вопрос об этой детали ритуала захоронения.

В краеведческой литературе XVIII — начала XX в. отмечались случаи сохранения в некоторых древних усыпальницах предметов вооружения при княжеских гробницах. Например, в Троицком соборе Пскова мечи находились у могил князей Всеволода-Гавриила (умер в 1138 г.) и Довмонта (умер в 1299 г.)^[88] В Успенском соборе Владимира в аркосолии, при гробнице князя Изяслава Андреевича (сын Боголюбского, умер в 1164 г.) лежали шлем и стрелы, по преданию ему принадлежавшие^[89]. Все указанные факты неоднократно приводятся в литературе с объяснением этой традиции ее глубокой древностью.

При реставрации Успенского собора Чернигова в 1791 — 1798 гг. были обнаружены захоронения под его полом. Через отверстие увидели «много гробов, из коих немногие уцелевшие...; на одном заметил он (ключарь. — Т. П.) большой величины меч»^[90]. Поскольку погребения были тут же засыпаны по приказу церковных властей, других данных об этой находке нет.

Сведения письменных источников и литературы дополняются данными археологических раскопок. Несколько случаев помещения оружия в захоронениях были зафиксированы в Киеве. В XIX в. обнаружили меч в погребении, совершенном в шиферном составном саркофаге. В его развале, под плитами возле скелета лежали погнутый меч и обломок креста

[163]

55. Захоронение с мечом. Киев. Десятинная церковь. XI в. Прорись

из зеленого мрамора. Меч был в золотых ножнах^[91]. В одной из могил на кладбище Софийского собора в Киеве при скелете оказались копье, стремяна, удила и другие предметы. Характер погребения не совсем ясен — упомянута гробница, но из чего она выполнена, не отмечено^[92].

Самая интересная находка, четко зафиксированная археологически, была сделана при изучении Десятинной церкви, в западной части центрального нефа. В деревянном гробу у правой ноги погребенного лежал меч (ил. 55). Захоронение, несомненно, княжеское и датируется XI в.^[93] Только однажды обнаружили предмет вооружения в массовом погребении — могиле с двадцатью пятью черепами людей, зафиксированной в Старой Рязани при исследовании Спасской (?) церкви. В ней находился череп животного и наконечник копья^[94]. Причем это погребение располагалось внутри храма, как и одно из захоронений в Чернигове, обнаруженное в начале XX в., где был выявлен костяной наконечник стрелы^[95]. Как показывает анализ материала, оружие встречается исключительно в княжеских погребениях храмов-усыпальниц, то есть эта деталь обряда похорон была привилегией военной аристократии. Несмотря на немногочисленные случаи находок предметов вооружения в захоронениях (или сведений об их расположении в интерьерах храмов), подтверждается существование такой традиции, уходящей корнями в языческие времена.

Погребения священнослужителей и монахов

Среди огромного числа средневековых городских захоронений могилы монахов и церковнослужителей, изученные на сегодняшний день, составляют незначительную группу. Между тем данный материал пред-

[164]

ставляет большой интерес, так как обряд похорон этой категории средневекового населения также слабо изучен, несмотря на достаточно полное его отражение в письменных источниках. В них, как правило, приведены подробные сведения о ритуале захоронения монахов, в то время как обряд погребения священнослужителей, особенно занимавших высшие ступени в церковной иерархии, описан очень кратко.

Как отмечалось выше, погребения монахов и священнослужителей составляют небольшую группу — чуть более двадцати находок. Многие захоронения этой категории средневекового населения долгое время не привлекали

внимания исследователей. Некоторые материалы в этой группе данных были получены при случайных обстоятельствах или раскопках еще в XIX — начале XX в. Данные о находках страдают отсутствием точных, а иногда и вообще каких-либо дат и крайней скудостью описаний. Однако включение их в общий ряд с хорошо исследованными дает дополнительные сведения о характере обрядовых действий. Многие детали ритуала похорон, не отмеченные в письменных источниках, регламентирующих все стороны жизни черного духовенства, но сохранившиеся в археологическом материале, теперь нуждаются в новом осмыслении и привязках. Даже при первом взгляде на захоронения монахов становится ясно, что по своему характеру они разделяются на несколько групп, отличающихся по инвентарю, который сопровождал погребенного. Это, несомненно, отражало принадлежность каждого из них к определенной ступени монашества. Прежде всего выделяются погребения с кожаными крестами, искусно плетеными из тонких ремешков (ил. 56: а, б). Некоторые из таких находок были в разное время опубликованы. Их основная часть найдена в захоронениях домонгольского времени. Как правило, это достаточно редкие находки — лишь в пещерных некрополях Киево-Печерской лавры и Зверинцева монастыря в Киеве их обнаружено много[96]. В других же центрах Руси они зафиксированы в Старой Рязани — один XII-XIII вв.[97], в Минске — два XII в.[98], в Юрьевом монастыре — три креста XII в.[99], в Аркажском — два, один — XIII в. и один — XIV-XV вв.[100] Это те случаи, когда других атрибутов монашества в захоронениях не было. Сейчас трудно установить, на какой ступени монашества стояли лица, погребения которых сопровождали только кожаные плетеные кресты. В некоторых случаях мы можем предполагать достаточно высокое положение этих лиц в церковной иерархии, несмотря на более чем скромный обряд захоронения, как, например, в случае с двумя погребениями Юрьева монастыря в Новгороде (XII в.), которые предположительно связываются с именами первых игуменов обители — Кириака и Исаяи. К группе захоронений с кожаными крестами в инвентаре тесно примыкает группа погребений, в которых наряду с плетеными крестами зафиксированы также и кожаные пояса с тиснеными изображениями двенадцатых праздников с соответствующими надписями (ил. 56: в). В исторической литературе, вводящей эти данные в научный оборот, их описания оставя-

[165]

ют желать лучшего. Публикации говорят о находках указанных выше вещей в некрополях Киево-Печерской лавры, Зверинцева монастыря и в Смоленске. Приходится останавливаться только на тех случаях, где материалы захоронения зафиксированы археологически точно. К сожалению, на сегодняшний день единственный такой случай — захоронение княгини Евфросиньи, жены Ярослава Всеволодовича, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде, датированное 1244 г. Здесь кожаный плетеный крест на витом кожаном шнурке был найден на груди погребенной, а ниже грудной клетки лежали куски кожаного пояса с тиснеными изображениями. Монашеская принадлежность погребения несомненна[101].

К сожалению, датировка кожаных поясов с тиснеными изображениями двенадцатых праздников, найденных в пещерных некрополях Киево-Печерской лавры и Зверинцева монастыря, практически не разработана. Это объясняется спецификой погребального обряда в комплексах такого рода, где захоронения совершались в пещерах-кельях в подземных галереях чаще всего без гробов, десятками в одном помещении на протяжении длительного периода, что привело к смешению инвентаря. При исследованиях XIX — начала XX в. инвентарь был изъят без научной обработки и теперь может лишь привлекаться для изучения в ряду других находок, имеющих более четкие датировки. Среди поясов, обнаруженных в Киево-Печерской лавре и Зверинцевом монастыре, есть изделия только с изображениями, и изображениями с надписями. Такие же пояса зафиксированы и в других центрах. Одна из ранних находок была обнаружена в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, в захоронении 1226 г., приписываемом архимандриту обители Савватию[102]. На его поясе оттиснуты в круглых медальонах изображения двенадцатых праздников, херувимов и архангелов, но надписи здесь отсутствуют[103]. Интересно, что в Новгороде в слое города был найден обрывок монашеского пояса с изображениями в прямоугольных клеймах тех же праздников, но сопровождаемых надписями (ил. 56: г). Пояс зафиксирован в слое конца XIV — начала XV в.[104] Аналогичная находка XIII-XV вв. сделана в культурном слое Твери (ил. 56: д)[105]. В археологическом собрании Музеев Московского Кремля хранится фрагмент кожаного пояса, извлеченного в 1929 г. из захоронения княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, умершей в 1407 г. (ил. 56: е). Известно, что она перед смертью приняла постриг в Вознесенском монастыре. Здесь изображения праздников также помещены в прямоугольные клейма, как и располагающиеся рядом надписи[106].

В одном из захоронений был зафиксирован такой набор монашеских атрибутов — пояс и параманд. На сегодняшний день это единственный пример подобного набора вещей в инвентаре погребения. Он обнаружен в 1836 г. при ремонте Спасо-Преображенского собора Московского Кремля, в белокаменном саркофаге одного из княжеских захоронений XIV в. (ил. 56: ж). Параманд представляет собой прямоугольную пластину из

[166]

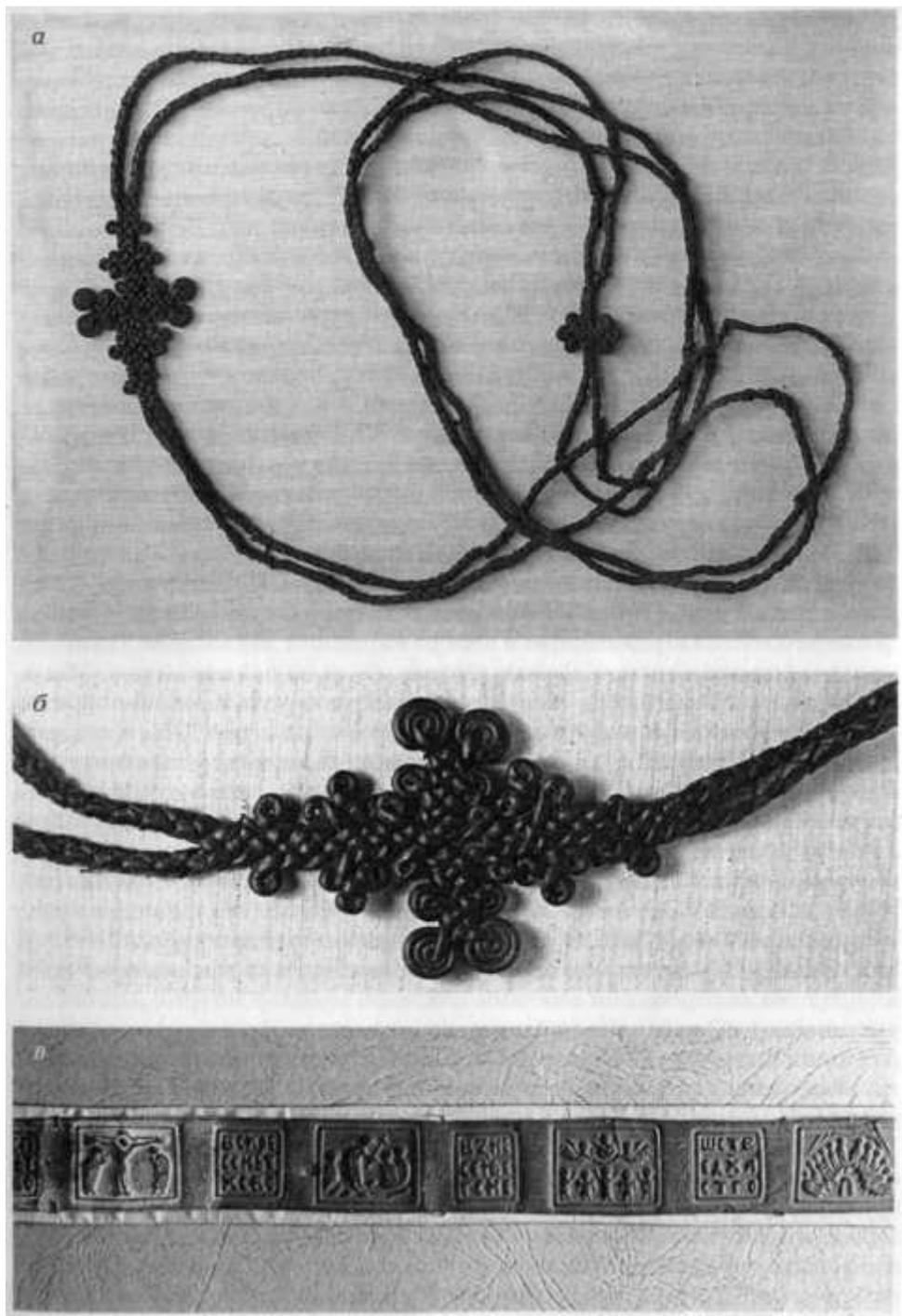

Рис. 56а

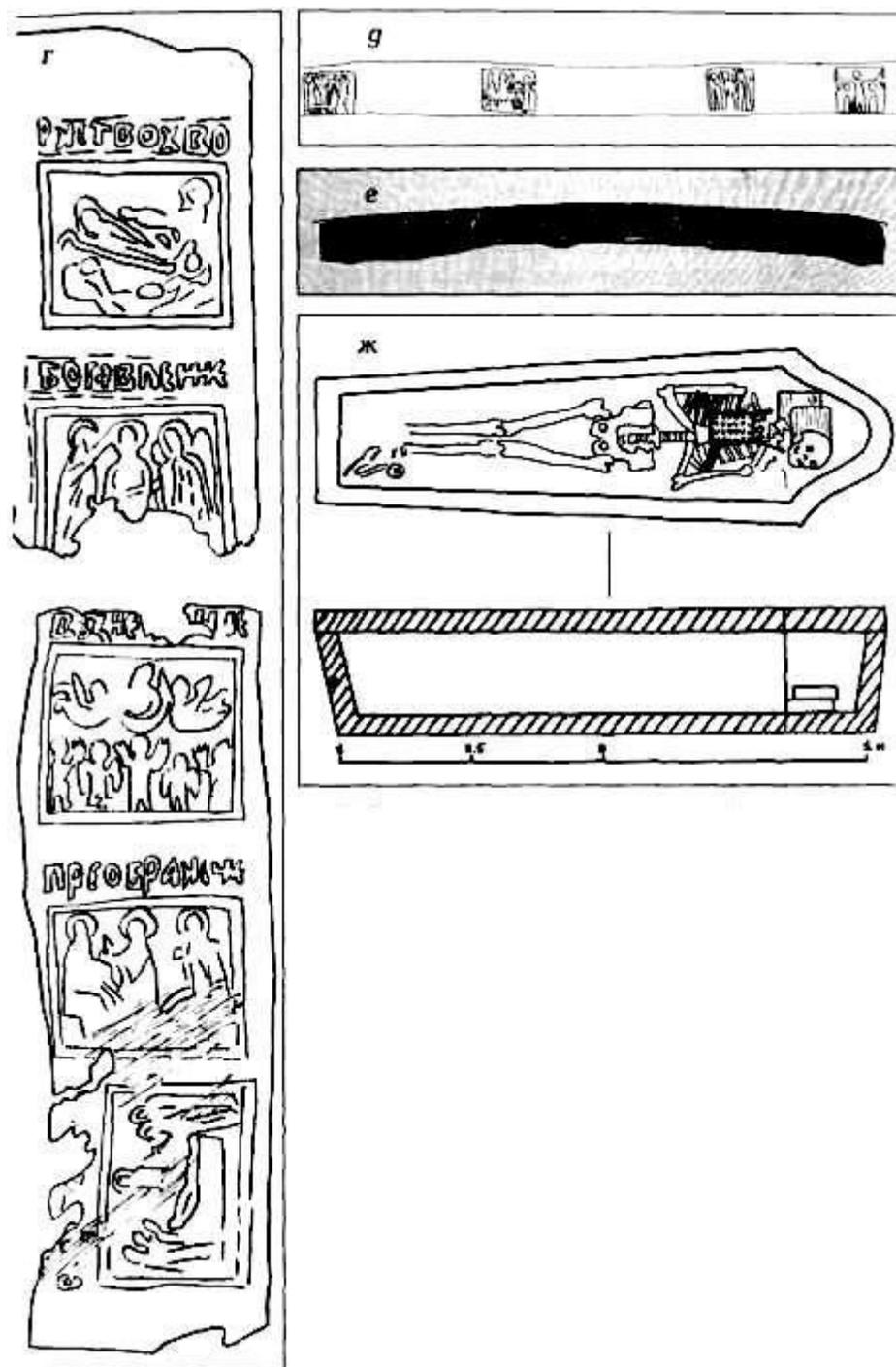

Рис. 56б

56. Инвентарь монашеских захоронений: а) крест из захоронения в Московском Кремле. Середина — вторая половина XV в. Кожа; плетение. Музеи Московского Кремля; б) деталь креста; в) пояс из погребения в Спасо-Преображенском соборе Московского Кремля. Конец XIV в. Кожа; тиснение. Музеи Московского Кремля; г) фрагмент пояса. Новгород. Конец XIV — начало XVв. Кожа; тиснение. Прорись; д) пояс. Тверь. XIII-XIV вв. Кожа; тиснение. Прорись; е) фрагмент пояса из погребения великой княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы Дмитрия Донского, в Вознесенском соборе Московского Кремля. 1407. Кожа; тиснение. Украшен изображениями двенадцати праздников. Музеи Московского Кремля; ж) захоронение с кожаным поясом и парамандом из Спасо-Преображенского собора Московского Кремля. Конец XIV в. Найденов 1836 г. Прорись. План, разрез

[168]

толстой кожи, к левому верхнему углу которой прикреплен длинный кожаный ремешок с узлом на конце, а к правому — петля; с их помощью изделие закреплялось на теле (ил. 57). Никаких соединений с поясом не было: это хорошо видно и на рисунке, зафиксировавшем погребение целиком в момент обнаружения^[107]. В связи с этой уникальной находкой необходимо отметить упоминание в берестяной грамоте № 648 в Новгороде среди перечисленных в ней

церковных или священнических принадлежностей оперсника[108]. Исследователи грамот считают, что под оперсником следует понимать, видимо, параманд. В этом случае текст берестяного документа является самым ранним упоминанием в письменных источниках такого атрибута монашества, как параманд, поскольку грамота датируется рубежом ХП-ХШ вв.[109]

Таким образом, среди монашеских захоронений выделяются следующие комплексы: только с кожаным крестом (наиболее многочисленная группа); только с монашеским поясом; с крестом и поясом; с поясом и парамандом. Если среди первой группы возможны погребения простых монахов, то во всех остальных случаях мы встречаемся с захоронениями монахов высоких рангов или членов княжеских семей, принявших постриг перед смертью. Материалов для изучения обряда погребения священнослужителей крайне мало. Письменные источники умалчивают об использовании каких-либо атрибутов при их захоронении, независимо от ранга умершего. Археологические данные несколько более информативны, но пока немногочисленны. Так, в 1936 г. в алтаре Апостольского придела Киевской Софии в погребении № 15 были найдены остатки богатых облачений, шитых золотом. Известно, что эта часть храма служила усыпальницей для

57. Параманд из захоронения Спасо-Преображенского собора Московского Кремля. XIV в. Свиная кожа; тиснение. Украшен изображениями двенадцатых праздников. Найден в 1836 г. Музеи Московского Кремля

[169]

епископов в XII-XIII вв. (последнее захоронение здесь совершено в 1280 г.). Фрагменты относились к культовой одежде, по-видимому, епитрахили. Исследователи предположили, что фигуры святых были нашиты на епитрахиль попарно один над другим, а промежутки между ними заполнены растительным орнаментом, основным мотивом которого является «древо жизни». Предполагаемая же композиция Оранты между двумя ангелами (всего найдено восемь фрагментов с фигурными изображениями) могла относиться к другим церковным одеждам. Датируются обнаруженные остатки облачений XII в.[110]

При раскопках в новгородском Софийском соборе в одном из каменных саркофагов были найдены останки мужчины в хорошо сохранившихся богослужебных одеждах[111]. Вопрос об атрибуции этого захоронения пока остается открытым, но принадлежность его одному из новгородских архиепископов второй половины XIV — первой трети XV в. не вызывает сомнения[112]. В состав облачений погребенного входили фелонь-полиставрий (крещатые ризы), белый омофор, расшитая золотом и шелками палица, белый клобук с золотыми рясами, сафьяновая обувь[113]. В данном случае характер погребения на основе находок и данных летописей определяется четко.

Несомненно, что к такого же рода захоронениям относятся те, в которых находились не только остатки культовых одежд, но и атрибуты христианской религии или церковные вещи. Так, при раскопках на усадьбе Трубецких в Киеве

было зафиксировано несколько интересных погребений. Одно из них (в деревянном гробу) содержало остатки парчовой ткани, густо покрытой золотыми протканными звездочками. На груди скелета лежал крест-энколпион[114]. В другом погребении среди прочих вещей находилась яшмовая иконка, украшенная барельефным изображением Христа. В третьем захоронении в головах погребенного лежала прорезная крышка кадила, на ней чередовались изображения четырех крестов с четырьмя фигурами евангелистов[115]. Интересно одно из погребений Белгородки под Киевом, совершенное в белокаменном саркофаге с редчайшей для территории Древней Руси орнаментированной крышкой. В саркофаге были найдены остатки тканей с золочеными украшениями. Наличие на внутренней стенке гроба изображения голгофского креста позволило отнести захоронение к епископским XII в.[116] Редким для средневековых грунтовых кладбищ является погребение XI — начала XII в. с орудиями самоистязания (веригами), обнаруженное в Ярополче-Залесском[117]. Скорее всего, здесь был захоронен монах. К XII-XIV вв. относится погребение с литым металлическим образком (с изображением архангела Михаила), зафиксированное при раскопках храма в Старой Рязани еще в 1836 г. Трудно интерпретировать находку, лишь кратко упомянутую среди других материалов[118]. В Вышгороде под Киевом были обнаружены останки в шиферном саркофаге с перстнем и медной церковной печатью, которые авторы работ отнесли к XIII-XV вв.[119] Погребение священнослужителя XV-XVII вв., найденное в Звенигороде (Львовская область), сопровождали цинковая чаша, дискос и железная звезда — все эти предметы

[170]

лежали возле головы[120]. Крайне редкими являются захоронения с четками, лишь однажды такое было обнаружено на позднем кладбище XVI-XVII вв. возле Иоанновского собора в Пскове[121], отнесено оно к монашеским.

В инвентаре средневековых городских захоронений отмечены находки бытовых вещей, но они крайне редко использовались в обряде, что не позволяет говорить об устойчивой традиции, а скорее, свидетельствует о профессиональных навыках или привычках погребенных людей.

Встречены в инвентаре захоронений гребни. Костяные гребни найдены в двух могилах древнерусского периода в Киеве[122], деревянный гребень зафиксирован в саркофаге владимирского митрополита XIII в. Сиона[123]; такой же двусторонний гребень обнаружен в погребении XVI в. в Зарядье (Москва)[124]. Ножи зафиксированы в детском захоронении XIII-IV вв. в Гродно[125], в погребении XVI в. у церкви Никиты на Яузе в Москве[126]. К этому же времени относится погребение из раскопок на Дворище Новгороде, где у головы костяка лежал точильный брусок с отверстием на конце[127]. Кресала для высекания огня были найдены в захоронениях XVI в. Десятичной церкви в Киеве[128].

Анализ вещевых материалов городских захоронений средневековой Руси дает возможность проследить то, о чем умалчивают письменные источники, — наличие значительного числа черт языческого ритуала похорон в христианских погребениях. Археологические данные позволяют проследить на протяжении длительного времени всю динамику развития такой детали обряда захоронения, как инвентарь, выявить признаки и проявления синтеза языческих и христианских верований в погребальной культуре средневековья.

Первая часть третьей главы посвящена достаточно подробному анализу пережиточных черт языческого обряда, прослеживаемых по инвентарю и другим деталям погребений на христианских грунтовых кладбищах в некрополях. Помещение в могилу, в погребальные сооружения или в засыпку могильной ямы угля, битой посуды, сосудов с остатками тризны, хлебных злаков, амулетов, использование при этом бересты и т. п. — все это, несомненно, свидетельствует о том, что в первоначальный период формирования христианского обряда захоронения в значительной степени — и еще сохранялись многие черты ритуала языческой поры. Наличие богатого инвентаря в виде дорогих привозных тканей и украшений из драгоценных металлов можно также связывать с верованиями и традициями дохристианского времени. Однако не исключено, что это может быть также признаком социальной принадлежности погребенного.

В других разделах третьей главы впервые анализируется инвентарь не только светских лиц, но и такой группы средневекового городского населения, как священнослужители и монашествующая братия. Анализ письменных источников и немногочисленных на сегодняшний день археологических данных помогает восстановить ритуал и атрибутику этих погребений, выявить их особенности.

[175]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Развитие городского погребального обряда как составная часть религиозных представлений населения средневековой Руси.

Изучение истории развития городского погребального обряда средневековой Руси (XI-XIV вв.), впервые предпринятое в данной работе, приводит к выводу о сложности и длительности происходивших в этой области

процессов. Исследование, основанное на материалах археологических раскопок и письменных данных, позволяет сегодня достаточно полно реконструировать весь обряд захоронения жителя средневекового русского города от момента его смерти до погребения.

Здесь необходимо хотя бы конспективно описать в общих чертах ритуал захоронения, не вдаваясь в подробности, рассмотренные в основной части работы.

После того как горожанин умирал, его тело прежде всего обмывали водой (с монахов при этом было запрещено снимать одежду и видеть их обнаженное тело), а затем обряжали в соответствующие званию и положению одежды: монахов — в монашеские соответственно их ступени, священнослужителей — в облачения, которые использовались ими при отправлении церковных служб. В грунтовых захоронениях рядовых граждан средневековых городов остатки одежды настолько незначительны, что не позволяют с уверенностью реконструировать ее состав. Более информативны в этом отношении материалы захоронений из храмов-усыпальниц, где в могилах князей и других представителей городской знати сохранились фрагменты платья и саванов из дорогостоящих привозных, чаще всего итальянских и восточных, тканей.

Затем тело, подготовленное к погребению, доставляли к месту захоронения (после отпевания в церкви) на освященной церковью земле. До могилы тело несли на кладбище или в деревянном гробу (затем в нем и совершали погребение), или, если хоронили просто в грунтовой яме без дополнительного погребального сооружения, на одре — плоском щите из досок. Когда захоронение совершалось в храме-усыпальнице, то тело, как правило, доставляли в храм в деревянном гробу или на одре (с XVI в.) и затем, после отпевания, перекладывали в каменный саркофаг или кирпичную гробницу или аркосольную нишу, либо в раку — в зависимости от выбранной формы захоронения. На грунтовых кладбищах способы маркировки могил в домонгольское время остаются неизвестными. С XIV в. для этого начинают широко применять каменные надгробные плиты. После помещения тела в могильную яму ее засыпали, сверху прикрывали плитой, украшенной орнаментом, а с конца XV столетия и снабженной эпитафией.

[176]

Как отмечались некоторые из расположенных в храмах захоронения, особенно в начальный период формирования в них некрополей (XI- XIV вв.), сказать трудно. В основном это касается погребений, расположенных под полом храма, а также в замурованных аркосолиях, с росписью на закрывающих их стенках. Достаточно поздние, XIV-XV вв., упоминания о надгробных памятниках в интерьере храмов не позволяют пока предполагать их использование в более раннее время. Появление надписей на крышках саркофагов, даже если они располагались в уровне пола и были обозримы, также относится только к началу XVI в.

Эта схема обряда погребения, прослеживаемая по археологическим данным и письменным источникам средневековья, сохранилась и до наших дней. Представляя собой лишь канву, по которой совершались погребения XI-XVI вв., она, как свидетельствует археология, во многих деталях, практически не оговариваемых в письменных источниках, являла собой очень разнохарактерную и не отличавшуюся единообразием систему. Это позволяло, особенно в начальный период формирования обряда, достаточно свободно трактовать многие его детали при соблюдении нескольких основополагающих обязательных условий.

2. Черты религиозного синкретизма в городском погребальном обряде.

Проникновение и становление христианской религии на Русь было сложным и длительным процессом, охватившим первоначально (в конце X-XI вв.) в основном лишь территорию Среднего Приднепровья и Новгород. Очень трудно в XI в. христианство проникало на северо-восток Руси. На рубеже X-XI вв., во время правления киевского князя Владимира, большинство населения Руси подверглось христианизации, но принятие новой религиозной системы не было ни повсеместным, ни глубоким. Значительная часть населения, внешне приняв культовую реформу, внутренне сохраняло свои старые верования.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что для русских христиан независимо от периода, в котором они жили — в первые века христианизации или в XIX столетии, — в той или иной степени было характерно двоеверие. Достаточно часто это отмечала и церковная обличительная и поучительная литература разного времени. Отсутствие серьезных разработок, посвященных проблемам двоеверия, взаимопроникновения двух религиозных систем — старой, языческой, и новой, христианской, — часто приводит к упрощенному взгляду на многие вопросы из области верований человека средневековой Руси. Это становится особенно очевидным при изучении истории становления городского погребального обряда после принятия христианства. Связанные с ним материалы как нельзя лучше демонстрируют всю сложность изменений, происходивших в сознании людей под влиянием новой религиозной системы.

Вопросы средневекового городского ритуала захоронения во всей его полноте и сложности практически не нашли отражения в российской исто-

[177]

риографии. Поэтому удивляет наличие в ней устоявшихся суждений о некоторых деталях погребального обряда, которые не вызывают у большинства историков сомнений. Изучение же литературы показывает ошибочность многих кочующих из издания в издание положений, где, как правило, считается, что принятие христианства повлекло за собой введение новой погребальной культуры в городах, унифицированной повсеместно и во всех деталях, и, что самое главное, строго соблюдаемой на всех уровнях.

Изучение фактического материала средневековых некрополей дает картину очень сложную и неоднозначную. Формирование христианского ритуала погребения, шедшее под византийским влиянием, несомненно, в первую очередь сохранило многое из славянского язычества. Черты религиозного синкретизма в городском обряде захоронения средневековой Руси наиболее четко прослеживаются в домонгольский период. Именно этим объясняется сохранение значительной частью городского населения в XI-XII вв. обычая погребения в курганах за пределами древнерусских городов, поблизости от их укреплений. Безусловно, сказывалась и слабая распространенность в это время христианства, его еще не глубокие корни на русской почве по сравнению с языческими представлениями, многочисленные примеры чему мы находим в археологическом материале жилых городских слоев. Начавшийся в XI в. процесс формирования городских кладбищ возле христианских храмов и усыпальниц внутри них также не был свободен от влияния древних представлений об обряде захоронения представителей всех слоев феодального общества. Необходимо отметить, что пережиточные черты языческого ритуала погребения прослежены в основном в инвентаре захоронений и в соблюдении некоторых деталей языческого обряда похорон. Эти черты отмечены как в рядовых грунтовых погребениях городских кладбищ, так и в могилах престижных некрополей представителей верхушки городского населения.

Многочисленные примеры сохранения старых языческих представлений при совершении похорон были рассмотрены в третьей главе достаточно подробно. Все эти примеры говорят о том, что долгое время после принятия христианства на Руси церкви не удавалось ввести твердые принципы в погребальный обряд и изжить исполнение при похоронах ритуальных действий языческой поры. Эти пережитки, зафиксированные при археологическом изучении средневековых погребений, наиболее ярко представлены в домонгольский период. Но следы многих из них можно встретить и в более позднее время, вплоть до конца XIX в.

3. Динамика развития христианского погребального обряда в XI-XV вв.

По археологическим данным крайне интересно проследить динамику развития городского погребального обряда на Руси в XI-XVI вв. Прежде всего стоит отметить зависимость формирования новой погребальной обрядности от самого процесса христианизации русских земель, шедшего достаточно трудно и долго, что уже отмечалось выше. Это подтверждает-

[178]

ся наблюдениями за развитием культовой архитектуры в древнерусских городах, вокруг которой (или внутри ее) сразу начинают формироваться кладбища и некрополи на новых принципах, в отличие от сохранившихся вплоть до начала XIII в. городских курганных могильников. Напомним в качестве примера, что для XI в. известны христианские городские кладбища и некрополи в храмах только четырех центров — Киева, Чернигова, Переяслава-Хмельницкого и Новгорода. В дальнейшем с усилением пропаганды христианства и организационной деятельности церкви расширяется и территория, подвергшаяся культовой реформе.

Уже в первоначальный период формирования христианского ритуала захоронения наряду с несколькими общими правилами совершения похорон (на освященной церковью земле, головой на запад, в могильной яме и т. д.) археологически четко фиксируется использование значительного числа типов погребальных сооружений и отдельных деталей обряда, в том числе и из ритуала языческого времени. Долгое время, вплоть до середины XIII в., церковь так и не смогла ввести хоть какое-то единообразие в погребальный обряд, включая все его детали, даже самые мелкие. Начало этого процесса наметилось только в XIV-XV вв. Ритуал захоронения длительное время был в стадии формирования, что отразилось, например, в применении даже в пределах одного кладбища или некрополя в храме очень разных типов погребальных сооружений и деталей обряда. Выше уже рассматривались характерные для периода XI — первой половины XIII в. захоронения на городских кладбищах в простых грунтовых ямах с частичной огородкой тела (из камня и дерева), с обертыванием тела берестой, под каменными плитами и изредка в каменных саркофагах. Не менее разнообразны формы погребений в храмах-усыпальницах, где можно встретить захоронения в каменных саркофагах, кирпичных гробницах, изредка в деревянных колодах в подпольном пространстве, в раках и кирпичных гробницах в интерьере церкви, в аркосольных нишах нескольких разновидностей. Значительны в этот период и пережитки языческого ритуала похорон в виде отдельных деталей, отмеченных во второй главе.

Середина XIII — начало XIV в. являются достаточно четким рубежом в истории развития христианского обряда погребения в средневековых городах Руси. Исследователи отмечают, что монголо-татарское нашествие стало причиной значительного укрепления позиций новой религиозной системы в русских землях. Церковь как наименее пострадавшая от ига часть государственного организма, в том числе и материально, стала организующим и

объединяющим началом в жизни средневекового русского человека. С этого времени происходят значительные изменения в ритуале захоронения городского населения Руси, который упрощается и в котором намечаются элементы единообразия, окончательно сформировавшиеся уже за пределами хронологии нашей темы. На обычных грунтовых кладбищах XIV-XVI вв. встречаются преимущественно погребения в деревянных гробах (колодах или ящиках), часто уже под могильными плита-

[179]

ми. Возможно использование и деревянных крестов для отметки могил, но данных для такого утверждения нет. В храмах-усыпальницах XIV- XVI вв. наиболее массово использовались каменные саркофаги в основном антропоморфной формы (Москва и Подмосковье, Рязань, Суздаль) и ладьевидные (Новгород и его округа). В XIV в. известны лишь два случая устройства аркосольных ниш для погребений в них — церковь Лазаря в Новгороде и Успенский собор в Московском Кремле. Прекращается использование кирпичных гробниц в подпольном пространстве и в интерьере храмов, хотя устройство раков отмечено достаточно часто. Значительно реже в этот период применяются детали ритуала захоронения языческого времени, однако его отголоски еще фиксируются.

4. Погребальный обряд как отражение социальной структуры средневекового городского общества.

В российской историографии XX в. крупные разработки о развитии русских городов и городской жизни периода русского средневековья редки. В них рассматриваются исторические корни многих явлений городской жизни, пути их развития, преемственность традиций. Но среди явлений материальной культуры, рисующих образ жизни в XI-XVI вв., практически никогда не встречаются данные о погребальном обряде. Между тем всесторонний анализ типов погребальных сооружений, ритуала захоронения и сопровождающего инвентаря позволяет сделать ряд наблюдений не только о религиозных представлениях людей средневековья, но и о социальной структуре городского феодального общества. Археологические материалы по погребальной практике Руси XI-XVI вв. позволяют проследить ее развитие как в религиозном, культурном, так и в социальном планах. Этой возможности не дают письменные источники, которые представляют нам взгляды лишь определенной части феодального общества, как правило, его высших слоев. В классовом обществе погребальный обряд всегда отражал социальную структуру населения и показывал наличие, с одной стороны, зажиточной верхушки горожан, а с другой, — значительного числа средних и бедных слоев населения.

Практически с первых шагов развития христианского ритуала захоронения в древнерусских центрах в нем фиксируются признаки имущественного неравенства. Одним из основных критериев для определения социального положения умершего может служить объем затрат при создании погребального сооружения, на погребальные одежды, инвентарь, то есть на совершение обряда похорон. Немаловажную роль играло и место захоронения. Интересно отметить, что уже в домонгольское время четко проявляются различия в погребениях разных социальных групп городского населения Руси. В этот период (XI-XIII вв.) можно говорить о двух основных группах городских захоронений.

К первой группе погребений — прежде всего по месту захоронения, сложности, разнообразию и дороговизне гробов, погребальной одежды

[180]

или инвентаря — относятся захоронения князей и членов их семей, высших церковных иерархов, посадников, монашеской братии. Для них используются главным образом храмы-усыпальницы (их основные и вспомогательные помещения), дорогостоящие каменные саркофаги (монолиты, составные), кирпичные гробницы, аркосольные ниши, раки. При совершении обряда похорон используют богатые одежды из привозных тканей и парадные облачения (у священнослужителей), атрибутику монашества и т. д.

Вторую группу составляют погребения, принадлежавшие населению со средним и низким достатком. Их могилы размещаются или на прилегающих к храмам участках, отведенным под кладбища, или за пределами городских укреплений, в курганных могильниках городов. В обряде похорон этой части населения часто вообще не используются гробы (просто могильные ямы, иногда с частичной оградкой из камня или дерева, иногда в бересте) или используются простые деревянные погребальные сооружения (колоды или ящики). Именно эта часть городского населения в домонгольское время сохраняет в ритуале погребения многие детали языческого обряда, хотя в захоронениях первой группы это также имеет место.

В последующее время, в XIV-XVI вв., идет процесс создания централизованного государства с единой системой экономики и управленческим аппаратом. В результате этого формируется единый класс феодалов Русского государства. Особенно сложным по структуре класс феодалов стал в XVI в. Интересно, что это нашло отражение и в погребальном обряде, несколько упростившемся в период после монголо-татарского ига. Согласно археологическим данным теперь можно выделить три группы городских средневековых захоронений. Прежде всего отметим, что наиболее пышным и богатым остается в это время ритуал захоронения представителей семей

великого князя (впоследствии, с 1547 г., царской семьи) и удельных князей и высших церковных иерархов. Здесь, как и в домонгольский период, используются дорогостоящие каменные саркофаги, драгоценные привозные ткани для одежды и саванов, редкие, в основном западноевропейского производства, ритуальные сосуды. В то же самое время верхушка правящего класса — семьи служилых князей и бояр — совершает погребения своих представителей главным образом на монастырских кладбищах и в некрополях (Чудова, Новодевичьего, Новоспасского, Богоявленского и других монастырей), а также на городских кладбищах. Причем, как правило, это захоронения в деревянных гробах в могильной яме, покрывавшейся после засыпки гроба в яме каменной плитой с орнаментом и эпитафией. Только в последнее десятилетие XVI в. отмечены захоронения простых людей под дорогими белокаменными плитами (сын палача, сын кожевника, служилый пушкарь-инок), но эти случаи еще крайне редки.

К третьей группе погребений городского населения в период XIV- XVI вв. относятся захоронения рядовых горожан в могильных ямах с

Опубл.: Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М.: «Радуница», 2004.

размещено 22.10.2007

-
- [1] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. № 8. С. 204, 208.
- [2] Строков А.Л. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. Н. С. 70, 72.
- [3] Тарасенко В. Р. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. С. 229.
- [4] Монгайт А.Л. Топография Старой Рязани // КСИИМК. 1952. Вып. 44. С. 114.
- [5] Шеляпина Н. С. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в 1963-1965 гг. — ОРПГФ Музеев Московского Кремля, ф. 20, 1965/74, л. 36; Она же. Отчет об археологических наблюдениях в Московском Кремле. 1967-1969 гг. — Там же, 1969/23, л. 5-6.
- [6] Воронин Н. Н. Раскопки в Переславле-Залесском // МИА. М., 1949. 11. С. 200.
- [7] Каргер М. К. Дневник Новгородской археологической экспедиции 1934 г. — Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, № 399, л. 41-42.
- [8] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р- I, 2440, л. 24-25.
- [9] Полубояринова М. Д. Раскопки церкви Саввы освященного в Новгороде. // СА. 1965. № 1. С. 300.
- [10] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворца в Новгороде // МИА. М., 1949. Н. С. 161.
- [11] Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я. Раскопки Пирогощи в 1978-1979 гг. — Архив ИАНАУ, 1979/16в, л. 20.
- [12] Седова М. В. Ярополч-Залесский. М., 1978. С. 67.
- [13] Латвия Г. Н., Тимощук Б. А. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1961. Т. 3. С. 39.
- [14] Селиванов А. В. О раскопках в Старой Рязани... // ТРУАК. Рязань, 1888. Т. 3. С. 39.
- [15] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М., 1949. 2. С. 69.
- [16] Коваленко В. П., Куза А. В. Отчет о раскопках собора XII в. в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре в 1981 г. — Архив ИАНАУ, 1981/37, л. 37.
- [17] Харитонов Г. В. Отчет Кашинского отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР. Калинин. 1974 г. — Архив ИА РАН, Р- I, 5168, л. 88.
- [18] Седова М. В. Отчет о раскопках Суздальской экспедиции в 1976 г. — Там же, 6327, л. 7.
- [19] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 204, 207-208.
- [20] Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани. С. 164.
- [21] Древности Российского государства. М., 1849. Отд. 1. С. 162.
- [22] Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 22.
- [23] Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. М., 1954. 41. С. 180.
- [24] Шеляпина Н. С. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // С А. 1973. № 4. С. 57.
- [25] Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894. С. 19.
- [26] Строков А.Л. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 72-73.
- [27] Тарасенко В. Р. Раскопки Минского Замчища // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 128.

- [28] Строков А.Л. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 70.
- [29] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 178-179.
- [30] Толочко П. П., Килиевич С.Р. Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе. — Архив ИА НАНУ, 1968/66, л. 180.
- [31] Строков А.Л. Раскопки в Новгороде в 1940 г. С. 70.
- [32] Там же. С. 71.
- [33] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 69.
- [34] Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Новгорода // СА. 1947. №9. С. 145.
- [35] Седов В. В. Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. Москва-Псков. 1987 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 11299, т. 2, альбом 4, л. 16, 18-20, 22-25, 30-32.
- [36] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. Владимир, 1891. С. 98.
- [37] Дневник работ по вскрытию захоронений... Вознесенского монастыря в Московском Кремле. 1929 г. — ОРПГФ Музеев Московского Кремля, ф. 20, ед. хр. 14, л. 16.
- [38] Коваленко В. П., Куза А. В. Отчет о раскопках собора XII в. в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре в 1981 г. — Архив ИА НАНУ, 1981/37, л. 37.
- [39] Рикман Э. А. Результаты археологических наблюдений в Зарядье // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 84.
- [40] Воронин Н. Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1963 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2683, л. 4.
- [41] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева, произведенные весной 1892 г. Киев, 1893. С. 35.
- [42] Селиванов А. В. О раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Рязань, 1891. Т. 5. С. 34.
- [43] Харитонов Г. В. Отчет Кашинского отряда Верхневолжской археологической экспедиции. — Архив ИА НАНУ, 1981/37, л. 10.
- [44] Толочко П. П., Килиевич С.Р. Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе. — Архив ИА НАНУ, 1968/66, л. 5.
- [45] Пастернак Я. Археология Украины. Торонто, 1961. С. 629.
- [46] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1912. Приб. к вып. 46. С. 164.
- [47] Фехнер М. В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. М., 1972. С. 198.
- [48] Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955. 49. С. 159.
- [49] Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // СА. 1976. №2. С. 201, рис. 5.
- [50] Панова Т. Д., Синицына Н. П. Волосники из погребений бывш. Вознесенского монастыря Московского Кремля // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 340.
- [51] Куглюковский П. И. Отчет об археологических разведках, проведенных в Суздале в 1972 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 4899, л. 7.
- [52] Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. Рис. 3, 4.
- [53] Орлов Р. С., Булкин В. А. Работы Белоцерковской экспедиции // АО 1983. М., 1985. С. 333.
- [54] Седова М. В. Ярополч-Залесский. С. 67.
- [55] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 69.
- [56] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 207.
- [57] Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Новгорода. С. 166.
- [58] Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани. С. 164.
- [59] Милеев А. В. О раскопках Десятинной церкви в 1909 г. // ИАК. СПб., 1909. Приб. к вып. 32. С. 36.
- [60] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. С. 97.
- [61] Белецкий В. Д., Белецкий С.В. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138 г.) // СА. 1979. № 3. С. 275-276.
- [62] Пастернак Я. Археология Украины. С. 623.
- [63] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3832, л. 8.
- [64] Дубинин А. Ф. Отчет о работе археологической экспедиции за 1955 г. — Там же, 1110, т. 1, л. 141-142, 145.
- [65] Panova T., Vercinkevicius J. Sofijos Vytautaites palaidojimas Maskvos Kremliuje // Mokslas ir gyvenimas. Vilnius, 1986. 6. С. 27.
- [66] Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля. С. 119-120.
- [67] Коваленко В. П., Куза А. В. Отчет о раскопках собора XII в. в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре в 1981 г. — Архив ИА НАНУ, 1981/37, л. 81.
- [68] Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 245.
- [69] Псалтирь. Троице-Сергиева лавра. — ОР РГБ, ф. 304, ед. хр. 315, л. 504 об.
- [70] Иванченко Л. И., Орлов Р. С. О локализации летописного Юрьева // Археология. Київ, 1986. Т. 53. С. 9.
- [71] Седова М. В. Ярополч-Залесский. С. 69.

- [72] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 202, 206-208.
- [73] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 40.
- [74] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. С. 98.
- [75] Тарасенко В. Р. Древний Минск. С. 232.
- [76] Томенчук Б. П. Исследование летописного Василева // АО 1978. М., 1979. С. 413.
- [77] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева... С. 32, 36-40.
- [78] Томенчук В. П. Звіт про охоронні розкопки на городище Замчище в с. Олешків Снятинського району в 1982 р. — Архив ИА НАНУ, 1982/123, с. 17, 78, рис. 12.
- [79] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. Рис. 181.
- [80] Он же. Раскопки в Переяславле-Залесском. С. 200.
- [81] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 40.
- [82] Седов В. В. Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. — Там же, 11299, погр. № 6, 24, 40, 46, 48-50, 52, 53, 56-58, 60, 70, 71, 73, 75, 76, 78-82, 86, 90, 92-94, 96, 100-103.
- [83] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. С. 136-137.
- [84] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 43.
- [85] Там же, л. 31.
- [86] Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Древнерусский храм в Копорье // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 141.
- [87] Археологическая хроника // ИАК. СПб., 1911. Приб. к вып. 42. С. 125.
- [88] Толстой М. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 23, 31.
- [89] Георгиевский В. Гор. Владимир и его достопамятности. Владимир, 1896. С. 68.
- [90] Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 105.
- [91] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева, С. 36-40.
- [92] Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии // Древности. М., 1895. Прил. к т. 15. С. 36.
- [93] Каргер М. К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 14.
- [94] Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани. С. 164.
- [95] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 69.
- [96] Эртель А. Д. Древние пещеры на Зверинце в Киеве. Киев, 1913. С. 39; Каманин Н. Н. Зверинецкие пещеры в Киеве. Киев, 1914. С. 31, 99-100.
- [97] Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани. С. 160.
- [98] Тарасенко В. Р. Раскопки Минского Замчища. С. 127.
- [99] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 206, 209-210.
- [100] Орлов С. Н. Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 2440, л. 40.
- [101] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 206.,
- [102] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М" 1988. С. 101.
- [103] Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе... С. 208, рис. 39.
- [104] Янин В. Л. Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1981 г. — Архив ИА РАН, Р -1, 9983, рис. 251, 252.
- [105] Попова Л. А. Отчет об археологических раскопках на территории бывш. Тверского Кремля в 1985 г. — Там же, 11056, л. 49.
- [106] Дневник работ по вскрытию захоронений... Вознесенского монастыря в Московском Кремле. 1929 г. — ОРПГФ Музеев Московского Кремля, ф. 20, ед. хр. 14, л. 10.
- [107] Древности Российского государства. Рис. 107.
- [108] Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993. С. 32.
- [109] Там же.
- [110] Новицкая М. С. Древнерусские вышивки золотом с фигурными изображениями // Археология. Киев, 1970. Т. 24. С. 99.
- [111] Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 100-103.
- [112] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 62-67.
- [113] Якунина Л. И. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 107.
- [114] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева... С. 32.
- [115] Там же. С. 24.
- [116] Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 3832, л. 7-8.
- [117] Седова М. В. Ярополч-Залесский. С. 69.

- [118] Черепнин А. Кулаковский могильник и городище Старая Рязань //ТРУАК. 1903. Т. 18. С. 132.
- [119] Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии. С. 18.
- [120] Иоаннисян О. М., Свешников И. К., Могитич И. Р. Работы Звенигородского отряда //АО 1978. М" 1979. С. 333.
- [121] Булкин В. А., Овсянников О. В. Архитектурно-археологические раскопки в Мирожском монастыре в 1974-1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 208.
- [122] Хойновский Н. А. Раскопки великокняжеского двора древнего г. Киева... С. 24, 32.
- [123] Виноградов А. История Успенского собора в г. Владимире. С. 97.
- [124] Дубынин А. Ф. Отчет о работе археологической экспедиции за 1955 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 1110, т. 1, л. 136.
- [125] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 181.
- [126] Рабинович М. Г. Отчет об археологических раскопках в устье Яузы в 1946 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 70, л. 96.
- [127] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. С. 16.
- [128] Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. № 25. С. 339.